

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВО

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

LAW

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серія 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»)

Выходит три раза в год

1

2026

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **БАЛАШЕНКО С. А.** – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: balashenko@bsu.by

Ответственный секретарь **ШАХРАЙ И. С.** – доктор юридических наук, доцент; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: shakhray@bsu.by

- Ванг Г.** Чжэцзянский университет, Ханчжоу, Китай; Тулейнский университет, Новый Орлеан, США; Городской университет Гонконга, Гонконг, Китай.
- Василевич Г. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Елюбаев Ж. С.** Палата юридических консультантов «Казахстан бар асоушиэйшн», Алма-Ата, Казахстан.
- Каменков В. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Карпович Н. А.** Конституционный Суд Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Келли К. Р.** Арканзасский государственный университет, Джонсборо, США.
- Крюссман Т.** Университет глобального развития, Грац, Австрия; Грацкий университет им. Карла и Франца, Грац, Австрия; Центр глобальной Европы Кентского университета, Брюссель, Бельгия.
- Макарова Т. И.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Матье Б.** Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Париж, Франция.
- Мацкевич И. М.** Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия.
- Мещанова М. В.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
- Некрошюс В.** Институт гражданского процесса и римского права Вильнюсского университета, Вильнюс, Литва.
- Скаков А. Б.** Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
- Хелльманн У.** Потсдамский университет, Потсдам, Германия.
- Чуприс О. И.** Администрация Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
- Шидловский А. В.** Холдинг «Белавтодор», Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

BALASHENKO S. A., doctor of science (law), full professor; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: balashenko@bsu.by

Executive secretary

SHAKHRAI I. S., doctor of science (law), docent; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: shakhray@bsu.by

- Chupris O. I.** Administration of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Hellmann U. University of Potsdam, Potsdam, Germany.
Kamenkov V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpovich N. A. Constitutional Court of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Kelley C. R. Arkansas State University, Jonesboro, USA.
Kruessman T. University of Global Development, Graz, Austria; University of Graz, Graz, Austria; Global Europe Centre, University of Kent, Brussels, Belgium.
Mackevich I. M. University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia.
Makarova T. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Mathieu B. University Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France.
Miashchanava M. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Nekrosius V. Institute of Civil Procedure and Roman Law, Vilnius University, Vilnius, Lithuania.
Shidlovsky A. V. Holding «Belavtodor», Minsk, Belarus.
Skakov A. B. L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Vasilevich G. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Wang G. Zhejiang University, Hangzhou, China; Tulane University, New Orleans, USA; City University of Hong Kong, Hong Kong, China.
Yelyubayev Zh. S. Chamber of Legal Advisers «Kazakhstan Bar Association», Almaty, Kazakhstan.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 001.92:330.341.1 + 342.3:351.82 + 347.7(470 + 571)

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ И ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРЕЧНЕЙ КРИТИЧЕСКИХ И СКВОЗНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

В. А. СУША¹⁾, А. Н. ГАВРИШ¹⁾, Р. М. КОНДРАТЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский институт системного анализа
и информационного обеспечения научно-технической сферы,
пр. Победителей, 7, 220004, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На основе системного анализа исследуется формирование в России целостной правовой модели обеспечения технологического суверенитета, который в более широком смысле одновременно рассматривается как неотъемлемый признак современного государства. Ключевым доказательством этого тезиса выступает эволюция перечней критических и сквозных технологий от первого утвержденного перечня (2002 г.) до их современного статуса системообразующего элемента стратегии технологического суверенитета (2023–2025 гг.). Выявляются и анализируются основные правовые механизмы реализации данной модели: концептуальное разделение технологий на критические и сквозные, внедрение карт технологической кооперации как основного проектного инструмента, создание детальной

Образец цитирования:

Суша ВА, Гавриш АН, Кондратенко РМ. Правовые механизмы и эволюция перечней критических и сквозных технологий в России в контексте технологического суверенитета современного государства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2026;1:4–13. EDN: GBFDMM

For citation:

Susha VA, Gavrish AN, Kondratenko RM. Legal mechanisms and the evolution of lists of critical and cross-cutting technologies in Russia within the context of the modern state's technological sovereignty. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2026;1:4–13. Russian. EDN: GBFDMM

Авторы:

Владимир Александрович Суша – кандидат военных наук, доцент; директор.
Александр Николаевич Гавриш – заведующий отделом научно-правовых исследований.
Роман Михайлович Кондратенко – заведующий отделом научно-технического прогнозирования.

Authors:

Vladimir A. Susha, PhD (military science), docent; director. susha@belisa.org.by
Aleksandr N. Gavrish, head of the scientific and legal research department. gavrish@belisa.org.by
Roman M. Kondratenko, head of scientific and technical forecasting department. kondratenko@belisa.org.by

системы экспертизы и планирования, а также обусловленность финансирования поэтапным подтверждением уровней технологической готовности. Сравнение с белорусской моделью выявляет структурные различия и потенциал для гармонизации законодательства в рамках Союзного государства и Евразийского экономического союза, что отвечает общей стратегической задаче укрепления технологического суверенитета.

Ключевые слова: технологический суверенитет; критические технологии; сквозные технологии; технологическая политика; правовое регулирование; карты технологической кооперации; уровень технологической готовности; Союзное государство; Евразийский экономический союз.

LEGAL MECHANISMS AND THE EVOLUTION OF LISTS OF CRITICAL AND CROSS-CUTTING TECHNOLOGIES IN RUSSIA WITHIN THE CONTEXT OF THE MODERN STATE'S TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

V. A. SUSHA^a, A. N. GAVRISH^a, R. M. KONDRATENKO^a

^aBelarusian Institute of System Analysis
and Information Support of Scientific and Technical Sphere,
7 Peramozhcaw Avenue, Minsk 220004, Belarus

Corresponding author: A. N. Gavrish (gavrish@belisa.org.by)

Abstract. Based on a systematic analysis, the article examines the formation in Russia of a holistic legal model for ensuring technological sovereignty, which is considered an integral defining characteristic of the modern state. The key evidence supporting this thesis is the evolution of the lists of critical and cross-cutting technologies, which have transitioned from the first approved list (2002) to their current status of a core element of the technological sovereignty strategy (2023–2025). The main legal mechanisms for implementing this model have been identified and analysed: the conceptual division of technologies into critical and cross-cutting, the introduction of technology cooperation maps as the primary project tool, the establishment of a detailed system of expertise and planning, and the conditioning of funding on the step-by-step confirmation of technology readiness levels. A comparative analysis with the Belarusian model reveals structural differences and the potential for harmonising legislation within the Union State and the Eurasian Economic Union, which aligns with the shared strategic objective of strengthening technological sovereignty.

Keywords: technological sovereignty; critical technologies; cross-cutting technologies; technology policy; legal regulation; technology cooperation maps; technology readiness level; Union State; Eurasian Economic Union.

Введение

Обеспечение технологического суверенитета в контексте глобальной конкуренции и санкционных ограничений приобрело характер стратегического императива, напрямую связанного с вопросами национальной безопасности России. Как отмечает Д. Б. Миннигулова, правовые основы для достижения технологического лидерства были своевременно разработаны и нашли отражение в Федеральном законе от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О технологической политике»). При этом логичным шагом видится обобщение всех перечней критических и сквозных технологий и введение классификатора для отслеживания их развития в различных отраслях [1].

В теоретико-правовой плоскости данное исследование основано на постулате о том, что в условиях глобального кризиса современности технологический суверенитет трансформируется из потенциальной возможности в неотъемлемый признак современного государства. Он становится материальным

выражением его суверенитета и функциональной состоятельности, определяя способность государства обеспечивать национальную безопасность в научно-технологической сфере, устойчивое развитие и конкурентоспособность в новой технологической парадигме. Таким образом, анализ правовых механизмов обеспечения технологического суверенитета представляет собой исследование одного из ключевых институтов современной государственности.

Доктринальные основы формирования целостной правовой модели обеспечения технологического суверенитета раскрыты в фундаментальных трудах российских и белорусских ученых, в том числе в коллективной монографии под редакцией Е. С. Аничкина и В. В. Сорокина [2], где заложены концептуальные основы правового регулирования технологического развития, а также исследованы правовые механизмы реализации государственной политики, включая вопросы импортозамещения и защиты критических технологий в рамках Союзного государства. Институциональные и правовые

механизмы обеспечения технологического суверенитета проанализированы А. А. Афанасьевым [3–5], который обосновал технологический суверенитет как научную категорию и систематизировал подходы к рассмотрению данной проблемы. В работе Д. В. Галушко [6] технологический суверенитет исследуется как новый императив государственного суверенитета в условиях цифровой эпохи, анализируется трансформация традиционной концепции суверенитета под влиянием технологического прогресса, а также демонстрируется, как способность государства контролировать критические технологии и цифровую инфраструктуру становится ключевым элементом национальной безопасности и геополитического влияния. В. Л. Квint с соавторами [7] представили методологию стратегирования технологического суверенитета национальной экономики. С. Г. Ковалев исследовал технологический суверенитет в контексте новейшего миропорядка [8].

Однако комплексный анализ эволюции самих перечней критических и сквозных технологий как ди-

намичного правового инструмента, их процедурных механизмов обновления и повышения эффективности в контексте достижения технологического суверенитета остается недостаточно изученным, что и определяет новизну и предмет настоящего исследования.

Целью данной статьи является системный правовой анализ эволюции перечней критических технологий (КТ) и сквозных технологий (СТ) в России как системообразующего элемента формирующейся правовой модели обеспечения технологического суверенитета, раскрытие их новой роли и взаимосвязи с современными институциональными механизмами. Для достижения этой цели применяется сравнительно-правовой и системный анализ нормативных правовых актов, позволяющий выявить и продемонстрировать ключевую тенденцию – логику перехода государственного регулирования научно-технологической сферы от реактивного к проактивному системно-проектному управлению, реализация которого стала движущим фактором развития перечней КТ и СТ.

Основная часть

Как отмечалось в ранее проведенных исследованиях, именно технологический суверенитет стал ответом России на вызовы 2022 г., трансформировавшись из концепции в полноценный экономический и правовой институт [9]. В этом контексте перечни КТ и СТ прекратили быть просто списком научно-технических приоритетов, став ключевым инструментом управления централизованной технологической политикой и ее правового регулирования в России.

Актуальность проведенного анализа в контексте существования Союзного государства подтверждается синхронностью стратегических задач Беларуси и России, а также наличием схожих черт в формировании комплексных правовых режимов. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко прямо обозначил этот стратегический приоритет, заявив 2 мая 2025 г.: «По многим причинам мы тут обязаны и должны сотрудничать, двигаться вместе, чтобы обеспечить свой технологический суверенитет... <...> ...В этом плане мы готовы прежде всего работать вместе с Российской Федерацией»¹.

Таким образом, в контексте обеспечения технологического суверенитета, закреплённого в качестве ключевой цели Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, особое значение приобретает Государственная программа инновационного развития на 2026–2030 годы. Эта программа представляет собой детально проработанный механизм для достижения поставленных целей. Она фокусирует государственную поддерж-

ку на проектах, предусматривающих применение сквозных приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной деятельности. Под ними понимаются направления данной деятельности, которые имеют результаты, оказывающие существенное влияние на развитие нескольких отраслей экономики (видов экономической деятельности), и (или) критических технологий.

В связи с вышесказанным изучение целостной правовой модели технологической политики России, прошедшей интенсивное нормотворческое оформление, а также ее сравнение с синхронно формируемыми механизмами в Беларуси представляют не только теоретический, но и значительный практический интерес для выработки наиболее эффективных механизмов достижения общих стратегических ориентиров.

Перечни КТ и СТ рассматриваются в России как ключевой инструмент решения двудеиной задачи: обеспечения технологического суверенитета (независимости) страны и достижения ее технологического лидерства, что закреплёно Федеральным законом «О технологической политике» в качестве цели технологической политики.

Историческая ретроспектива: от каталога приоритетов к стратегическому инструменту (2002–2011). Зарождение института перечней КТ было связано с необходимостью концентрации ограниченных ресурсов на направлениях, обеспечивающих национальную безопасность и конкурентоспособность. Первый Перечень КТ, утвержденный

¹Встреча с губернатором Астраханской области России Игорем Бабушкиным // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstreca-s-gubernatorom-astrahanskoj-oblasti-rossii-igorem-babuskinym> (дата обращения: 24.12.2025).

Президентом Российской Федерации 30 марта 2002 г., № Пр-578, включал более 50 пунктов и носил в значительной степени инвентаризационный характер, отражая технологический потенциал страны.

Актуализация перечня КТ в 2006 и 2011 гг. отразила эволюцию в сторону его большей структурированности и системности². В частности, в перечень КТ 2011 г. были включены комплексные, конвергентные направления, такие как нано-, био-, информационные, когнитивные технологии, что указывает на учет глобальных междисциплинарных тенденций при формировании приоритетов. Однако, как отмечалось ранее в доктринальных источниках, в этот период система выбора приоритетов в России требовала более тесной интеграции в процессы формирования научно-технической политики и создания механизмов их практической реализации [9].

Ключевой проблемой оставался разрыв между идентификацией технологий и их внедрением в реальный сектор экономики. Перечни КТ служили важным ориентиром, но не были вписаны в единую систему правовых инструментов, обеспечивающих переход от идеи к конечному рыночному продукту.

Системный перелом 2023–2025 гг.: формирование целостной правовой модели. Кардинальная трансформация роли перечня критических технологий и подходов к технологической политике в России стала результатом целенаправленной законодательной работы, проводимой в 2023–2025 гг. Этот процесс характеризуется четкой преемственностью и развитием идей от стратегического замысла до детальных правовых механизмов.

Фундаментальную роль в формировании новой парадигмы сыграло утверждение Концепции технологического развития на период до 2030 года (далее – Концепция технологического развития). Таким образом, Концепция технологического развития определила программу действий, переведя установки технологического суверенитета из концептуальной плоскости в плоскость практической реализации и создав основу для последующего интенсивного нормотворчества.

В Концепции технологического развития, разработанной в условиях беспрецедентного санкционного давления, впервые на уровне стратегического планирования был сформулирован системный ответ на вызовы технологической независимости. В ней были проработаны следующие аспекты:

- определялись три взаимосвязанные стратегические цели (обеспечение технологического суверенитета, переход к инновационно ориентированному экономическому росту и технологическое обеспече-

ние устойчивости производственных систем (раздел IV));

- вводился и нормативно определялся понятийный аппарат, впоследствии ставший стержнем всего нормативного массива, который включал понятия «технологический суверенитет», «сквозные технологии», «критические технологии», «собственная линия разработки», «проекты технологического суверенитета», «таксономия проектов» (раздел II);

- предлагалась структура новых инструментов, многие из которых позже были нормативно закреплены (прообразы карт технологической кооперации (соглашения с компаниями-лидерами, проекты-маяки), вводился принцип поэтапного финансирования по уровню технологической готовности, акцент делался на управлении полным инновационным циклом (разделы V–VIII));

- закреплялся приоритет международной кооперации в рамках Союзного государства, ЕАЭС, ШОС и БРИКС как инструмент достижения технологического лидерства (раздел X).

Таким образом, Концепция технологического развития выступила в роли программы действий, которая перевела дискуссию о технологическом суверенитете из концептуальной плоскости в плоскость практической реализации и подготовила почву для комплексного развития законодательной базы в данной сфере.

Практическая реализация и нормативное оформление этих основ в 2024–2025 гг. происходили в соответствии с актами законодательства, выстроенными в четкую иерархию по принципу «от общего к частному», которая состоит из нескольких уровней.

Высший стратегический уровень предполагает целеполагание и интеграционную повестку. Основу новой правовой модели заложил Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (далее – Указ № 145). На этом стратегическом уровне данный указ закрепил научно-технологическое развитие как национальный приоритет, обозначив в качестве целей обеспечение технологического суверенитета и достижение технологического лидерства страны. Ключевым аспектом, развивающим положения Концепции технологического развития, стало прямое нормативное закрепление международной кооперации в рамках Союзного государства, ЕАЭС, БРИКС, ШОС в качестве ключевого инструмента достижения этой цели (подп. «б» п. 32 стратегии). Таким образом интеграционная составляющая была вписана в высший уровень государственной политики.

²Перечень критических технологий Российской Федерации : утв. Президентом Рос. Федерации, 21 мая 2006 г., № Пр-842 [Электронный ресурс]// Гарант : справочно-правовая система / ООО «СПС-Гарант». Минск, 2026 ; Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации, 7 июля 2011 г., № 899 [Электронный ресурс]// Гарант : справочно-правовая система / ООО «СПС-Гарант». Минск, 2025.

На уровне технологических приоритетов конкретизация стратегических целей в виде структурированного перечня конкретных технологий была обеспечена Указом Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» (далее – Указ № 529). Именно в этом законодательном акте было введено ключевое для новой правовой модели разделение на КТ и СТ, определившее дальнейшие подходы к финансированию и регулированию. Указом утверждены семь приоритетных направлений и обновленный перечень из 28 наукоемких технологий, разделенных на две категории: 1) КТ (21 позиция), которые определяются как технологии, необходимые для создания продукции, имеющей системное значение для экономики, обороны и безопасности государства (микроэлектроника, фотоника, защищенные квантовые системы передачи данных); 2) СТ (7 позиций), которые определяются как перспективные технологии межотраслевого значения, способные создавать новые рынки или изменять существующие (искусственный интеллект, новые материалы, природоподобные технологии).

Такое разделение является концептуально важным и позволяет дифференцировать государственную поддержку от обеспечения обязательной независимости по КТ до стратегических инвестиций в СТ для формирования рынков будущего.

На системообразующем законодательном уровне Федеральным законом «О технологической политике» установлены правовые рамки, базовые институты и механизмы реализации приоритетов, определенных указами Президента Российской Федерации. Данный закон выполняет системообразующую функцию, обеспечивая связь между стратегическим целеполаганием и практикой реализации, систематизирует понятийный аппарат, закрепляет перечни КТ и СТ в качестве основных инструментов политики (ст. 5) и устанавливает иерархию документов планирования.

Главным новаторским инструментом, введенным законом и детализированным постановлениями Правительства Российской Федерации, стали карты технологической кооперации.

Согласно ст. 16 Федерального закона «О технологической политике» карта представляет собой организационную схему, которая конкретизирует, какая именно высокотехнологичная продукция будет создана, определяет конкретные КТ и СТ для разработки или внедрения, фиксирует роли участников (квалифицированного заказчика, обеспечивающего долгосрочный спрос, основных исполнителей, поставщиков), обуславливает предоставление финансирования (бюджетного и внебюджетного) поэтапным достижением уровней готовности технологий,

производства, рынка и коммерциализации высокотехнологичной продукции.

Формирование и актуализация самих перечней КТ и СТ, лежащих в основе этой системы, детализированы подзаконными актами, которые закрепляют ключевую роль коллегиальных экспертных органов. Таким образом, теперь перечни КТ и СТ интегрированы в логическую цепь планирования и исполнения.

Современные механизмы реализации: от перечня к конечному продукту. Важнейшим нововведением являются детальные правовые механизмы, обеспечивающие практическую реализацию зафиксированных в перечнях КТ и СТ приоритетов. К ним относятся процедуры планирования и экспертизы, специальный механизм реализации проектов по сквозным технологиям, финансовый механизм и контроль реализации.

Процедуры планирования и экспертизы. Логическим развитием и конкретизацией базовых положений Федерального закона «О технологической политике» стало принятие постановления Правительства Российской Федерации от 6 октября 2025 г. № 1552 «О планировании технологической политики в Российской Федерации» (далее – постановление № 1552). Этим постановлением утвержден комплекс документов, конкретизирующих и регламентирующих работу с перечнями КТ и СТ, включая детальные процедуры их формирования и актуализации.

Ключевое значение имеет утвержденное данным постановлением Положение о планировании технологической политики в Российской Федерации, которое вводит в качестве основного инструмента среднесрочные и долгосрочные планы развития технологий. Именно эти отраслевые или тематические планы, содержащие обоснование необходимости создания конкретных видов высокотехнологичной продукции и требуемых для этого технологий, становятся первичным источником для пополнения перечней КТ и СТ.

Постановление № 1552 детально регламентирует процедуру экспертизы и отбора технологий, создавая многоуровневую систему коллегиальных органов. Во-первых, центральную координирующую роль выполняет Комиссия по научно-технологическому развитию Российской Федерации при Правительстве Российской Федерации, отвечающая за разработку приоритетных направлений и перечней. Во-вторых, функцию оценки соответствия потенциальных технологий установленным критериям осуществляет Экспертный совет по технологической политике, формируемый при президиуме Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию России. Не менее половины состава Экспертного совета по технологической политике должны составлять представители Научно-технического совета Комиссии по научно-

технологическому развитию Российской Федерации, который возглавляется президентом Российской академии наук и обеспечивает научную экспертизу. В-третьих, для сквозных технологий предусмотрена обязательная дополнительная экспертиза, осуществляемая Российской академией наук.

Министерство экономического развития Российской Федерации как уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, согласно постановлению № 1552, осуществляет координацию практической реализации этих процедур и информационное обеспечение всей технологической политики. Оно взаимодействует с профильными министерствами (Министерством промышленности и торговли Российской Федерации, Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и др.), которые отвечают за формирование планов развития технологий в соответствующих отраслях.

Важным аспектом является законодательная конкретизация критериев. Постановление № 1552 устанавливает критерии наукоемкости (например, требование наличия специфических знаний у лиц с учеными степенями, создание охраняемых результатов интеллектуальной деятельности) и четко дифференцирует конечные назначения технологий. Так, КТ должны иметь системное значение для функционирования экономики, решения социально-экономических задач, обеспечения обороны страны и безопасности государства, в то время как СТ обязаны оказывать существенное влияние на экономическое развитие путем изменения рынков или содействия формированию новых рынков и иметь межотраслевое значение.

Наконец, постановление № 1552 устанавливает формализованный процесс актуализации перечней КТ и СТ, включающий этапы инициирования, экспертизы, согласования с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти (Министерство экономического развития Российской Федерации, профильные министерства, Центральный банк Российской Федерации) и окончательного утверждения Правительством Российской Федерации. Этот процесс представляет собой прозрачный и управляемый цикл, обеспечивающий актуальность и обоснованность перечней КТ и СТ в рамках единой системы планирования технологической политики.

Важнейшим элементом, устанавливающим связь планирования с реализацией, являются утвержденные постановлением № 1552 методики оценки уровней готовности технологий, производства, рыночной готовности и коммерциализации продукции, а также готовности собственных линий разработки. Эти документы создают унифицированную измерительную шкалу, которая напрямую интегрируется в механизм поэтапного финансирования по картам технологической кооперации и систему контроля, обеспечивая объективность оценки прогресса проектов.

Таким образом, постановление № 1552 детализирует процедуры планирования и экспертизы, обеспечивая переход от определения базовых принципов (Федеральный закон «О технологической политике») и стратегических приоритетов (Указ № 529) к административно-экспертным процедурам, гарантирующим системность и результативность технологической политики.

Специальный механизм реализации проектов по сквозным технологиям. Данный механизм представляет собой соглашение о развитии с Правительством Российской Федерации, предусмотренное постановлением Правительства Российской Федерации от 31 июля 2025 г. № 1141 «Об отдельных вопросах развития сквозных технологий» (далее – постановление № 1141). Он отличается повышенным уровнем экспертизы, требованием значительного софинансирования (не менее 50 %) и прямым ежеквартальным мониторингом на высшем правительственном уровне.

Таким образом, данный механизм, сохраняя общую логику проектного управления (привязку финансирования к этапам готовности), представляет собой его специализированную и максимально формализованную версию для работы с наиболее перспективными и рисковыми проектами в области СТ и обеспечивает прямой контроль и координацию на высшем правительственном уровне.

Финансовый механизм и контроль реализации. Важнейшим нормотворческим шагом построения целостной системы управления технологическим развитием стало принятие постановления Правительства Российской Федерации от 1 августа 2025 г. № 1152 «Об оценке эффективности финансирования проектов развития технологий, определении допустимого уровня рисков и базовых критериев управления ими, осуществлении мониторинга и контроля целевого использования средств, направляемых на такое финансирование проектов развития технологий, а также о требованиях к осуществлению мониторинга и контроля реализации проектов развития технологий» (далее – постановление № 1152).

Если карты технологической кооперации задают проектно-организационную схему, то постановление № 1152 вводит детальный финансово-управленческий регламент для агентов развития технологий (специализированных институтов развития, корпораций), непосредственно осуществляющих финансирование проектов. Этот подзаконный акт базируется на понятиях, введенных Федеральным законом «О технологической политике», и устанавливает три взаимосвязанных блока правил.

Первый блок – это оценка эффективности финансирования. Она предполагает установление комплексной методики оценки, учитывающей не только прямую финансовую отдачу, например возвратность инвестиций, но и достижение социально-экономических,

научно-технических, экологических стратегических целей, соответствующих приоритетам технологической политики. Основу данного блока составляет принцип интегральности и ретроспективности, предусматривающий оценку эффективности по всему портфелю проектов агента развития с момента начала финансирования.

Второй блок составляет управление рисками. Для его реализации закрепляется процедурный подход к работе с высокорисковой природой технологических проектов. Агент обязан применять разработанную им методику определения допустимого уровня рисков, классифицируя их по формализованной шкале, где низкому уровню риска соответствует показатель 0–0,3, среднему – 0,31–0,6, высокому – 0,61–0,9, критическому – 0,91–1. Таким образом, риск-менеджмент становится обязательным элементом принятия решений о финансировании.

В третий блок входят мониторинг и контроль. На данном этапе формируется многоуровневая система контроля. На оперативном уровне агент проводит мониторинг на основе отчетов получателей (не реже одного раза в шесть месяцев). На внешнем уровне оценивающий орган (орган государственного финансового контроля) проводит оценку эффективности финансирования всего портфеля проектов агента, учитывая, в том числе, выводы проведенных экспертиз.

Ключевой инновацией является жесткая синхронизация этих контрольных процедур с этапами (уровнями) технологической готовности. Получатели средств обязаны представлять отчеты агенту не реже одного раза в шесть месяцев или по завершении каждого этапа проекта, что позволяет увязывать дальнейшее финансирование с подтверждением достижения конкретных промежуточных результатов (уровней готовности технологии, производства, рынка).

Роль постановления № 1152 в построенной системе заключается в завершающем нормотворческом оформлении финансового контура. Оно устанавливает правовой режим финансирования проектов, смещая акцент со сметного финансирования на финансирование, обусловленное достижением целей. Документ трансформирует стратегические цели из перечней КТ и СТ в систему конкретных управленческих показателей и этапов готовности, бюджетного планирования и оперативного контроля, что обеспечивает адресный, обоснованный и подконтрольный характер масштабных государственных инвестиций в технологическую сферу, минимизируя риски неэффективного расходования средств.

Таким образом, постановление № 1152 выступает ключевым финансово-управленческим регламентом, обеспечивающим практическую реализацию всей иерархии стратегических документов технологической политики.

Ключевые институты и источники финансирования. Реализация модели обеспечена созданием

новых институтов и целевых финансовых инструментов, образующих многоуровневую систему управления, имеющую следующие составляющие:

- операторы финансирования и управления проектами. Ключевую роль в практической реализации играют агенты развития технологий – специализированные институты развития и корпорации (включая государственную корпорацию «ВЭБ.РФ» как системного интегратора). Именно они осуществляют непосредственное финансирование проектов, управление портфелем проектов и несут ответственность за оценку рисков и эффективности в соответствии с детальным регламентом постановления № 1152;

- источники и финансовый контур. Целевое финансирование обеспечено через национальные проекты в рамках Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», где технологическое лидерство выделено в отдельную цель с конкретными показателями (рост выручки малых технологических компаний в 7 раз, увеличение доли НИОКР в ВВП до 2 % и др.);

- внешний контроль и стратегическое утверждение. Деятельность агентов развития подлежит внешней оценке со стороны органов государственного финансового контроля (оценивающих органов), бюджетные полномочия которых определяются в соответствии со ст. 157 Бюджетного кодекса Российской Федерации.

Для проектов с объемом финансирования свыше 5 млрд рублей и высоким уровнем риска необходимо положительное заключение Президиума Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию России, которое закрепляет дополнительный уровень стратегического утверждения.

Взаимодействие этих элементов демонстрирует переход от поддержки отдельных исследовательских коллективов к управлению сквозными проектами полного инновационного цикла. Этот подход созвучен лучшим практикам комплексного подхода, выявленным при анализе европейских моделей [10].

Сравнительный анализ и потенциал для гармонизации законодательства. Российская практика формирования перечней КТ и СТ сложилась в комплексную правовую модель, прошедшую эволюцию от статичного перечня КТ до активного инструментария сквозного проектного управления, подкрепленного финансовыми и институциональными механизмами. Институциональная структура и правовые механизмы, созданные в 2023–2025 гг., демонстрируют системность высокой степени и ориентацию на результат.

Как наглядно показано в таблице, сопоставление российской модели с подходом, реализуемым в Беларуси, позволяет оценить потенциал гармо-

низации законодательства в рамках Союзного государства и ЕАЭС.

В основе белорусской модели лежит комплекс нормативных правовых актов, включающий Указ Президента Республики Беларусь от 1 апреля 2025 г. № 135 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы» (далее – Указ № 135), Указ Президента Республики Беларусь от 20 ноября 2023 г. № 357

«О Совете по стратегическим проектам» (далее – Указ № 357), постановление Совета Министров Республики Беларусь от 1 декабря 2023 г. № 855 «Об обеспечении технологического суверенитета» (далее – постановление № 855), Комплексный прогноз научно-технического прогресса Республики Беларусь на 2026–2030 годы и на период до 2045 года, одобренный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 октября 2024 г. № 798 (далее – Комплексный прогноз НТП).

**Сравнительный анализ базовых элементов
технологической политики России и Беларуси в 2023–2025 гг.**

**Comparative analysis of core elements
of technology policy of Russia and Belarus in 2023–2025**

Критерий	Россия	Беларусь
Стратегическое целеполагание и иерархия правовых актов	Единая законодательная «вертикаль»: - Указ № 145, Указ № 529 (перечни КТ и СТ); - Федеральный закон «О технологической политике» (системообразующий правовой акт); - постановление № 1141, постановление № 1152, постановление № 1552 (детальные механизмы реализации)	Многоуровневая модель, не интегрированная единым системообразующим законом, которая объединяет долгосрочное прогнозирование (Комплексный прогноз НТП), среднесрочное целеполагание (Указ № 135), оперативное управление (Указ № 357, постановление № 855) и реализацию государственных и иных программ
Проектная реализация	Иерархия проектных инструментов: - карты технологической кооперации – базовый обязательный инструмент для проектов, связанных с критическими и сквозными технологиями согласно ст. 16 Федерального закона «О технологической политике»; - специальный механизм для сквозных технологий (соглашения о развитии сквозных технологий, заключаемые между организацией и Правительством Российской Федерации (постановление № 1141))	Реализация по двум параллельным направлениям: - критическим технологиям (товарам) через включение в научно-технические программы (постановление № 855); - проектам, реализация которых имеет существенное значение для социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, через сопровождение Советом по стратегическим проектам (Указ № 357). Единый сквозной инструмент проектной реализации, аналогичный карте технологической кооперации, в белорусской модели отсутствует
Институциональная архитектура и управление	Многоуровневая система коллегиальных и контролирующих органов: - Комиссия по научно-технологическому развитию Российской Федерации и ее Научно-технический совет (стратегическая координация и научная экспертиза при формировании перечней); - Экспертный совет по технологической политике (оценка соответствия технологий критериям); - агенты развития технологий (оперативное управление портфелем проектов, финансирование, первичный контроль); - органы государственного финансового контроля – «оценивающие органы» (внешняя проверка эффективности финансирования); - Президиум Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию России (стратегическое разрешение для высокорисковых и крупных проектов)	Двухуровневая модель с разделением институтов и функций: - Совет по стратегическим проектам при Президенте (стратегический отбор и сопровождение прорывных проектов национального значения); - Межведомственный совет по обеспечению технологического суверенитета при Правительстве Республики Беларусь (координация формирования перечня критических технологий (товаров)). Единый институт оператора, аналогичный российской системе «агентов развития», законодательством не предусмотрен
Финансирование и контроль	Имеет место детализированный финансово-управленческий регламент (постановление № 1152). Финансирование (через национальные проекты, Указ № 309) строго обусловлено подтверждением уровней технологической готовности и сопряжено с оценкой рисков, а также поэтапным контролем	Финансирование мероприятий по перечню критических технологий (товаров) осуществляется в рамках общих бюджетных процедур без привязки к уровню технологической готовности. Специальный нормативный правовой акт, детализирующий финансовый механизм, не принят

Окончание таблицы
Ending of the table

Критерий	Россия	Беларусь
Интеграционная составляющая в правовых актах	Имеется прямое нормативное закрепление кооперации в рамках Союзного государства, ЕАЭС, БРИКС, ШОС как инструмента достижения технологического лидерства (Концепция технологического развития, Указ № 145)	Прямое нормативное закрепление кооперации в качестве инструмента государственной технологической политики в профильных законодательных актах (аналогичных Федеральному закону «О технологической политике») отсутствует. Цели кооперации (в том числе в рамках Союзного государства) закреплены в более широкой стратегической задаче по обеспечению национальной безопасности в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь

Проведенный сравнительный анализ позволяет утверждать, что белорусская система демонстрирует объективный переход от концепции перечня КТ (товаров) к многоуровневой модели управления, сочетающей долгосрочное прогнозирование (Комплексный прогноз НТП), среднесрочное целеполагание (Указ № 135), оперативное управление КТ (постановление № 855) и стратегическими проектами (Указ № 357). Ключевое отличие от российской модели заключается в отсутствии единого системообразующего закона и сквозного проектного инструментария. Такая ситуация приводит к рас-

пределению соответствующего правового регулирования, институтов и механизма финансирования между различными актами законодательства. Именно это обстоятельство дает потенциал для гармонизации законодательства через заимствование системообразующей правовой конструкции (аналог Федерального закона «О технологической политике») и сквозного проектного инструментария (аналог карт технологической кооперации), которые могли бы объединить сильные стороны обеспечения технологического суверенитета, существующие в Беларуси.

Заключение

Сформированная в 2023–2025 гг. целостная российская правовая модель управления технологическим развитием представляет собой стратегический практический ответ на вызовы глобального кризиса современности. Ее существование подтверждает тезис о том, что технологический суверенитет, достигаемый активной, проактивной технологической политикой, перестает быть факультативной функцией и становится конституирующим признаком современного государства в цифровую эпоху.

Конкретным доказательством этого тезиса служит эволюция перечней КТ и СТ от статичного каталога научно-технических приоритетов до системообразующего элемента целостной правовой модели управления технологическим суверенитетом. Современные перечни КТ и СТ в России, концептуально интегрированные в иерархию стратегического планирования, выполняют функцию ключевого правового инструмента, определяющего цели государственной технологической политики, параметры проектов и условия их финансирования. Непосредственными механизмами реализации приоритетов, зафиксированных в этих перечнях, выступают карты технологической кооперации и детальные регламенты финансирования – новые юридические конструкции, через которые государство реализует свой суверенитет, защищает национальные интересы и выполняет социально-экономические функции в технологически детерминированном мире.

Такая правовая модель управления технологическим развитием, как отмечает Д. Б. Миннигулова, представляет собой пример перспективного правового регулирования, направленного на достижение правового баланса в сфере технологического развития и обеспечения технологического суверенитета России. Федеральный закон «О технологической политике» закрепляет такие инструменты, как правовые эксперименты («регулятивные песочницы»), риск-ориентированный подход и систему правового мониторинга, что укрепляет право на разумный риск и повышает адаптивность государственного управления [1].

Вместе с тем практическая результативность созданных механизмов, в особенности инструмента карт технологической кооперации, нуждается в отдельном анализе и мониторинге. Как показывают экспертные оценки, некоторые инструменты обеспечения технологического суверенитета встречают критическое отношение со стороны профессионального сообщества [11], а на высшем уровне признается наличие нерешенных системных проблем, препятствующих его достижению³. Это обстоятельство создает поле для последующих исследований, в частности, для анализа российской модели на основе публичных источников (отчетов институтов развития, научных публикаций, данных экспертных опросов) и теоретико-правового моделирования возможностей

³Патрушев Н. П. В России до сих пор не решены системные проблемы, мешающие технологическому суверенитету // Ритм Евразии : сайт. URL: <https://www.ritm Eurasia.ru/news--2025-01-24--v-rossii-do-sih-por-ne-resheny-sistemnye-problemy-meshajushchie-tehnologicheskomu-suverenitetu-patrushev-78137> (дата обращения: 26.01.2026).

и рисков внедрения ее ключевых элементов, например карт технологической кооперации, в национальное законодательство. Такой подход, учитывающий как нормативные конструкции, так и эмпирические данные об их восприятии и первых результатах, позволит выработать научно обоснованные рекомендации для гармонизации законодательства в области технологического суверенитета в рамках Союзного государства.

Как показал сравнительный анализ базовых элементов технологической политики в России и Беларуси, российская модель отличается большей степенью системной связанности, в то время как белорусская модель характеризуется множественностью нормативных правовых актов. Понятийный аппарат моделей также имеет ряд отличий. В России под КТ понимают технологии будущего, без которых невозможно технологическое лидерство. Белорусская модель технологического суверенитета подразумевает под КТ технологии, отсутствие которых может привести к нестабильности в национальной экономике, вплоть до остановки наиболее значимых производств. Говоря о технологическом лидерстве Беларуси в какой-либо сфере, необходимо отметить, что флагманом достижения значимых результатов на этом поприще является углубленная кооперация с Россией. Однако важно не упускать из виду возможность организации научно-технического сотрудничества с иными мировыми лидерами технологического прогресса.

Углубленная кооперация, в свою очередь, подразумевает введение единых базовых понятий КТ и СТ,

от которых зависит ее роль в достижении технологического суверенитета Союзным государством.

Для Беларуси, перед которой стоят масштабные задачи по обеспечению технологического суверенитета и росту наукоемкости экономики, изучение и адаптация ключевых элементов российской модели – системообразующего закона и сквозного проектного инструментария (карт технологической кооперации) – может стать важным шагом, способствующим не только укреплению национального технологического суверенитета, но и дальнейшей гармонизации законодательства в рамках Союзного государства и ЕАЭС. Такой подход соответствует объективному запросу на формирование единой нормативно-правовой базы технологического развития на международном уровне, констатируемому в научной литературе [1].

Параллельно с решением прикладных задач по обеспечению технологического суверенитета и формированием соответствующего правового механизма актуализируются задачи более высокого уровня абстракции, требующие рассмотрения данного феномена в рамках категориального аппарата современной социально-гуманитарной науки и, в частности, теоретической юриспруденции. Технологический суверенитет как обобщающая, но содержательно не всегда четко определенная категория, требует сущностного изучения – анализа в логике классических признаков государственного суверенитета, осмысления причин его актуализации в современном мире, а также определения его соотношения с иными категориями, характеризующими субъектное целеполагание государства в условиях высокой неопределенности и турбулентности.

Библиографические ссылки

1. Minnigulova DB. Legal regulation of technological leadership: from term to discourse. *Forensic Research & Criminology International Journal*. 2025;13(3):131–134. DOI: 10.15406/frcij.2025.13.00448.
2. Аничкин ЕС, Сорокин ВВ, редакторы. *Правовое обеспечение технологического суверенитета России и Беларуси*. Барнаул: Издательство Алтайского университета; 2025. 434 с.
3. Афанасьев АА. Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания. *Экономика, предпринимательство и право*. 2022;12(9):2377–2394.
4. Афанасьев АА. Технологический суверенитет: варианты подходов к рассмотрению проблемы. *Вопросы инновационной экономики*. 2023;13(2):689–706. DOI: 10.18334/vinec.13.2.117375.
5. Афанасьев АА. *Промышленная политика России по достижению технологического суверенитета: теоретико-методологические основы и практические аспекты*. Москва: Первое экономическое издательство; 2023. 204 с.
6. Галушко ДВ. Технологический суверенитет как новый императив государственного суверенитета: концептуальные основы и правовые механизмы. *Российский журнал правовых исследований*. 2025;12(2):19–30. DOI: 10.17816/RJLS679534.
7. Квинт ВЛ, Новикова ИВ, Алимуратов МК, Сасаев НИ. Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики. *Управленческое консультирование*. 2022;9:57–67. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-9-57-67.
8. Ковалев СГ. Технологический суверенитет России в новейшем миропорядке. *Философия хозяйства*. 2020;6:29–47. EDN: RBJJNA.
9. Гавриш АН, Михневич АА. Правовые аспекты технологического суверенитета: опыт Российской Федерации. *Право.бу*. 2024;5:33–41.
10. Гавриш АН. Европейские модели технологического суверенитета: правовое регулирование и вызовы. *Право.бу*. 2025;4:29–38.
11. Капогузов ЕА, Пахалов АМ, Шерешева МЮ. Российские дискурсы о технологическом суверенитете (по материалам экспертного опроса). *Социологические исследования*. 2024;12:24–37. DOI: 10.31857/S0132162524120037.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

УДК 349

ПОДХОДЫ К ПРАВОВОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ ДИПФЕЙКОВ В КОНТЕКСТЕ МИНИМИЗАЦИИ РИСКОВ И УГРОЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

М. С. АБЛАМЕЙКО¹⁾, В. П. СУХОПАРОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Раскрываются признаки дипфейков как вида ненадлежащей информации. Анализируется зарубежный опыт регулирования дипфейков, на основе чего предлагаются возможные изменения законодательства Республики Беларусь в информационной сфере в части защиты от дипфейков. Рассматриваются вопросы применения норм действующего законодательства Республики Беларусь об информации, информатизации и защите информации как формы защиты от дезинформации, возникающей под влиянием развития технологий искусственного интеллекта. В связи с наблюдаемой дезинформацией населения посредством распространения дипфейков на интернет-ресурсах и в СМИ предлагаются пути совершенствования правовой защиты от них в контексте обеспечения информационной безопасности общества и государства.

Ключевые слова: дипфейки; синтетические технологии; маркировка контента; ненадлежащая реклама; массовая информация; информационная безопасность; защита от дезинформации.

Образец цитирования:

Абламейко МС, Сухопаров ВП. Подходы к правовому регулированию дипфейков в контексте минимизации рисков и угроз информационной безопасности общества и государства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2026;1:14–21.
EDN: ACWRAZ

For citation:

Ablameyko MS, Sukhparau VP. Approaches to legal regulation on deepfakes in the context of minimising risks and threats to information security of the society and state. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2026;1:14–21. Russian.
EDN: ACWRAZ

Авторы:

Мария Сергеевна Абламейко – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры конституционного права юридического факультета.

Виктор Павлович Сухопаров – заместитель декана по идеологической и воспитательной работе, старший преподаватель кафедры конституционного права юридического факультета.

Authors:

Maria S. Ablameyko, PhD (law), docent; associate professor at the department of constitutional law, faculty of law.
m.ablameyko@mail.ru

Viktar P. Sukhparau, deputy dean for ideological and educational work, senior lecturer at the department of constitutional law, faculty of law.
sukhparauvp@bsu.by

APPROACHES TO LEGAL REGULATION ON DEEPFAKES IN THE CONTEXT OF MINIMISING RISKS AND THREATS TO INFORMATION SECURITY OF THE SOCIETY AND STATE

M. S. ABLAMEYKO^a, V. P. SUKHAPARAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. P. Sukhparau (sukhparauvp@bsu.by)

Abstract. This article explores the characteristics of deepfakes as a form of inappropriate information. International experience in regulating deepfakes is analysed, and based on this, potential amendments to Belarusian legislation in the information sphere regarding protection against deepfakes are proposed. The authors examine the application of current Belarusian legislation on information, informatisation, and information protection as a form of protection against disinformation arising from the development of artificial intelligence technologies. Given the observed disinformation of the population through the dissemination of deepfakes on online resources and in the media, ways to improve legal protection against deepfakes are proposed in the context of ensuring the information security of society and the state.

Keywords: deepfakes; synthetic technologies; content labeling; inappropriate advertising; mass information; information security; protection against disinformation.

Введение

Внедрение технологий во все сферы жизнедеятельности привело к необходимости регулировать общественные отношения с учетом возникновения новых вызовов и угроз. Мировое сообщество в целом и отдельные страны в частности стремятся к введению единых правил, чтобы минимизировать риски применения технологий против личности, общества и государства. Науке информационного права еще с начала ее становления известны способы защиты прав личности, общества и государства от деструктивной информации. В доктринальных документах закреплены общие подходы, связанные с информационным суверенитетом государства, развитием электронных средств массовой коммуникации и их всеобъемлющим влиянием на общественно-политические и социально-экономические процессы, что вызывает необходимость защитить общество от деструктивного информационного воздействия (п. 5, 15 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5).

В рамках данной статьи рассматриваются подходы к регулированию дипфейков, несущих в себе угрозы обществу посредством распространения деструктивной информации, способной повлечь мани-

пулирование сознанием, выгодное распространению информации, и дезинформирование населения. В условиях дезинформации, вызываемой дипфейками, общество становится уязвимым и незащищенным, поскольку дезинформация оказывает негативное воздействие на мышление индивидов и принятие ими решений. Однако очевидно, что внедрение современных технологий не должно деструктивно воздействовать на сферы жизнедеятельности общества, в противном случае в отношении нарушителей могут применяться меры административного, уголовно-процессуального принуждения, включая меры административной и уголовной ответственности за совершенные противоправные деяния в цифровой среде [1, с. 25].

На наш взгляд, категория «дипфейк» является современным социальным феноменом, характеризующимся междисциплинарностью исследования. Так, дипфейк является и «продуктом» искусственного интеллекта (ИИ), и культурологическим новшеством, и новым способом распространения информации (коммуникативным средством). Дипфейки являются как технологическим «прорывом», так и определенным вызовом современному обществу, поскольку формируют искаженную реальность.

Основная часть

Понятие, признаки дипфейков и угрозы их применения в разных сферах. Дипфейк является технологией искусственного интеллекта, позволяющей полностью или частично изменять лица людей, иные объекты окружающего мира, представляемые в визуальной форме, имитировать голос человека и т. д. Так, при использовании данной технологии происходит искажение реальности, фальсифицирование

информации, выражаемой в аудиоформе, а также визуальной и аудиовизуальной формах [2, с. 82; 3, с. 219].

По мнению В. А. Виноградова и Д. В. Кузнецовой, дипфейки «подрывают доверие к информации в сети», вызывая у человека чувства потерянности и тревоги. Технология «дипфейк» продвинулась до степени формирования иного мира, заполненного новыми придуманными событиями [3, с. 219].

Это мнение подтверждает принадлежность дипфейков к философской категории постправды, которая определяется как продукт информационной среды, создаваемый веб-коммуникациями и отражающий искаженные смыслы истинного и ложного [4, с. 49]. В рамках целевой направленности постправды речь идет не о передаче информации о существующих событиях действительности, а о передаче информации о событиях, факт свершения которых не важен, ведь они могли бы произойти [4, с. 49]. Данные обстоятельства, связанные с появлением технологии «дипфейк», обуславливают ряд не только правовых и социальных, но и философских проблем, включающих аспекты познания мира, сущности бытия и ценностных ориентиров. Вопрос о ценности информации в цифровую эпоху, вызванный использованием дипфейков, указывает на необходимость реагирования со стороны общества и государства путем принятия мер правового регулирования. По нашему мнению, данная проблематика в большей степени относится к отрасли информационного права в связи с тем, что в настоящее время распространение информации посредством СМИ, в том числе в интернете, регулируется нормами данной отрасли права.

Поскольку информация обладает рядом свойств (физическая неотчуждаемость, обособляемость, распространяемость, полнота, точность, своевременность предоставления [5, с. 117]), появление в информационном обществе дипфейков, на наш взгляд, выводит на первый план важность такого свойства информации, как ее достоверность (реалистичность, соответствие действительности). Информация должна, в первую очередь, отражать факты реальности и быть направленной на достижение знания, убежденности в фактах, формирование истинной картины действительности. Создание дипфейков, в свою очередь, имеет целью искажение этой действительности, которое может быть злоумышленным либо шуточным. В условиях постоянного возрастания количества потоков информации искажение действительности, вызываемое дипфейками, становится причиной усиления «цифрового нигилизма», т. е. формирования недоверия к получаемой информации, что парализует общественную дискуссию.

Распространение недоброкачественной информации способно нанести ущерб во всех сферах общественной жизни. Можно выделить следующие виды угроз.

В политической сфере дипфейки используются для изменения (искажения) публичных заявлений представителей государственной власти в пользу противоположной точки зрения, применения информационно-технологических возможностей для

манипулирования общественным сознанием, дестабилизации общественной обстановки и международных отношений и т. д.

В экономической сфере использование дипфейков обусловлено целями улучшения позиций на рынке товаров, работ, услуг, дезинформирования граждан об экономическом положении в стране, недобросовестной конкуренции субъектов хозяйствования при рекламировании продукции и т. д.

В социальной сфере дипфейки способны стать причиной дестабилизации общественного порядка, замедления (отставания) в интеллектуальном развитии детей и молодежи, а также причинить вред нравственности населения в целом.

Подходы к правовому регулированию дипфейков за рубежом. В связи с тем, что технология «дипфейк» получила широкое распространение не так давно, ее регулирование находится на начальной стадии во многих странах и, как правило, носит точечный характер, направленный на определенный сектор общественных отношений. Следует отметить, что правовое регулирование дипфейков связано с принятием актов в сфере ИИ, так как дипфейки являются его продуктом.

Все больше технологически развитых стран уделяют внимание данной технологии в разрезе потенциального влияния на национальную безопасность и внутривластные процессы.

В США в 2023 г. был выпущен информационный листок кибербезопасности (*cybersecurity information sheet* (CSI)) «Контекстуализация угроз дипфейков для организаций». В документе подчеркиваются легкость и масштабность манипуляций киберпреступников с мультимедиа, что опасно для национальной безопасности; указывается на настоятельную необходимость распознавания технологии «дипфейк» сотрудниками организаций и разработку стратегий реагирования для минимизации их воздействия¹.

В настоящее время на рассмотрении в Сенате США находится законопроект, непосредственно регулирующий сферу применения технологии дипфейк «No fakes act» (*nurture originals, foster art, and keep entertainment safe act*). Данный документ нацелен на защиту прав интеллектуальной собственности на голос и визуальное изображение отдельных лиц, т. е. на цифровую копию². Законопроект определяет запрет за несанкционированное создание, распространение или публичное использование реалистичных копий голоса, визуального образа, выступлений (*digital replicas*) без согласия правообладателя и предусматривает ответственность платформ за соответствующие нарушения.

¹Contextualizing deepfake threats to organizations // United States Government : website. URL: <https://media.defense.gov/2023/Sep/12/2003298925/-1/-1/0/CSI-DEEPPFAKE-THREATS.PDF> (date of access: 10.02.2026).

²No fakes act of 2025 // US Congress : website. URL: <https://www.congress.gov/bills/119th/congress/senate-bill/1367/text> (date of access: 10.02.2026).

Следует отметить, что в большинстве штатов (Калифорния, Мичиган и т. д.) уже приняты правовые акты на местном уровне, в частности, они касаются ограничений использования дипфейков в политической сфере. В актах указанных штатов предусматривается обязательное раскрытие информации о том, что контент создан или изменен с помощью технологий ИИ, а крупные платформы обязаны удалять недостоверный или обманчивый контент, связанный с выборами.

В Китае подход к регулированию дипфейков отличается системностью, определяющей иерархию документов от актов законодательства до отраслевых инструкций, принимаемых на государственном уровне. В стране технология «дипфейк» рассматривается также в контексте национальной безопасности, о чем свидетельствуют последние поправки (январь 2026 г.) в закон о кибербезопасности. Помимо этого, в 2023 г. принято положение (*China's provisions on the administration of deep synthesis Internet information services*), которое применяется при использовании технологий глубокого синтеза для предоставления информационных услуг в интернете. Технологии глубокого синтеза используют глубокое обучение и виртуальную реальность, применяют алгоритмы для создания текста, изображений, аудио-, видеосцен, а также виртуальных сцен, в том числе замену лиц и синтез голоса³. Основные требования включают обязательную маркировку синтетического или отредактированного контента, чтобы предотвратить введение общественности в заблуждение, запрет на создание и распространение ложных новостей или информации, способной причинить вред национальным, общественным интересам или правам других лиц.

Особое внимание уделяется защите культурного наследия страны в медиапространстве. С 2026 г. Государственное управление радиовещания и телевидения Китайской Народной Республики начало борьбу с распространением контента, который может исказить оригинальные произведения и ввести аудиторию в заблуждение⁴.

Таким образом, в США подход к регулированию дипфейков основан на первой поправке, которая, с одной стороны, защищает свободу выражения мнений (слова), включая использование изображения человека для определенных целей, а с другой стороны, защищает право на публичность, что позволяет контролировать использование своего имени и изображения. В Китае применяется системный,

централизованный подход, где государство выступает основным модератором и определяет социальную стабильность и защиту национальной культуры как основной вектор развития, сохраняя надзорную функцию для обеспечения прозрачности работы платформ с обязательной маркировкой такого рода контента.

В ЕС сформирована комплексная система регулирования дипфейков, построенная на горизонтальном регулировании. Основным документом, обязательным для исполнения, является Акт об искусственном интеллекте (*EU AI Act*), который предусматривает обозначение аудио-, видео-, фото-контента, сгенерированного или измененного ИИ. Системы ИИ, предназначенные для взаимодействия с физическими лицами или для генерации контента, в частности, для создания изображений, аудио- или видеоконтента, который представляет собой дипфейк, должны раскрывать информацию о том, что такой контент был создан искусственно или получен в результате манипуляции. Вне зависимости от уровня риска устанавливаются обязательства по обеспечению прозрачности. Также закон о цифровых услугах (*Digital services act*) обязывает поставщиков крупных онлайн-платформ и поисковых систем выявлять, оценивать и смягчать системные риски, включая вредоносный контент, созданный с помощью ИИ, и дипфейки⁵. Кроме того, в ЕС подготовлен проект Кодекса практических рекомендаций по маркировке и обозначению контента, созданного с помощью ИИ, который охватывает правила маркировки и обнаружения такого контента и является применимым к поставщикам систем генеративного ИИ, а также предполагает маркировку дипфейков и определенного текста, сгенерированного или измененного с помощью ИИ, по вопросам, представляющим общественный интерес, что применимо к разработчикам систем генеративного ИИ⁶.

В отличие от США и Китая, в ЕС регулирование дипфейков основано на распределении ответственности между создателем контента, платформой, предоставляющей информацию, и разработчиком модели. Также более жесткие требования предъявляются к прозрачности контента, т. е. имеет место многоуровневая маркировка.

В России создание дипфейков напрямую не запрещено, но ограничено рамками ст. 152.1 и 152.2 Гражданского кодекса Российской Федерации. Ввиду поддельности изображения всегда требуется согласие

³Provisions on the administration of deep synthesis Internet information services // China law translate : website. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/deep-synthesis/> (date of access: 10.02.2026).

⁴Китай начинает борьбу с дипфейками и ИИ-видео с 2026 года // Techimo : сайт. URL: <https://techimo.ru/news/kitay-nachinaet-borbu-s-dipfeykami-i-ii-video-s-2026-goda> (дата обращения: 10.02.2026).

⁵Answer given by Executive Vice-President Virkkunen on behalf of the European Commission // European Parliament : website. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/E-10-2025-001742-ASW_EN.html (date of access: 10.02.2026).

⁶Commission publishes first draft of Code of Practice on Marking and Labelling of AI-generated Content // European Commission : website. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/news/commission-publishes-first-draft-code-practice-marking-and-labelling-ai-generated-content> (date of access: 10.02.2026).

изображенного гражданина на обнародование дипфейков. Несмотря на то, что ст. 1274 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрено использование пародии, п. 34 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» запрещает приравнивание дипфейков к пародиям. В отношении голоса гражданина режим, введенный для защиты изображения, не применяется⁷.

Маркировка видеоматериалов, созданных с использованием ИИ, обсуждается в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации путем внесения изменений в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Подготовленные поправки к данному федеральному закону (законопроект № 1069302-8) предусматривают обязанность владельцев соцсетей, видеохостингов и других сайтов маркировать размещаемые на них дипфейки и иные видео, сгенерированные искусственным интеллектом. Маркировать такой контент предложено плашками «Создано с использованием искусственного интеллекта» или «Сгенерировано ИИ». Кроме того, в метаданных видео предлагается размещать машиночитаемую метку, содержащую информацию о технологиях ИИ, дату создания метки и идентификатор владельца онлайн-площадки⁸.

Таким образом, российское регулирование делает ставку на прозрачность и информирование потребителя как основной способ борьбы с дезинформацией путем внесения изменения в основной закон в области информационного права. Также рассматривается вопрос усиления мер ответственности в борьбе с дипфейками.

Следует отметить опыт Республики Казахстан в данной сфере. С принятием Закона от 17 ноября 2025 г. № 230-VIII ЗРК «Об искусственном интеллекте» в стране появилось понятие «синтетические результаты деятельности систем искусственного интеллекта» – изображение, видео, аудио, тексты или их комбинации, созданные или измененные системой искусственного интеллекта, имитирующие внешность, голос, поведение физического лица или события, которые фактически не происходили.

Современное состояние и перспективы развития правового регулирования дипфейков в Республике Беларусь. Конституция Республики Беларусь в ст. 34 гарантирует гражданам право на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации. В научно-практическом комментарии к ст. 34 Основного

Закона подчеркивается, что право на информацию не может быть использовано для совершения противоправных деяний [6, с. 136].

Пункт 15 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь (утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5) среди основных национальных интересов предусматривает дальнейшее развитие безопасной информационной среды и защиту общества от деструктивного информационного воздействия. Пункт 27 Концепции информационной безопасности Республики Беларусь (утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1) гласит, что стремление к защищенности личности, общества, государства от дезинформации, информационных манипуляций и неявных информационно-психологических воздействий является важным стимулом развития информатизации. В главе 5 государственной программы «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы (утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 793) подчеркивается необходимость исключить внешние риски и обеспечить гарантии защиты национальных интересов в сфере цифрового развития в целях реализации цифрового суверенитета Республики Беларусь.

Законодательство Республики Беларусь, регулирующее информационную сферу, включает в себя признаки, которыми может обладать информация, относимая к различным правовым режимам, а также признаки, которыми данная информация обладать не должна. Анализ законодательства Республики Беларусь об информации, информатизации и защите информации, включая уголовно-правовые и административно-деликтные нормы в информационной сфере, позволяет сделать вывод о том, что национальное информационное право запрещает распространение искаженной, ложной, порочащей, дискредитирующей, ненадлежащей, модифицированной, деструктивной и манипулятивной информации. Информационно-правовые нормы в целом направлены на обеспечение правовых способов предоставления (распространения), хранения и получения полной, своевременной, достоверной информации и развитие безопасной информационной и цифровой инфраструктуры, при этом массовая информация должна отвечать тем же критериям полноты, актуальности и достоверности.

Законодательное регулирование дипфейков в Республике Беларусь пока отсутствует. Однако поскольку дипфейки зачастую распространяются в СМИ

⁷Дипфейк: правовое регулирование и авторство на контент // Юрист компании : сайт. URL: www.law.ru/article/28844-dipfeyk-pravovoe-regulirovanie-i-avtorstvo-na-kontent (дата обращения: 10.02.2026).

⁸В Госдуму внесут законопроект о маркировке созданных с помощью ИИ видео // Парламентская газета : сайт. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-gosdumu-vnesut-zakonoproekt-o-markirovke-sozdannykh-s-pomoshhyu-ii-video.html> (дата обращения: 10.02.2026).

и на интернет-ресурсах, проанализируем подходы к ограничениям ненадлежащей информации, закрепленные в белорусском законодательстве о СМИ и рекламе.

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» (далее – Закон Республики Беларусь о СМИ) в ст. 38 среди видов информации, запрещенных к распространению в СМИ, на интернет-ресурсах и новостных агрегаторах, не называет дипфейки. Хотя в Кодексе профессиональной этики журналиста в числе дисциплинарных проступков журналиста перечисляются некоторые виды неправомерных деяний в рамках его профессиональной деятельности, признаки которых могут проявляться при создании и распространении дипфейков. К таким проступкам относятся нарушения, посягающие на право граждан на получение информации (преднамеренное обнародование неправильной информации, фальсификация информации из корыстных соображений, искажение содержания источника информации), нарушения против чести и достоинства личности (представление журналистом гражданина или категории граждан в невыгодном свете, в частности, в связи с их профессией)⁹.

Если ранее указанные проступки могли быть совершены в нарушение этических и правовых запретов без использования дипфейка, то сейчас данная технология открыла новую форму для их совершения. Прежде данные проступки журналистов могли иметь место в так называемой желтой прессе, для которой характерно освещение слухов, мнимых сенсаций, скандалов, сплетен [7, с. 10]. Однако если в изданиях желтой прессы автор (журналист) известен и аудитория читателей допускает возможность недостоверности получаемой информации, то использование технологии «дипфейк» влечет противоположную ситуацию. Аудитория получателей информации характеризуется определенным доверием к СМИ, интернет-ресурсу, иному ее источнику, и, поскольку искаженная информация представляется с высочайшей степенью реалистичности (порой даже не от первого лица, а первым лицом), не может отличить достоверный факт от недостоверного. Произведения, созданные технологией «дипфейк», не передают факт действительности и не могут служить источником его доказательства, они предлагают аудитории ту информацию, которую решил предоставить ее распространитель, в форме, похожей на реалистичную и исключаящую обозримость признаков искажения информации.

Создание дипфейков, касающихся политической, экономической, культурной и международной жиз-

ни, состояния окружающей среды, если ранее в СМИ была опубликована достоверная информация по этим вопросам, будет являться прямым нарушением конституционного права граждан, предусмотренного ст. 34 Основного Закона Республики Беларусь. Создание дипфейка на публичное выступление официального должностного лица будет прямо нарушать нормы законодательства об авторском праве и смежных правах, поскольку публично произнесенные политические речи, обращения, доклады, распространяемые в СМИ, относятся к охраняемым объектам авторского права (ст. 6 Закона Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах»).

Как отмечает С. С. Лосев, цифровая среда влечет дублирование «аналоговой» реальности и появление новых объектов гражданского оборота, а технологии ИИ трансформируют основы права интеллектуальной собственности [8, с. 82]. Однако если в гражданских правоотношениях технологии ИИ затрагивают имущественные и личные неимущественные права субъектов, то в информационных правоотношениях данные технологии влияют на информационную среду, оказывают прямое воздействие на информационную безопасность личности, общества и государства. В частности, технология «дипфейк» представляет серьезную угрозу для безопасности цифровой среды, поскольку стремительное распространение дипфейков в данной сфере сложно контролировать, а масштаб влияния современных медиа на общественное сознание сегодня очень велик.

Помимо новостных трансляций, дипфейки могут активно использоваться в рекламе в целях недобросовестной конкуренции между юридическими лицами. В ст. 38 Закона Республики Беларусь о СМИ ненадлежащая реклама относится к сведениям, распространение которых в СМИ и на интернет-ресурсах запрещено. Ненадлежащая реклама, созданная с использованием дипфейков, может включать в себя недостоверную информацию о деятельности организации, месте, способе, составе и количестве товаров, об их характеристиках с указанием не свойственных им преимуществ в сравнении с аналогичными товарами других организаций, а также неэтичную информацию, которая вводит в заблуждение потребителей рекламы¹⁰.

По мнению С. Ч. Белявского, при рекламировании товаров, работ, услуг указание любой недостоверной информации является нарушением не только Закона Республики Беларусь о рекламе, но и актов законодательства, устанавливающих обязательные требования для предоставления информации о товарах

⁹Кодекс профессиональной этики журналиста // Белорусский союз журналистов : сайт. URL: <https://bsj.by/bszh/kodeks/> (дата обращения: 15.01.2026).

¹⁰Перечисленные виды сведений соответствуют признакам ненадлежащей рекламы, предусмотренным Законом Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» (далее – Закон Республики Беларусь о рекламе).

(работах, услугах) [9, с. 271]. Автор также приводит некоторые примеры распространения ненадлежащей рекламы и называет конкретные виды нарушений при таком распространении. Так, размещение сведений о видах деятельности юридических лиц, на которой они специализируются, должны подтверждаться соответствующими документами. Информирование о преимуществах товаров, работ, услуг юридического лица также должно подтверждаться документально (информирование о «звании» (статусе) организации по итогам проведенного конкурса должно точно соответствовать названию и условиям выигранного конкурса, сведения о рекламируемом товаре, который рекомендуется потребителями либо профессионалами в конкретной области, должны

подтверждаться результатами проводимых опросов, экспертными заключениями) [9, с. 273–275].

Таким образом, информация, распространяемая в рекламе, не может быть основанной на дипфейках. С точки зрения правового регулирования данных случаев установленные в Законе Республики Беларусь о СМИ и в Законе Республики Беларусь о рекламе запреты на распространение ненадлежащей рекламы охватывают аспекты рекламирования продукции посредством использования дипфейков. Однако применение дипфейков в информационной сфере куда шире, чем их распространение в рекламной деятельности, и на данном этапе в законодательстве Республики Беларусь нет специальных ограничений по рассматриваемой технологии.

Заключение

Повсеместное использование технологий ИИ стимулирует развитие современного цифрового общества и в то же время создает значительное число угроз для государства и общества в целом и для человека в частности. Многие страны, идущие по пути регулирования технологии «дипфейк», отмечают ее угрозу как для национальной, так и информационной безопасности.

С учетом рисков применения технологии дипфейк во всех сферах жизнедеятельности общества, включая политическую, экономическую, социальную, считаем целесообразным подходить к решению данной проблемы комплексно.

В рамках первого подхода возможны изменения законодательства Республики Беларусь в информационной сфере. Так, закрепить понятие «дипфейк» и отразить меры его регулирования можно в основном законе отрасли информационного права – Законе Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации информатизации и защите информации». Усилить правовую защиту от дезинформации, распространяемой дипфейками, необходимо через совершенствование информационно-правового регулирования в сфере массовой информации. По этой причине необходимо установить в Законе Республики Беларусь о СМИ новые запреты, связанные с недопущением распространения в СМИ, сетевых изданиях и новостных агрегаторах, на интернет-ресурсах информации, создаваемой посредством технологии «дипфейк» в целях дезинформации общества. Также изменения действующего законодательства Республики Беларусь, связанные с введением ограничений на распространение дипфейков, могут

повлечь дополнение правовых статусов владельцев интернет-ресурсов, сетевых изданий и новостных агрегаторов обязанностью по проверке распространяемой информации, в том числе интернет-пользователями, на факт ее создания с использованием технологии «дипфейк» (с необходимостью последующей маркировки либо недопущения к распространению и удалению). Изменения могут затронуть многие акты национального законодательства, включая Избирательный кодекс Республики Беларусь (в части установления запрета на применение технологии «дипфейк» в рамках предвыборной агитации) и Закон Республики Беларусь от 17 мая 2011 г. № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» (в части регулирования прав на объекты интеллектуальной собственности, созданные с помощью данной технологии).

Второй подход связан с принятием единого закона, комплексно регулирующего технологии искусственного интеллекта, в том числе технологию «дипфейк» – Закона Республики Беларусь «О технологиях искусственного интеллекта». Меры, которые необходимо принять для контроля за применением дипфейков, должны включать маркировку контента, созданного данной технологией либо с ее применением, что позволило бы пользователю критически воспринимать такого рода информацию. Также следует усилить меры ответственности создателей, распространителей информации и платформ, посредством которых она распространяется.

Полагаем, что комплексный подход к регулированию технологии «дипфейк» позволит гражданам более полно реализовывать свое право на получение достоверной информации в эпоху цифровизации.

Библиографические ссылки

1. Абламейко МС, Шакель НВ. Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;2:19–26.
2. Абламейко МС, Шакель НВ. Биометрические персональные данные и дипфейки: правовой аспект. *Право.by.* 2024;3:79–88.

3. Виноградов ВА, Кузнецова ДВ. Зарубежный опыт правового регулирования технологии «дипфейк». *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2024;17(2):215–240.
4. Анциферов ЮД, Жданухин ДЮ, Исакова ИН, Меньшиков ПВ, Сальникова ЛС, Чугров СВ. *Стратегические коммуникации в цифровую эпоху. Новые технологии*. Сальникова ЛС, редактор. Москва: Научная библиотека; 2019. 300 с.
5. Камилла ТР. Правовая сущность информации и ее юридические свойства. *Закон и право*. 2024;4:116–118.
6. Воронович ТВ. Комментарий к статье 34. В: Миклашевич ПП, Чуприс ОИ, Василевич ГА, редакторы. *Конституция Республики Беларусь: научно-практический комментарий*. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь; 2024. с. 136–139.
7. Лагутина ОВ. Массовая, «желтая», бульварная пресса: к вопросу разграничения понятий. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*. 2013;2:7–15.
8. Лосев СС. Актуальные проблемы системного развития права интеллектуальной собственности в Беларуси. В: Богоненко ВА, редактор. *Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции; 28 мая 2021 г.; г. Новополоцк, Беларусь*. Новополоцк: Полоцкий государственный университет; 2021. с. 81–89.
9. Бежавский СЧ. Комментарий к статье 26. Ненадлежащая реклама. В: Егоров АВ, редактор. *Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О рекламе»*. Минск: ЮрСпектр; 2025. с. 268–278.

Статья поступила в редколлегию 09.03.2026.
Received by editorial board 09.03.2026.

УДК 342.92

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА УЧАСТИЕ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

А. В. КАРАМЫШЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются правовые и организационные аспекты совершенствования административного производства в Республике Беларусь в парадигме процессуального принципа открытости. В заданном контексте определяются существенные особенности, проблемный ряд. Внимание акцентируется на средствах практического обеспечения права участника административного процесса быть заслушанным по обстоятельствам принимаемого административного акта.

Ключевые слова: административный процесс; административная процедура; принцип открытости; заинтересованное участие; прием заинтересованных лиц; личный прием; административное слушание.

PROCEDURAL SUPPORT OF THE RIGHT TO PARTICIPATE IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

A. V. KARAMYSHEV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article examines the legal and organisational aspects of improving administrative proceedings in the Republic of Belarus within the paradigm of the procedural principle of openness. Within this context, significant features and a range of problems are identified. Attention is focused on the practical means of ensuring the right of a participant in administrative proceedings to be heard on the circumstances of the adopted administrative act.

Keywords: administrative process; administrative procedure; principle of openness; interested participation; reception of interested parties; personal reception; administrative hearing.

Введение

Одной из приоритетных целей современной административно-правовой науки является формирование развернутой системы принципов административного процесса. В целом их характеризуют непосредственное действие, конкретная регулятивность, универсальность, системная открытость, иерархичность [1, с. 125–126]. В этом контексте иссле-

дователями аргументируется необходимость выработки научной концепции принципов. Предлагается выверенная типология: общие (универсальные) административно-процессуальные принципы, видовые принципы (применительно к отдельным видам административного процесса), процессуально-производственные принципы (применительно к отдель-

Образец цитирования:

Карамышев АВ. Процессуальное обеспечение права на участие в административном производстве. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2026; 1:22–29.
EDN: DGMWJE

For citation:

Karamyshev AV. Procedural support of the right to participate in administrative proceedings. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2026;1:22–29. Russian.
EDN: DGMWJE

Автор:

Александр Владимирович Карамышев – кандидат юридических наук; доцент кафедры государственного управления юридического факультета.

Author:

Aliaksandr V. Karamyshev, PhD (law); associate professor at the department of state administration, faculty of law.
karamyshev-1963@mail.ru

ным видам административных производств в структуре соответствующего вида административного процесса) [2, с. 124].

Системное понимание административного процесса выражается также через формулирование организационных (определяющих модель процедуры и логику действий публичной администрации как таковой) и функционально-аксиологических (задающих аксиологическую направленность в деятельности публичной администрации) принципов. В числе организационных принципов наряду с принципом активной роли публичной администрации («следственный», «инквизиционный» принцип) и принципом материальной истины отмечен принцип гласности [3, с. 204–205].

Действительно, объективно необходимая процессуализация административной деятельности связана с нормативно-правовым, методологическим

и организационно-практическим обеспечением принципа открытости. Являясь неотъемлемой частью надлежащей правовой процедуры (обеспечение права лица на защиту), он в конечном счете определяет структурную динамику производств, реализующих общую парадигму и операционную платформу административного процесса. В конкретных нормативных установлениях важно обеспечить эту стимулирующую и одновременно правозащитную функцию принципа открытости.

Настоящее исследование имеет две основные цели: 1) дать системную характеристику процессуальных средств, гарантирующих право участия в административном производстве для обеспечения фундаментального принципа открытости процесса; 2) определить основные факторы, обуславливающие недостаточность в законодательстве Республики Беларусь процессуальных гарантий открытости.

Основная часть

Открытость административной процедуры (производства) наряду с законностью, равенством заинтересованных лиц перед законом имеет значение конституционного принципа [4, с. 223]. Данный принцип находит воплощение в целом ряде норм Конституции Республики Беларусь в части конституционных обязанностей государственных органов, должностных лиц предоставить гражданину Республики Беларусь возможность ознакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы (ст. 34), рассмотреть по существу поступившие обращения и в установленный срок дать мотивированный ответ (ст. 40), в пределах своей компетенции принять необходимые меры для осуществления защиты прав и свобод личности (ст. 59). Важное регулирующее значение для административного правоприменения имеет конституционная гарантия судебно-процессуальной защиты посредством реализации гражданами права обжалования в суд решений и действий (бездействия) государственных органов и должностных лиц, ущемляющих права и свободы (ст. 60).

Определенную специфику конституционализации сразу же задает реализованный в белорусском законодательстве «узкий» подход к понятию административных процедур как «особых действий» юридически значимого характера по работе с «отдельными видами» заявлений в отличие от «иных подходов» зарубежного законодательства [4, с. 223]. Данный тезис требует критических оговорок. Являясь по сути результатом перевода административной процедуры в «числовой» формат, трактовка процедур как некоего организационного множества не соотносится с признаком «узкий». Широта и разноплановость

реализуемых материальных правоотношений, представленная в соответствующих перечнях, не дает реальных оснований для того, чтобы говорить об «отдельных» заявлениях и «особых» действиях. «Узкую» сферу административных процедур проблематично соотносить с консолидацией, обозначенной в Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196.

В целом для оценки отечественного института административных процедур и сопоставления его с парадигмальным процессуально-правовым феноменом задействие формулы «узкий–стандартный–широкий» очевидно ошибочно. Соответственно, ошибочна вытекающая из нее оправдательная констатация вариативности моделей административной процедуры. Реальным подтверждением этого тезиса служит практика действия законов об административной процедуре (административном производстве) постсоветских государств. Обозначенный в них «упрощенный» или иной специальный процедурный порядок предполагает лишь некоторые отступления от общего режима. Принятый Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ модельный закон «Об административных процедурах»^{1*} (далее – модельный закон), несмотря на его название и предложенные видовые новации (административные процедуры с проведением устных слушаний, административные процедуры в электронной форме и др.), выдержан в том же ключе.

С точки зрения административно-процессуальной методологии белорусская модель по большинству критериев специфична [5, с. 23–24]. Пожалуй,

^{1*} О модельном законе «Об административных процедурах»: Постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 28 окт. 2022 г., № 54-28 // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств : сайт. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/6691#text> (дата обращения: 25.02.2026).

она единственная в своем роде, если сопоставить ее с зарубежным законодательством об административной процедуре (административном производстве), модельным законом. Тем не менее реализация Закона Республики Беларусь от 28 октября 2008 г. № 433-З «Об основах административных процедур» (далее – Закон об основах административных процедур), как и любого другого процессуального блока, должна верифицироваться с позиции конституционных доминант и их методологически развернутого инструментального наполнения. Для административной надстройки это обстоятельство важно по ряду причин. Во-первых, закон охватывает весьма обширный и значимый сегмент публичной деятельности. Во-вторых, закон в общем рассчитан на регулирование бинарной (как предоставляющей, так и юрисдикционной) модели взаимодействия частных лиц и публичных субъектов.

Законодательство об административной процедуре не свободно от ценностной ориентации: порядок работы, в котором протекает процесс формирования административного решения, происходят подготовка и нахождение решения органа исполнительной власти, важен как для эффективного и рационального выполнения задач, так и для правовой защиты лиц, а также демократической легитимации административного решения [6, с. 29]. Законодательство о процедурах действует в качестве усилителя содержания основных прав [7, с. 340].

С переносом в процессуальную материю конституционного императива в ст. 4 Закона об основах административных процедур формулируется принцип открытости. Он обеспечивает возможность заинтересованному лицу ознакомиться с материалами, связанными с рассмотрением его заявления, и принимать участие в рассмотрении такого заявления лично и (или) через своих представителей. Эти положения являются базовыми. Для системной конкретизации принципа в его содержании методологически важно выделить доминантные позиции. В зарубежном законодательстве об административной процедуре (административном производстве) и модельном законе принцип открытости в числе принципов прямо не называется, однако, безусловно, предполагается, системно реализуясь в конкретных процедурных правилах. В то же время в упомянутых документах имеются аналоги принципа открытости.

Примером могут служить положения Административного кодекса Республики Молдова, закрепившие «принцип понятности и прозрачности действий органа публичной власти». Принцип требует сделать административное производство понятным для участников на каждом его этапе. Если участник производства обязан выполнить определенные действия, ему ясно и понятно должен быть разъяснен порядок их осуществления. Органы публичной власти должны в предусмотренном законом порядке

обеспечить беспрепятственное участие заинтересованных лиц в административном производстве.

Этим положениям в целом созвучны нормы Закона об основах административных процедур, закрепляющие организацию приема заинтересованных лиц (ст. 6), обязанности уполномоченных органов давать разъяснения заинтересованным лицам (ст. 9), право заинтересованных лиц получать от уполномоченных органов разъяснение своих прав и обязанностей, принимать участие в осуществлении административных процедур, знакомиться с материалами, связанными с рассмотрением своих заявлений, в том числе с полученными уполномоченными органами от других государственных органов, иных организаций документами и (или) сведениями, необходимыми для осуществления административных процедур (ст. 10). Соответствующие правила закреплены применительно к участию в административной процедуре третьих лиц (ст. 11¹). Приведенные нормы формируют декларирующий, установочный блок открытого процесса. Важно обеспечить его действенность (беспрепятственность) непосредственно в реализующих процедурных нормах.

Совокупность административных процедур составляет в комплексе административное производство [8, с. 105]. Принцип открытости административного производства – это общепроцессуальный принцип [2, с. 136–137]. Он имеет собственное структурно-содержательное наполнение, являющееся существенным фактором качественного структурирования всей процедуры. Чем полнее реализация принципов административного права, административных процедур, тем логичнее и «равномернее» структура административной процедуры [3, с. 15]. Закрепленная в Законе об основах административных процедур формула принципа обозначает его общий контур. Он формируется двумя базовыми составляющими, которые имеет смысл верифицировать в контексте надлежащей реализации этапов и стадий процедуры. В связи с вышесказанным еще раз подчеркнем, что обе компоненты имеют конституционно-правовое значение.

Первая составляющая связана с реализацией участником административной процедуры (процесса) права знакомиться с материалами, затрагивающими его права и законные интересы. Действие данного правоотношения – значимый процессуальный этап. Зарубежные законы закрепляют основные положения о порядке ознакомления с материалами дела. Так, в соответствии с Административным процедурно-процессуальным кодексом Республики Казахстан участнику административной процедуры должна быть предоставлена возможность ознакомления с материалами административного дела как в ходе административного дела, так и после его рассмотрения в срок не позднее трех рабочих дней со дня заявления ходатайства.

При ознакомлении участника с материалами дела административный орган обязан обеспечить соблюдение законодательства о государственных секретах и иной охраняемой законом тайны. Участник административной процедуры в процессе ознакомления с материалами административного дела вправе снимать копии с документов, в том числе с помощью научно-технических средств, выписывать в любом объеме любые сведения, за исключением сведений, содержащих государственные секреты или иную охраняемую законом тайну. В то же время согласно Закону Азербайджанской Республики от 21 октября 2005 г. № 1036-ПQ «Об административном производстве» в случае отказа в предоставлении для ознакомления документа, в содержание которого входит какая-либо тайна, охраняемая законом, административный орган обязан без причинения вреда охраняемым законом интересам предоставить заинтересованному лицу по возможности полные сведения о содержании данного документа.

Если говорить об административном процессе в Республике Беларусь в системном его понимании, то порядок ознакомления участников с материалами дела в той или иной мере представлен в документах. Так, Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях комплексно определяет этот порядок положениями ст. 11.26 «Ознакомление с материалами дела об административном правонарушении». Что касается Закона об основах административных процедур, то он от такой комплексности уходит, ограничиваясь двумя позициями, причем проблемными. Вопросы ознакомительного этапа не нашли отражения в постановлении Министерства юстиции Республики Беларусь от 7 мая 2009 г. № 39 «О порядке ведения делопроизводства по административным процедурам». Фиксация хода рассмотрения документов по вопросам осуществления административных процедур требует отражать в соответствующей графе регистрационно-контрольной формы сведения о направленных запросах, а также полученных документах и сведениях, направлении заявления заинтересованного лица на рассмотрение в уполномоченный орган, виде принятого административного решения, уведомлении заинтересованного лица о принятом административном решении (п. 13). Отсутствует ознакомительный регламент и в общей Инструкции по делопроизводству в государственных органах, иных организациях, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 29 августа 2025 г. № 65.

Что касается проблемных аспектов рассматриваемого вопроса, то один видится в отсылке к законодательству о государственных секретах, коммерческой или иной охраняемой законом тайне. Следует отметить, что Закон Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З «О государственных секретах» в ст. 33 регулирует вопросы допуска к государственным се-

кретам определенного круга субъектов, в том числе участников административного процесса (по делам об административных правонарушениях). Соответственно, Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях в ст. 11.26 обязывает должностное лицо органа, ведущего административный процесс, предупредить участника об ответственности за разглашение таких сведений и взять об этом подписку. Закон Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне» в ст. 13 регулирует соответствующие вопросы для участников уголовного, гражданского, хозяйственного, административного судопроизводства. В такой ситуации использование бланкетной нормы по отношению к участникам административной процедуры проблематично. В свою очередь, наличие такой отсылки делает проблематичным использование процессуальной аналогии. Специфика предмета исключает перенос решения в поле административной дискреции.

Другим по-своему проблемным аспектом, требующим комментария, является конструкция, материализующая результат ознакомительного этапа в «выписках» из документов дела. Данный алгоритм при его прямом императивном применении очевидно непрактичен. По большому счету он является блокирующим фактором. Осуществление необходимых извлечений из документов и их запись (или запись содержания всего документа) могут быть весьма трудоемкими процессами. В конечном счете установленное правило вступает в противоречие с законными интересами участников административной процедуры и может деформировать не только соответствующий этап, но и весь последующий ход рассмотрения дела.

Типичной является норма Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан, согласно которой участник административной процедуры в процессе ознакомления с материалами административного дела вправе выписывать любые сведения в любом объеме, а также снимать копии с документов. Поскольку до настоящего времени ограничительная норма отечественного закона не скорректирована, есть основания полагать, что в административной практике она зачастую замещается организационным обычаем, дающим возможность участникам делать копии документов. Непосредственное влияние на данную ситуацию оказывает соответствующая норма Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» (далее – Закон об обращениях граждан и юридических лиц), несмотря на наличие заданного (искусственного) размежевания этих публично-правовых сфер.

Следующая конституционная составляющая открытости призвана обеспечить прямое практическое участие заинтересованного лица в реализации административной процедуры. Вместе с официальной

(правоустановленностью процедурного порядка) открытое участие реализует принцип публичности [9, с. 45]. Закон об основах административных процедур декларирует право участия, однако уходит от его перевода в развернутый системный перечень процессуальных возможностей и корреспондирующих обязанностей с определением условий и порядка их реализации. В зарубежном законодательстве, в частности, в приведенных в настоящей статье законах об административной процедуре (административном производстве) прослеживается именно такая тенденция. В контексте принципа открытости процесса особое значение придается праву быть выслушанным. Его закрепляют указанные законы и модельный закон в статьях о слушании административного дела. Право участвовать и (или) быть выслушанным составляет важную часть принципа надлежащей административной процедуры в основных правовых традициях [10, с. 52].

Заинтересованному лицу гарантируется возможность предоставить относящуюся к делу информацию, дать объяснения и комментарии до того, как решение было принято. Частное лицо имеет право узнать факты, затрагивающие его дело. Таким образом, администрация обязана создать возможность для изучения и оценки фактов, которые могут повлиять на рассмотрение дела, проверки их правильности, а также удостоверения в том, что все факты, имеющие отношение к делу, были исследованы [1, с. 129]. Европейский кодекс надлежащего административного поведения в ст. 16 предусматривает обязанность должностных лиц обеспечить право лица на защиту на каждом этапе^{2*} процедуры принятия решения. Зарубежное законодательство знает такую форму, как предварительное решение, например, по вопросам лицензирования или взимания налогов. Участнику административной процедуры обеспечивается право предоставить или высказать возражение на предварительное решение по административному делу.

Механизм реализации права быть выслушанным, содержащий в себе принцип открытости административной процедуры, наглядно показан в модельном законе. Прежде всего, данному праву корреспондирует обязанность административного органа предоставить участнику административной процедуры возможность выразить свою позицию в формате устного слушания административного дела. Подробно урегулированы организационные вопросы слушания (письменное извещение участников с разъяснением последствий неявки, основания для непроведения слушания с учетом позиции участников либо в связи с особой срочностью), также акцентируется внимание на порядке ведения устных слушаний с позиций инквизиционного процесса.

Должностное лицо административного органа, ведущее устные слушания, обязано обсудить существо рассматриваемого административного дела со

всеми участниками административной процедуры. Это лицо должно способствовать устранению неясности (неопределенности) в имеющихся заявлениях участников административной процедуры, разъяснять ее участникам обязательность подачи недостающих заявлений и представления необходимых для рассмотрения административного дела информации и документов, способствовать восполнению нехватки сведений для рассмотрения административного дела по существу.

Право заявителя, иных участников административной процедуры выразить мнение может реализовываться путем личного участия в устных слушаниях по административному делу, направления мнения в письменном или электронном виде. При этом право на заслушивание не является абсолютным. Существует множество исключений, когда в данном праве может быть отказано [11, с. 209]. Устные слушания могут не проводиться, если административный орган принимает благоприятствующий административный акт, не затрагивающий права и законные интересы других лиц, осуществляется упрощенная административная процедура, требуется незамедлительное принятие административного акта в целях защиты прав и законных интересов граждан, юридических лиц, публичных интересов (обоснование подлежит указанию в административном акте), подано ходатайство заявителя, иных участников административной процедуры, решение по административному делу принимается при осуществлении автоматизированной административной процедуры, при этом административный орган не наделен административным усмотрением, принимается акт о принудительном исполнении.

В случае устного выражения участником административной процедуры своего возражения ведется протокол заслушивания. В протоколе указываются содержание рассматриваемого вопроса, объяснений, вопросов и ответов, выступлений участвующих лиц. Участник административной процедуры и (или) иное лицо, участвующее в административном деле, вправе ходатайствовать в устной форме о занесении в протокол заслушивания сведений о фактических обстоятельствах, которые они считают существенными для рассмотрения административного дела.

Закон об основах административных процедур не формулирует такие конструкции. Практикой устойчивые организационные подходы также не выработаны. Данная проблема видится отчетливее при сопоставлении нормы Закона об основах административных процедур с нормами законов об обращении граждан и юридических лиц. При всех инструментальных отличиях и разграничительных линиях в процессуальном отношении они реализуют один и тот же подход. В этом плане показательными являются положения ст. 6 Закона об основах админист-

^{2*} Здесь и далее курсив наш. – А. К.

ративных процедур «Прием заинтересованных лиц». В определенном смысле они стали ограниченной проекцией организационно-правовой формы «личный прием граждан», предусмотренной ст. 11 Закона Республики Беларусь от 6 июня 1996 г. № 407-XIII «Об обращениях граждан» (в редакции Закона Республики Беларусь от 1 ноября 2004 г. № 340-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам рассмотрения обращений граждан»).

Важно отметить, что открытая модель в виде личного приема, осуществляемого представителем публичной власти, изначально позиционировалась как правоприменительный регулятор, прямо ориентированный на рассмотрение (заслушивание) вопроса по существу и принятие того или иного распорядительного решения. Вместе с тем регулятор действовал избирательно, как реакция на устные обращения, что прямо предусматривалось нормой ст. 11 вышеупомянутого закона. Согласно ей в случае невозможности решения вопроса, изложенного в устном обращении во время личного приема, обращение могло быть изложено письменно и подлежало рассмотрению в порядке, установленном для соответствующего вида обращений. Здесь важно то, что в рамках личного приема предполагалось (требовалось) выполнить тот или иной объем процессуальных по сути действий: уточнить вид и предмет обращения, исследовать и верифицировать предъявленные документы, заслушать пояснения и доводы (возражения), обеспечить при необходимости фиксацию хода рассмотрения обращения и т. п. При отсутствии прямых правовых ориентиров реализовать этот процедурный комплекс сложно, особенно на фоне разграничительного понимания и регулирования административного процесса, административной процедуры, производства по обращениям.

Когда отечественная публично-административная надстройка, модернизируясь и при этом избегая влияния «привнесенных» моделей, подошла к введению в действие знакового процессуального института административной процедуры, личный прием, будучи упорядоченным, должен был стать ее несущим элементом. Например, Административный процедурно-процессуальный кодекс Республики Казахстан устанавливает, что, если обращение не может быть разрешено должностным лицом во время приема, оно излагается в письменной форме и с ним ведется работа как с письменным обращением. Закон об основах административных процедур в нормах главы 5 «Порядок рассмотрения заявления заинтересованного лица» не наделил этот порядок процессуальными признаками слушания дела, акцентируя внимание на сопутствующих организационных аспектах приема лиц (кадровом обеспечении, графике работы, очередности, локализации приема заявлений, в том числе устных, и выдаче административных решений).

Известное отклонение от изложенной выше процессуальной позиции претерпел и Закон об обращениях граждан и юридических лиц. Норма ст. 11 утратившего силу Закона Республики Беларусь от 6 июня 1996 г. № 407-XIII «Об обращениях граждан» в новом законе существенно видоизменилась. Личный прием в целом не обусловлен принятием и объявлением результирующего решения. Скорее, возросла важность его внешней функции как широкого привычного канала коммуникации частных и публичных субъектов. Соответственно, он стал еще менее процессуализованным. Ведь принцип открытости не может реализовываться через рекомендации о доброжелательном и внимательном отношении работников уполномоченного органа к заинтересованным лицам, третьим лицам, а также о недопущении формализма, бюрократизма, волокиты, предвзятого, нетактичного поведения, грубости и неуважения к заявителям, принятии мер для полного, объективного, всестороннего и своевременного рассмотрения обращений (ст. 9).

При исследовании административной процедуры методологически важным является обеспечение ее структурного понимания. В этом плане полезна понятная структурная схема, обозначенная в Законе Республики Армения от 18 февраля 2004 г. ЗР-41-Н «Об основах администрирования и административном производстве». Административное производство состоит из этапа возбуждения, текущего и завершающего этапов производства, которые являются взаимосвязанными. Они в числе прочего решают задачу *кумулятивного* действия принципа открытости. Отечественные авторы при рассмотрении отраслевой проблематики акцентируют внимание на наличие многоступенчатых процедур, на разных стадиях которых могут приниматься административные акты [12, с. 66].

В статье 19 Закона об основах административных процедур изложен алгоритм рассмотрения заявления заинтересованного лица. В нем можно выделить две взаимосвязанные направляющие: информационно-накопительную и аналитико-результативную. Они обеспечиваются посредством изучения представленных заинтересованным лицом документов и сведений, поиска и анализа документов и (или) сведений, необходимых для осуществления административной процедуры, которые имеются в уполномоченном органе, сверки информации, содержащейся в представленных заинтересованным лицом документах и (или) сведениях, с информацией, имеющейся в уполномоченном органе, получения необходимых сведений из информационных ресурсов (систем), запросов в другие государственные органы, иные организации, принятия иных необходимых мер. По итогу проведения данных мероприятий устанавливаются наличие или отсутствие оснований для осуществления административной процедуры, принимается административное решение.

В таком виде рассмотрение заявления представлено схематично. При прямом прочтении оно выглядит закрытым. Это обстоятельство относится также к рассмотрению административной жалобы на административное решение. Регламент рассмотрения, изложенный в ст. 35 и 36 Закона об основах административных процедур, касается вопросов единоличного или коллегиального рассмотрения жалобы, объема исследуемых документов, проверки законности и обоснованности решения в полном объеме независимо от доводов, изложенных в жалобе. Реальное содержание данных стадий процесса может быть раскрыто в контексте принципа открытости, т. е. обеспеченного участия заинтересованного лица.

Конкретные аспекты можно рассмотреть на примере административной процедуры, состоящей из нескольких блоков. Таковой, например, является процедура решения вопроса о принятии на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий. Первый блок организуется в соответствии с Положением о порядке создания и деятельности службы «одно окно», утвержденным Указом Президента Республики Беларусь от 24 мая 2018 г. № 202. В его рамках решаются вопросы оформления соответствующего заявления, получения необходимых документов, существует возможность получения разъяснений и консультаций жилищно-правового характера. В соответствии со ст. 39 Жилищного кодекса Республики Беларусь второй блок определяет работу общественной комиссии по жилищным вопросам, третий – итоговое рассмотрение вопроса местным исполнительным и распорядительным органом (руководящим органом организации совместно с профсоюзным комитетом).

Статья 41 «Рассмотрение заявления гражданина о принятии на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий» Жилищного кодекса Республики Беларусь о рассмотрении как таковом (в контексте открытости) умалчивает, фиксируя только административные функции регистрации заявления, принятия решения и сообщения заявителю. Примерное положение об общественной комиссии по жилищным вопросам, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 марта 2000 г. № 429, содержит дискреционную норму о том, что граждане, в отношении которых выносится решение, могут быть приглашены на заседание комиссии в случае необходимости. Итоговое решение по вопросу постановки на учет нуждающихся принимает местный исполнительный и распорядительный орган. Для регламентов этих органов типичным является

пункт, допускающий присутствие граждан на заседаниях с разрешения (по усмотрению) председательствующего. При этом формат возможного участия регламенты не определяют.

В реальности приведенные позиции так или иначе видоизменяются. Однако уповать лишь на ожидаемо позитивные и самодостаточные управленческие традиции будет ошибкой. Процессуально-правовая регламентация необходима и важна. При решении жилищного вопроса, тем более при наличии подготовленного проекта решения об отказе в принятии на учет (обременяющего административного акта), «разрешительный принцип» как таковой не может выступать регулятором. Лицу в процессуально обязывающем порядке при надлежащем извещении должна обеспечиваться возможность участвовать в рассмотрении дела и изложении пояснений и особенно возражений. В завершение административного слушания (итоговый этап стадии рассмотрения дела) с участием лица необходимо установить наличие или отсутствие оснований для совершения административной процедуры, как того требует Закон об основах административных процедур. В той или иной мере подобная проблематика характерна для других административных процедур и производств [5, с. 22–23].

В условиях методологического и нормативного дефицита особенно важным становится целенаправленное обеспечение принципа административной открытости судебной практикой. Это направление было обозначено сразу после принятия Закона об основах административных процедур. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 декабря 2009 г. № 11 «О применении судами законодательства, регулирующего защиту прав и законных интересов граждан при рассмотрении жалоб на неправомерные действия (бездействие) государственных органов, иных организаций и должностных лиц» (далее – Постановление №11) обязывает суды при рассмотрении споров проверять, были ли при вынесении административных решений соблюдены принципы административных процедур (п. 22).

В этом контексте для обеспечения охвата судебным контролем всех этапов административной процедуры (производства) обоснованно констатируется допустимость судебного обжалования наряду с итоговыми административными решениями промежуточных управленческих актов, что усилит гарантии защиты интересов лиц, повысит качество этих актов, в том числе процессуальную детерминированность и результативность [13, с. 38].

Заключение

Принцип открытости, как и другие процессуальные принципы, важно понимать как конкретное императивное предписание для разрешения всеми уполномоченными органами административных дел

[2, с. 135]. Этот фундаментальный принцип должен реализоваться в развернутом системном перечне процессуальных возможностей и корреспондирующих обязанностей, определении условий и порядка

их реализации. К отечественному законодательству может быть отнесен критический тезис о том, что ключевой этап, на котором должна реализовываться процедурная правосубъектность невластных участников (стадия рассмотрения дела), носит преимущественно внутриорганизационный характер [3, с. 15]. Как следствие, выходят на первый план и приобретают мобилизационную направленность факторы управленческой культуры, этики, усмотрения.

Неоправданной рефлексией на это обстоятельство видится норма Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, обязывающая суды проверять соблюдение порядка принятия оспариваемого акта с оговоркой «если такой порядок установлен». Очевидно, что имеется в виду в той или иной степени формализованный процедурный регламент.

Однако от проверки соблюдения фундаментальных процессуально-правовых принципов суд не может уклониться. На их основе ему необходимо в общих чертах сформулировать надлежащий процессуальный алгоритм, который должен был соблюдаться при рассмотрении административного дела и принятии правомерного решения.

Правозащитный императив судебного контроля за соблюдением процедурных (процессуальных) принципов, декларируемый в Постановлении № 11, должен реализовываться применительно к различным административным производствам. Для этой реализации в судебных постановлениях важна специальная оценка (как негативная, так и позитивная) взаимодействия сторон с точки зрения обеспечения права лица на участие в административном процессе.

Библиографические ссылки

1. Давыдов КВ. Принципы административных процедур: функции, система, перспективы развития. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*. 2017;2:125–143.
2. Кононов ПИ, Зюзин ВА. Принципы современного внесудебного административного процесса (административного производства): проблемы понимания и систематизации. *Правосудие/Justice*. 2020;2(3):119–145. DOI: 10.37399/2686-9241.2020.3.119–145.
3. Давыдов КВ. *Административные процедуры: концепция правового регулирования* [диссертация]. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского; 2020. 655 с.
4. Гвоздев ДВ, Рябцев ЛМ, Чуприс ОИ, Василевич ГА, Крамник АН, Телятицкая ТВ и др. *Административное право*. Рябцев ЛМ, Чуприс ОИ, редакторы. Минск: Адукацыя і выхаванне; 2024. 558 с.
5. Карамышев АВ. Административный процесс: методологические аспекты отраслевой идентификации. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2025;2:16–25. EDN: OWPHRW.
6. Брокер Л. Инквизиционный принцип в административном праве (административная процедура и административный процесс). *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. 2017;4:26–34.
7. Шмидт-Ассманн Э. Кодификация законодательства об административных процедурах: традиции и модели. В: Й. Пуделька, редактор. *Ежегодник публичного права – 2017. Усмотрение и оценочные понятия в административном праве*. Москва: Инфотропик Медиа; 2017. с. 332–362.
8. Старостин СА. О соотношении понятий «административный процесс», «административное производство», «административные процедуры». *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2016;5:100–106.
9. Беженцев АА. Административные процедуры: уточнение дефиниции и характеристика общеправовых принципов. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право*. 2023;2:39–48.
10. Курындин ПА. Надлежащая административная процедура как общий принцип административного права. *Российская юстиция*. 2024;5:48–56.
11. Майле АД. Законодательство об административных процедурах: опыт Германии. *Сибирское юридическое обозрение*. 2021;2:204–215. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-2-204-215.
12. Скобелев ВП, Шахрай ИС. О специфике земельных споров и некоторых проблемах их подведомственности судам. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2018;2:64–77.
13. Скобелев ВП. Процессуальные особенности рассмотрения судами дел, связанных с обжалованием действий государственных органов и должностных лиц в сфере земельных правоотношений. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2019;1:32–49.

Статья поступила в редакцию 04.03.2026.
Received by editorial board 04.03.2026.

УДК 342.55

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ И МЕЖМУНИЦИПАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ СФЕРЕ СО СТРАНАМИ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Н. С. МАЛЮТИН^{1), 2)}

¹⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

²⁾Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации,
ул. Большая Черемушkinsкая, 34, 117218, г. Москва, Россия

Аннотация. Анализируются проблемы межмуниципального сотрудничества на геополитическом пространстве Евразии в социогуманитарной сфере. Отмечается особая роль подобной парадипломатии в масштабах пространства, объединенного общими историческими и цивилизационными характеристиками, что позволяет выделять закономерности развития данной сферы в отдельных государствах и формировать аналогичные подходы к их регулированию. Отмечается ряд проблем развития подобного сотрудничества, которые могут быть решены путем комплексного воздействия на обозначенные отношения. В качестве элементов такого воздействия рассматриваются конкретные предложения в рамках нормативного, институционального и организационного подходов, направленные на развитие межмуниципального и межрегионального сотрудничества в социогуманитарной сфере.

Ключевые слова: межмуниципальное сотрудничество; Содружество Независимых Государств; культурная сфера.

INTERREGIONAL AND INTERMUNICIPAL COOPERATION IN THE SOCIO-HUMANITARIAN SPHERE WITH THE COUNTRIES OF THE EURASIAN SPACE

N. S. MALYUTIN^{a, b}

^aLomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

^bThe Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
34 Bolshaya Cheremushkinskaya Street, Moscow 117218, Russia

Abstract. This article analyses the problems of intermunicipal cooperation in the geopolitical space of Eurasia in the socio-humanitarian sphere. The special role of such paradiplomacy is noted on the scale of space united by common historical and civilisational characteristics, which makes it possible to identify patterns of development in this area in individual states and to form similar approaches to their regulation. Meanwhile, a number of problems in the development of such cooperation are noted, which can be resolved through a comprehensive impact on the designated relations. As elements of such an impact, the article examines specific proposals within the framework of normative, institutional and organisational approaches aimed at developing intermunicipal and interregional cooperation in the socio-humanitarian sphere.

Keywords: intermunicipal cooperation; Commonwealth of Independent States; cultural sphere.

Образец цитирования:

Малютин НС. Межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество в социогуманитарной сфере со странами евразийского пространства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2026;1:30–38.
EDN: PXMFHI

For citation:

Malyutin NS. Interregional and intermunicipal cooperation in the socio-humanitarian sphere with the countries of the Eurasian space. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2026;1:30–38. Russian.
EDN: PXMFHI

Автор:

Никита Сергеевич Малютин – кандидат юридических наук; доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета¹⁾, ведущий научный сотрудник центра судебного права²⁾.

Author:

Nikita S. Maliutin, PhD (law); associate professor at the department of constitutional and municipal law, faculty of law^a, and leading researcher at the centre for judicial law^b.
n_malyutin@mail.ru

Постановка проблемы

Современное развитие международных отношений, а также глобализация, которая в конкретный исторический период то набирает, то сбавляет обороты, в значительной степени актуализируют вопросы взаимодействия государств в разных сферах общественной жизни. Особое значение подобное взаимодействие имеет в ситуации наличия общих государственных границ, социально-политических условий существования, политико-правовой истории, а также иных пересечений, носящих преимущественно социогуманитарный характер и имеющих в основе общие цивилизационные начала [1].

Для настоящего исследования особый интерес представляют три ключевых параметра: 1) сфера сотрудничества; 2) география сотрудничества; 3) уровень осуществления сотрудничества. Анализ обозначенного вопроса в контексте данных аспектов позволит сформировать комплексное представление о проблемах, существующих в данной сфере правового регулирования, а также дать соответствующие рекомендации по их преодолению.

Сфера сотрудничества. В условиях усиления культурной экспансии, осуществляемой прежде всего США и западными странами, особое значение в развитии межгосударственных отношений приобретают именно гуманитарные, культурные, религиозные и иные направления сотрудничества. Между тем анализ современного состояния законодательства в данной сфере и практики его применения свидетельствует о том, что основной акцент в сфере международного сотрудничества сегодня делается преимущественно на экономических и научно-технологических аспектах. Представляется, что данный подход обусловлен в значительной степени высоким уровнем эффективности использования «политических инвестиций»: очевидно, что подобные решения дают быстрый и достаточно репрезентативный эффект, а потому нередко используются для получения краткосрочной выгоды теми или иными политическими игроками. Куда более сложной и стратегически ориентированной представляется работа в социогуманитарной сфере, которая в краткосрочной перспективе нередко выглядит малоэффективной, экономически затратной и даже критической, но при должной проработке и последовательной реализации такая политика может привести (и фактически приводит) к системным результатам.

Эта работа прежде всего проявляется в собственно формулировках базового нормативного регулирования и степени детализации регулирования в той или иной сфере. Так, в частности, большинство научных исследований в области правового обеспечения межрегионального сотрудничества, в том числе приграничного, посвящены преимущественно именно экономической составляющей данных взаимоотношений [2–4]. Кроме того, именно

экономический и научно-технологический аспекты международного сотрудничества (любого уровня) чаще всего сопровождаются различного рода конкретизирующими документами, свидетельствующими о реальности данного сотрудничества и заинтересованности его участников в достижении конкретных результатов (речь идет о различных программах сотрудничества, дорожных картах, конкретных направлениях с установленными целевыми показателями реализации).

География сотрудничества. Нельзя не отметить тот факт, что в нынешних геополитических обстоятельствах географический характер сотрудничества в указанной сфере также приобретает особое значение. Очевидно, что в контексте действующих в отношении Российской Федерации разного рода ограничений социогуманитарное сотрудничество, в том числе приграничное, с отдельными государствами фактически сведено к минимуму. Более того, сама по себе необходимость развития подобного сотрудничества в отдельных направлениях представляется сомнительной, поскольку в настоящее время перед Российской Федерацией стоит задача выработать целостное представление относительно собственной идентичности, а также мягко продвигать указанные подходы и позиции среди сопредельных государств. В данной ситуации особое значение имеет прежде всего евразийский регион.

Важно подчеркнуть, что специфика данного региона проявляется в значительном количестве аспектов от сугубо философско-мировоззренческого [5–7] до утилитарно-экономического. Очевидным является тот факт, что общая политико-правовая история развития региона как в части существования крупных геополитических игроков, формирующего его политическую повестку и оказывающих существенное влияние на формирование концепции глобального миропорядка, так и в части восприятия региона Западом как своего рода цивилизационного конкурента [8], в значительной степени предопределяет необходимость налаживания интеграционных процессов в указанном пространстве, в том числе посредством установления прочных и взаимовыгодных связей в различных областях общественной жизни.

Уровень сотрудничества. Развитие межрегиональных и межмуниципальных связей представляется крайне важным для установления действительно прочного и взаимовыгодного сотрудничества на общегосударственном уровне. Прежде всего данный формат взаимодействия позволяет применять наиболее эффективные практики в сфере сотрудничества при достижении наиболее заметных результатов. Так, программы сотрудничества между приграничными городами в части организации и проведения совместных культурно-просветительских мероприятий будут более конкретными с точки

зрения наполнения и более четко реализуемыми по сравнению с принятием на уровне приграничных государств глобальных стратегических документов.

Кроме того, само по себе межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество в заявленной сфере позволяет рассматривать его в качестве весьма эффективного инструмента парадипломатии. Неслучайно этому направлению уделяется огромное внимание, в том числе на мировом уровне¹. Важность данного подхода обусловлена тем, что в силу своей повышенной эффективности и конкретности действий в совокупности с низким уровнем непосредственно политических рисков осуществления данного сотрудничества межрегиональные и межмуниципальные формы взаимодействия позволяют осуществлять тонкую настройку политических процессов, в мягкой форме влиять на формирование настроений в местных сообществах, оказывать значительное влияние на консолидацию указанных сообществ и прочее. В этой ситуации развитие межрегиональных и межмуниципальных связей следует рассматривать в том числе как важный канал (если не один из ключевых каналов) экспорта общенациональной стратегии и социокультурных подходов, что, в свою очередь, способствует формированию

соответствующих настроений у населения партнерских государств.

Формулировка проблемы. Учитывая обозначенные факторы, сформулируем основную проблему исследования.

В настоящее время в действующем правовом регулировании отсутствует системный подход к вопросам межрегионального и межмуниципального сотрудничества, осуществляемого публичными образованиями Российской Федерации (субъектами, муниципальными образованиями и их органами управления) в отношении зарубежных партнеров. Подобная ситуация приводит к отсутствию единообразной практики подобного сотрудничества и, соответственно, невозможности его эффективного контроля и прогнозирования со стороны федеральной власти. Это обстоятельство в совокупности с невозможностью финансирования принимаемых программ сотрудничества у низового звена государственного управления снижает потенциал самого сотрудничества, делает его невостребованным и неинтересным (прежде всего с точки зрения финансовых и организационных затрат) для самих субъектов, что, в свою очередь, исключает возможность достижения полезных политических и правовых эффектов.

Основные подходы в обеспечении межмуниципального сотрудничества

Комплексный характер обозначенной проблемы предполагает комплексный подход к ее решению. Прежде всего интенсификация межрегионального и межмуниципального сотрудничества с зарубежными партнерами на евразийском пространстве предполагает наличие устойчивой и непротиворечивой правовой основы, а также четких целеполагающих документов, определяющих общие вопросы подобного сотрудничества, его конкретные ожидаемые результаты и другие параметры. В данном случае можно говорить о необходимости нормативного обеспечения обозначенного сотрудничества.

Нормативные подходы. Анализ действующего законодательства показывает, что на сегодняшний день в отечественной правовой системе отсутствует единый акт, комплексно регулирующий вопросы межрегионального и межмуниципального сотрудничества. Очевидно, что в значительной степени данная проблема обусловлена федеративной природой Российского государства (ст. 1 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)), а также спецификой распределения компетенции между федерацией и субъектами (ст. 71–73 Конституции РФ), выявления вопросов местного значения и компетенции муниципалитетов. Так, на сегодняшний день

правовые основы для осуществления межрегионального и межмуниципального сотрудничества заложены одновременно несколькими нормативными актами, несмотря на схожесть регулируемых отношений и их целей. В частности, рамочным в данном отношении можно назвать Федеральный закон от 4 января 1999 г. № 4-ФЗ «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 4-ФЗ), в преамбуле которого устанавливаются общий порядок координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации, а также правовые гарантии обеспечения прав и законных интересов субъектов Российской Федерации при установлении и развитии международных и внешнеэкономических связей.

Кроме того, данный закон предусматривает, что субъекты Российской Федерации в пределах своих полномочий обладают правом на осуществление международных и внешнеэкономических связей с субъектами иностранных федеративных государств, административно-территориальными образованиями иностранных государств, а также на участие в деятельности международных организаций в рамках органов, созданных специально для этой цели (п. 1 ст. 1).

¹ Речь идет о деятельности международной ассоциации «Объединенные города и местные власти». В частности, в рамках данной международной структуры весьма успешно функционирует собственное евразийское отделение, возглавляемое представителем Российской Федерации. См.: Международная ассоциация «Объединенные города и местные власти» // ОГВМ «Евразия»: сайт. URL: <https://euroasia-ucg.ru/en/> (дата обращения: 15.08.2025).

При этом важно отметить несколько особенностей указанного закона. В частности, анализируемое нормативное регулирование фактически затрагивает лишь процедурный аспект заключения межрегиональных соглашений в различных сферах в части, касающейся взаимоотношений субъекта Российской Федерации и самой федерации. Примерная структура соглашения, его основные характеристики, целевые показатели планируемого сотрудничества не обозначены в действующем законодательстве. При первом приближении подобный подход законодателя следует рассматривать как проистекающий из конституционного принципа разграничения компетенции между федерацией и субъектами, предполагающего определенную степень автономии субъектов Российской Федерации в определении своего социально-экономического, гуманитарного и иных направлений развития. Между тем закрепленное в указанном законе положение о необходимости согласования проекта соглашения с профильными федеральными органами исполнительной власти, само по себе необходимое и обусловленное в том числе получившим в 2020 г. конституционное оформление принципом единства публичной власти, может рассматриваться исключительно как политическое полномочие соответствующего федерального органа исполнительной власти (ФОИВ). Данная позиция справедлива, поскольку анализируемый закон не устанавливает каких-либо формальных оснований (критериев, параметров оценки), предлагаемых для заключения соглашений. В такой ситуации уполномоченный Президентом Российской Федерации федеральный орган исполнительной власти фактически самостоятельно оценивает целесообразность и необходимость заключения данного соглашения для конкретного региона. Более того, нельзя рассматривать в качестве эффективной меры и предусмотренные законом согласительные процедуры (п. 3 ст. 4, ст. 12 Федерального закона № 4-ФЗ) как способ разрешения разногласий между уполномоченным федеральным органом исполнительной власти и органами государственной власти субъекта Российской Федерации, так как сами по себе согласительные процедуры не предусматривают обязательного разрешения сложившейся ситуации и осуществляются под руководством Президента Российской Федерации (ст. 80 Конституции РФ), который и уполномочивает одну из спорящих сторон (в данной ситуации ФОИВ) на осуществление конкретных действий.

В подобной ситуации аргумент о поддержании автономии субъекта Российской Федерации едва ли выдерживает какую-то конструктивную критику². Кроме того, необходимо подчеркнуть, что в ситуации использования шаблонных вариантов соглашений о сотрудничестве повышаются риски нарушения принципа правовой определенности и количество таких нарушений, при котором схожие по содержанию соглашения, оказавшиеся на согласовании в разных ФОИВ, могут получить разную резолюцию. Подобная ситуация может возникнуть и в случае полного тождества соглашений, предлагаемых к заключению разными субъектами федерации³.

Тем не менее очевидным представляется тот факт, что в контексте интенсивного развития геополитических процессов, включение каких-либо жестких условий согласования (несогласования) проектов соглашений о сотрудничестве в текст закона едва ли возможно. В этой ситуации наиболее удачным представляется вариант разработки стратегий, в соответствии с которыми могли бы действовать субъекты федерации, а ФОИВ, в свою очередь, могли бы осуществлять согласование предлагаемых проектов соглашений. Однако следует сказать, что при всем многообразии различных документов стратегического планирования какого-либо комплексного документа в сфере определения основных направлений и параметров межрегионального и межмуниципального сотрудничества до настоящего времени не принято.

Как уже было сказано, не столько отсутствие соответствующего регулирования, сколько его несистемный характер фактически снижает эффективность межрегионального и межмуниципального сотрудничества на евразийском (и не только) пространстве. Так, в дополнение к Федеральному закону № 4-ФЗ был принят специальный закон, определяющий основные принципы, задачи и направления приграничного сотрудничества, – Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» (далее – Федеральный закон № 179-ФЗ). Данный закон непосредственно устанавливает, что приграничное сотрудничество необходимо рассматривать именно как часть складывающихся отношений, в том числе на региональном и муниципальном уровнях. Так, в соответствии с п. 1 ст. 2 этого закона под приграничным сотрудничеством следует понимать часть международных отношений Российской Федерации, международных

²Стоит отметить, что судебная практика в целом также свидетельствует о достаточно жестком подходе к вопросу автономии субъектов Российской Федерации при определении направлений собственной внешнеэкономической и иной деятельности. См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2001 г. № 14-Г01-14 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ООО «ЮрСпектр». М., 2026.

³Отдельно стоит отметить, что на сегодняшний день Министерством экономического развития Российской Федерации разработан макет типового соглашения о сотрудничестве, а также рекомендации по его подготовке. Однако едва ли можно считать данную инициативу достаточной для реализации такого важного для государства проекта, как развитие социально-гуманитарных связей с государствами евразийского региона. Ознакомиться с названными документами можно на официальном сайте Министерства экономического развития Российской Федерации.

и внешнеэкономических связей приграничных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации с субъектами приграничного сотрудничества сопредельных государств.

В отличие от Федерального закона № 4-ФЗ, Федеральный закон № 179-ФЗ устанавливает особый режим именно приграничного сотрудничества, обусловленный спецификой режима Государственной границы Российской Федерации. Несомненно, в данной ситуации подобный подход диктуется особым территориальным расположением указанных субъектов сотрудничества, а значит, и необходимостью повышенного государственного контроля за их деятельностью в международном пространстве. В то же время очевидным является и тот факт, что по сравнению с Федеральным законом № 4-ФЗ Федеральный закон № 179-ФЗ в ст. 5 устанавливает более четкие параметры, касающиеся возможностей заключения соглашений о сотрудничестве, прежде всего в вопросах определения его сфер и основных задач.

Кроме того, эффективность и качество осуществления приграничного сотрудничества оцениваются специально созданным Управлением Президента Российской Федерации наряду с профильным федеральным органом исполнительной власти⁴. Таким образом, в настоящее время существует двойственное регулирование единого процесса межрегионального и межмуниципального сотрудничества, которое создает некоторую неопределенность, не позволяющую в полном объеме реализовать потенциал указанного института в Российской Федерации.

Отдельного внимания заслуживает регулирование муниципального уровня социогуманитарного сотрудничества, напрямую предусмотренного действующим Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ). В частности, данный закон гласит, что международные и внешнеэкономические связи осуществляются органами местного самоуправления в целях решения вопросов местного значения по согласованию с органами государственной власти субъекта Российской Федерации в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации (ч. 1 ст. 69.3). Также Федеральный закон № 131-ФЗ закрепляет, что в целях решения вопросов местного значения органы местного самоуправления заключают соглашения об осуществлении международных и внешнеэкономических связей с органами местного самоуправления иностранных

государств по согласованию с высшим исполнительным органом субъекта Российской Федерации, на территории которого расположено соответствующее муниципальное образование, в порядке, определяемом субъектом Российской Федерации (ч. 1 ст. 69.4).

В данном случае обозначенная выше проблема рамочного федерального регулирования зачастую усугубляется отсутствием профильного регулирования на уровне субъекта федерации, устанавливающего специфику и порядок заключения межмуниципальных соглашений. Примером такой ситуации может стать принятое главой Ханты-Мансийска постановление об утверждении Положения о заключении соглашений (договоров) о межмуниципальном сотрудничестве⁵. В частности, в преамбуле данного муниципального акта указано, что он утвержден в соответствии с ч. 4 ст. 8 Федерального закона № 131-ФЗ, а также ст. 70 Устава города Ханты-Мансийска.

В этой ситуации разработка единых критериев для заключаемых соглашений на уровне региона может быть перенесена на региональный уровень, что позволит субъектам принять соответствующее регулирование за основу при подготовке собственных профильных нормативных актов, регламентирующих вопросы формы и содержания соглашений о межмуниципальном сотрудничестве. Очевидно, что при ненадлежащем региональном регулировании и низкой активности региональных властей развитие межмуниципального сотрудничества в социогуманитарной сфере (даже при наличии высокого потенциала и оснований для такого сотрудничества) будет серьезно ограничено.

Наконец, завершающим элементом нормативной составляющей обеспечения межрегионального и межмуниципального сотрудничества в социогуманитарной сфере на евразийском пространстве является отсутствие единой государственной стратегии такого сотрудничества, о чем уже говорилось ранее. Так, в частности, анализ действующего регулирования показывает, что в настоящее время действует достаточно большое количество различных программных документов, в той или иной степени касающихся названной тематики. Однако несмотря на указанное многообразие, какой-либо программный документ, ориентированный непосредственно на социогуманитарное сотрудничество, а также определяющий конкретные задачи и направления для регионов и муниципальных образований, не принят. Важно подчеркнуть, что в контексте заявленной проблемы рассогласованности и несистемности правового регулирования особое внимание привлекает

⁴Об Управлении Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству (вместе с Положением об Управлении Президента Российской Федерации по приграничному сотрудничеству) : Указ Президента Рос. Федерации, 2 окт. 2018 г., № 559 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 41. Ст. 6223.

⁵О Положении о заключении соглашений (договоров) о межмуниципальном сотрудничестве : Постановление главы г. Ханты-Мансийска, 13 нояб. 2013 г., № 76 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ООО «ЮрСпектр». М., 2026.

наличие узконаправленных стратегических документов. Так, в частности, по состоянию на сегодняшний день принята и реализуется Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации⁶, в которой вопросам собственно социогуманитарного сотрудничества отведено незначительное место. Отдельного внимания заслуживает Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года⁷, так же как и Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации⁸, фокусирующая внимание прежде всего на торговых, экономических, инвестиционных и геостратегических вопросах развития территории (и сотрудничества).

Как отмечалось ранее, сотрудничество в социогуманитарной сфере имеет свою специфику и, в отличие от собственно экономических вариантов взаимодействия, является более ресурсоемким и менее прибыльным в краткосрочной и среднесрочной перспективах. В такой ситуации вполне очевидно, что субъекты Российской Федерации и тем более муниципальные образования, в большинстве не имеющие достаточных финансовых, административных и политических ресурсов, минимизируют собственное участие в подобных проектах. В отсутствие единой государственной стратегии в данном вопросе реальное развитие упомянутых форм взаимодействия, за исключением экономически привлекательных его составляющих, находится под вопросом.

Институциональные подходы. В отличие от нормативных подходов, имеющих по большей части универсальный характер и распространяющихся на все формы и сферы межрегионального и межмуниципального сотрудничества, особенности институциональных подходов в значительной степени обусловлены спецификой региона, в рамках которого планируется осуществление сотрудничества.

Так, специфика региона предопределяет наличие тех или иных точек соприкосновения в социогуманитарной сфере, что, в свою очередь, позволяет сформулировать конкретные направления и задачи сотрудничества, а значит, позволяет рассмотреть возможность учреждения специфических институтов, обеспечивающих его.

Несмотря на существующий в настоящее время механизм контроля за осуществляемым регионами международным сотрудничеством, представляет-

ся разумным произвести профилизацию данной деятельности, а также наладить более широкое вовлечение в ее осуществление представителей гражданского общества и экспертов по конкретному направлению взаимодействия. Анализ большинства договоров субъектов Российской Федерации и публично-правовых образований стран евразийского региона свидетельствует о том, что в настоящее время участники соглашений стараются избегать конкретных формулировок при определении направлений сотрудничества в социогуманитарной сфере. В частности, традиционным для подобных соглашений является оборот о всемерном содействии укреплению и развитию сложившихся культурных отношений, прямым научным, образовательным и других связей⁹.

В то же время оценка реализации подобных положений едва ли может быть качественно осуществлена силами Министерства экономического развития Российской Федерации. Представляется, что в данной ситуации необходимо привлечь специалистов в конкретных областях сотрудничества (образование, наука, культура), которые имеют необходимые знания и компетенции, позволяющие оценивать реализацию положений договора в данной сфере с учетом специфики региона. Такие специалисты могут сформировать своего рода междисциплинарный консультативный совет при соответствующем органе власти, заключившем договор или обеспечивающем его реализацию. Очевидно, что в подобной ситуации необходимо создание таких структур на федеральном уровне. В их задачи будут входить не только оценка эффективности реализации указанных региональных и муниципальных соглашений, подготовка экспертных позиций по повышению эффективности их реализации, но и оценка соответствия реализации данных соглашений базовым стратегическим документам в области подобного межрегионального и межмуниципального сотрудничества.

Данное предложение представляется крайне важным ввиду следующих соображений. Евразийский регион имеет специфику, которая определяет выбор необходимых инструментов, обеспечивающих наиболее эффективное сотрудничество в различных сферах. Прежде всего эта специфика обусловлена сохранением на постсоветском пространстве традиционной для СССР модели образования

⁶Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 7 окт. 2020 г., № 2577-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 42, ч. 3. Ст. 6650.

⁷Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 13 февр. 2019 г., № 207-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 7, ч. 2. Ст. 702.

⁸Об утверждении Концепции приграничного сотрудничества в Российской Федерации : распоряжение Правительства Рос. Федерации, 9 февр. 2001 г., № 196-р [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ООО «ЮрСпектр». М., 2026.

⁹См.: О сотрудничестве между Правительством Республики Хакасия Российской Федерации и Правительством Убсу-Нурского аймака Монголии : соглашение, 19 нояб. 2007 г., № 58-д [Электронный ресурс] // Там же. ; О торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве : соглашение между администрацией Челяб. обл. (Рос. Федерация) и акимом Костан. обл. (Респуб. Казахстан), 7 нояб. 2019 г. [Электронный ресурс] // Там же.

(несмотря на различные преобразования, проводимые отдельными государствами, в частности Республикой Казахстан). Очевидно, что стратегическое сотрудничество в данной сфере невозможно без привлечения ключевых специалистов, имеющих необходимую квалификацию в областях среднего, высшего и послевузовского образования. Кроме того, привлечение подобных экспертов в значительной степени может способствовать формированию единой гармоничной системы образования, имеющей обновленный формат, приемлемый для большинства стран евразийского региона¹⁰. Подобная ситуация наблюдается и в сфере культуры и искусства.

Важной составляющей межрегионального и межмуниципального сотрудничества на евразийском пространстве выступает институт городов-побратимов. В соответствии с Методическими рекомендациями по правовому регулированию и организации межмуниципального сотрудничества¹¹ взаимодействие между муниципалитетами-побратимами заключается в обмене делегациями, художественными и спортивными коллективами, литературой, кинофильмами и т. п. Побратимские отношения, как правило, устанавливаются между муниципалитетами разных стран и оформляются договором.

Фактически оформление указанных отношений представляет собой одну из разновидностей договора о межмуниципальном сотрудничестве, о котором отчасти речь шла ранее. Между тем само по себе установление побратимских отношений представляется более тесной формой межмуниципального взаимодействия. Оно может быть основано на множестве социокультурных факторов, представляющих общность для соответствующих муниципальных образований (проживание на их территориях общего этноса, единые культурные традиции, одинаковые религиозные верования, схожие формы

ведения быта, единство исторического пути и др.). Важно отметить, что, в отличие от традиционных межмуниципальных договоров¹², договоры о побратимских отношениях, как правило, имеют более детальную регламентацию, а также содержат более конкретные показатели сотрудничества в рамках установления указанных отношений¹³. Таким образом, побратимские договоры следует рассматривать как более эффективную модель осуществления межмуниципального сотрудничества. Кроме того, практика евразийского региона показывает, что в настоящее время все большую популярность приобретает институт множественных побратимских отношений, при которых сразу несколько муниципальных образований заключают договоры о побратимских отношениях¹⁴. Представляется, что подобную форму можно рассматривать как одну из приоритетных для стратегического развития межмуниципального сотрудничества, поскольку она в большей степени позволяет осуществить необходимую консолидацию политических и административных ресурсов городов-побратимов для реализации задач сотрудничества и достижения его целей. Несмотря на сложную геополитическую обстановку, институт городов-побратимов сохраняет свое значение в качестве одного из каналов коммуникации с государствами, политическое взаимодействие с которыми серьезно пострадало за последние годы¹⁵.

Еще одной из форм межрегионального сотрудничества ст. 10 Федерального закона № 4-ФЗ называет создание представительств субъектов Российской Федерации на территории иностранных государств (в том числе на территории конкретных административно-территориальных образований, с которыми осуществляется международное сотрудничество). Между тем в данной ситуации можно наблюдать следующую проблему. В соответствии с действующим регулированием для открытия представительств за

¹⁰Стоит отметить, что такая работа уже ведется по отдельным направлениям высшего образования, в том числе по линии ШОС и БРИКС.

¹¹О Методических рекомендациях по правовому регулированию и организации межмуниципального сотрудничества: Постановление Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств, 29 нояб. 2018 г., № 48-15 // Информац. бюллетень. Межпарламент. Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. 2019. № 70, ч. 2.

¹²По состоянию на 2020 г. в Реестре (Перечне) подписанных международных документов о межрегиональном и приграничном сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств числится более 1500 договоров различного уровня о соответствующем виде сотрудничества.

¹³См.: Об утверждении Положения о порядке участия Можайского городского округа Московской области в организациях межмуниципального сотрудничества: Решение Совета депутатов Можайск. гор. округа Моск. обл., 27 окт. 2020 г., № 707/44 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ООО «ЮрСпектр». М., 2026; О Положении о порядке участия муниципального образования «Городской округ Дзержинский» в организации межмуниципального сотрудничества: решение Совета депутатов муницип. образования «Городской округ Дзержинский» Моск. обл., 30 янв. 2019 г., № 11/1 [Электронный ресурс] // Там же.

¹⁴Интересным в данной ситуации представляется опыт Республики Беларусь. С 1995 г. в государстве функционирует белорусская общественная организация «Породненные города», объединяющая все белорусские города, заключившие побратимские соглашения. Данная организация является коллективным членом общественной организации «Породненные города» и членом Евразийского регионального отделения международной ассоциации «Объединенные города и местные власти».

¹⁵Особенно красноречиво о важности этого института свидетельствует План мероприятий общественной организации «Породненные города», в числе которых указаны различные межмуниципальные форумы с городами Германии, Болгарии, Финляндии и других государств.

рубежом субъекты Российской Федерации обязаны получить согласие Министерства иностранных дел Российской Федерации, на которое возложена функция по контролю за деятельностью представительств субъектов Российской Федерации за рубежом¹⁶. Кроме того, в соответствии с п. 6 названного указа чрезвычайным и полномочным послам Российской Федерации в иностранных государствах предписывается обеспечивать проведение единой внешнеполитической линии Российской Федерации в государствах пребывания и осуществлять в этих целях координацию деятельности находящихся в государствах пребывания иных представительств Российской Федерации, представительств федеральных органов исполнительной власти, российских государственных учреждений, организаций, корпораций и предприятий, их делегаций и групп специалистов, а также представительств субъектов Российской Федерации и контроль за их работой.

Несмотря на такой серьезный уровень контроля за деятельностью представительств субъектов Российской Федерации за рубежом, законодательство устанавливает, что порядок деятельности представительств и их полномочия определяются субъектами Российской Федерации самостоятельно на основании принимаемых нормативных правовых актов. В частности, в Москве утверждены положения о создании и функционировании представительств Москвы в иностранных государствах, а также о самих представительствах¹⁷. В то же время опыт Республики Татарстан показывает, что отдельные представительства субъекта Российской Федерации в иностранных государствах создаются самостоятельными указами главы субъекта и в целом не подчиняются каким-то единым типовым требованиям¹⁸.

Наконец, завершающей формой институционального развития межрегионального и межмуниципального сотрудничества является создание союзов и ассоциаций регионов и муниципальных образований Российской Федерации для установле-

ния комплексного межрегионального и межмуниципального сотрудничества. Стоит отметить, что подобное предложение не является революционным, в значительной степени оно реализуется в настоящее время. Представляется, что формирование подобных ассоциаций и союзов должно происходить в том числе по предметно-тематическим областям, отражающим специфику социогуманитарного сотрудничества с отдельными регионами. Так, например, могут быть созданы различные ассоциации регионов и муниципальных образований в целях распространения определенной культуры, языка, религии. Очевидно, что подобные консолидации регионов и муниципалитетов в большей степени позволят реализовывать задачи межрегионального и межмуниципального сотрудничества, а также достигать более конкретных результатов такого сотрудничества.

Организационные подходы. Говоря об организационных подходах к совершенствованию межрегионального и межмуниципального сотрудничества в рамках евразийского региона, необходимо, прежде всего, обратиться к проблеме информационной доступности. В настоящее время в соответствии с действующим законодательством¹⁹ Министерством юстиции Российской Федерации осуществляется ведение государственного реестра соглашений, заключенных органами государственной власти субъектов Российской Федерации²⁰. Анализ упомянутого реестра показывает, что в настоящее время нет какой-либо предметно-тематической рубрикации указанных соглашений. Кроме того, в данный реестр не попадают соглашения о межмуниципальном сотрудничестве, которые в соответствии с действующим законодательством подлежат учету регистрации на уровне соответствующего субъекта Российской Федерации. Проблема множественности реестров (реестр СНГ²¹, реестр Министерства юстиции Российской Федерации²², реестры субъектов Российской Федерации и др.), их недостаточной дифференциации по содержанию соглашений в значительной степени

¹⁶О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации, 8 нояб. 2011 г., № 1478 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 46. Ст. 6477.

¹⁷Об утверждении Положения о создании и функционировании представительства Правительства Москвы на территории иностранного государства и Типового положения о Представительстве Правительства Москвы : постановление Правительства Москвы, 14 янв. 2003 г., № 4-ПП // Электронная Москва : сайт. URL: mosopen.ru/document/4_pp_2003-01-14 (дата обращения: 15.08.2025).

¹⁸См.: Информация о функционирующих постоянных представительствах Республики Татарстан // Правительство Республики Татарстан : сайт. URL: prav.tatarstan.ru/representative_offices.htm (дата обращения: 15.08.2025).

¹⁹См.: Об утверждении Правил государственной регистрации соглашений об осуществлении международных и внешнеэкономических связей, заключенных органами государственной власти субъектов Российской Федерации : Постановление Правительства Рос. Федерации, 24 июля 2000 г., № 552 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 31. Ст. 3293.

²⁰Список действующих соглашений, заключенных субъектами Российской Федерации официально опубликован на портале Министерства юстиции Российской Федерации.

²¹Реестр (Перечень) подписанных международных документов о межрегиональном и приграничном сотрудничестве государств – участников СНГ // Интернет-портал СНГ. URL: <http://www.old.e-cis.info/page.php?id=19901> (дата обращения: 15.08.2025).

²²Перечень соглашений и договоренностей о сотрудничестве Министерства юстиции Российской Федерации с зарубежными партнерами // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-soglashenij/#section-1209 (дата обращения: 15.08.2025).

усложняет процесс получения информации об актуальном состоянии межрегионального и межмуниципального сотрудничества. Кроме того, подобная практика не позволяет вычленивать соглашения о сотрудничестве в социогуманитарной сфере из числа иных соглашений, в том числе предполагающих традиционные формы сотрудничества. В данной ситуации представляется необходимой разработка единой информационной платформы, содержащей комплексную информацию обо всех соглашениях о межрегиональном и межмуниципальном сотрудничестве.

Следующим важным организационным направлением развития межрегионального и межмуниципального сотрудничества является проведение масштабных представительных мероприятий, организуемых в соответствии с определенным направлением сотрудничества в социогуманитарной сфере на базе крупных региональных центров, «специализирующихся» в данной тематике. Так, в частности, успешным примером подобного рода мероприятий стал I международный буддийский форум «Традиционный буддизм и вызовы современности» (17–19 августа 2023 г., г. Улан-Удэ). Специфика подобных мероприятий позволяет наиболее эффективно использовать региональный и муниципальный потенциал в конкретной сфере, а также способствует развитию горизонтальных межрегиональных и межмуниципальных связей в данной области.

Еще одним примером успешной консолидации региональных ресурсов для развития межрегионального сотрудничества стало проведение VIII конгресса местных властей Евразии (24–26 июня 2021 г., г. Якутск). Заседания конгресса были объединены темой «Здоровый диалог ради устойчивого развития». В ходе конгресса собрались более 250 участников из 16 стран мира. Ключевым заседанием стала Генеральная Ассамблея Евразийского регионального отделения международной ассоциации «Объединенные города и местные власти». В ходе конгрес-

са прошли тематические круглые столы по темам «Стратегические направления укрепления общественного здоровья и развития системы здравоохранения», «Таяние ледников и вечной мерзлоты: климатическая угроза Евразии и миру», «Управление отходами: опыт и перспективы», а также семинары по темам «Городская жизнестойкость» и «Локализация целей устойчивого развития».

Представляется, что подобные мероприятия должны быть интегрированы в единую государственную стратегию социогуманитарного межрегионального и межмуниципального сотрудничества.

Наконец, к числу организационных подходов к развитию межрегионального и межмуниципального сотрудничества следует отнести и эффективный контроль за реализацией существующих соглашений о сотрудничестве и иных программных документов. Представляется, что на сегодняшний день данный механизм в его комплексном выражении не существует. Прежде всего это обстоятельство обусловлено отсутствием конкретных индикаторов реализации сотрудничества в самих программных документах, а также конкретных соглашениях о сотрудничестве²³. Разумной в данной ситуации является разработка программы сотрудничества, являющейся неотъемлемой частью соглашения о сотрудничестве, утверждаемой в установленном порядке на календарный год, а также плановый период (до 5 лет). Кроме того, при разработке данной программы следует руководствоваться подходами, применяемыми при разработке Федеральной целевой программы: необходимо сформировать конкретный перечень индикаторов достижения целей программы сотрудничества, в соответствии с которыми тот или иной пункт программы сможет рассматриваться как реализованный. Наконец, формирование указанной программы также должно происходить на основе целевых показателей, определенных единой государственной стратегией развития межрегионального и межмуниципального сотрудничества в Российской Федерации.

Библиографические ссылки

1. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. Москва: АСТ; 2003. 603 с.
2. Дандарова ТК, Шаралдаева ИА. Правовое обеспечение приграничного сотрудничества регионов России и Монголии на примере Республики Бурятия. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2022;4:56–60.
3. Шлямина АА. Приграничное сотрудничество России и Финляндии в области лесопользования и охраны лесов: правовая характеристика. *Экологическое право*. 2020;2:32–35.
4. Гусевская НЮ, Ланцова МД. Развитие приграничного сотрудничества Российской Федерации и КНР в 2017–2018 гг.: основные достижения, проблемы и перспективы развития (на примере Забайкальского края). *Государственная власть и местное самоуправление*. 2018;5:23–28. DOI: 10.18572/1813-1247-2018-5-23-28.
5. Бердяев НА. *Русская идея. Истоки и смысл русского коммунизма*. Москва: АСТ; 2020. 512 с.
6. Данилевский НЯ. *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германороманскому*. Москва: РОССПЭН; 2010. 664 с.
7. Киссинджер Г. *Мировой порядок*. Москва: АСТ; 2022. 512 с.
8. Бжезинский З. *Великая шахматная доска*. Москва: АСТ; 2021. 256 с.

Статья поступила в редколлегию 03.02.2026.
Received by editorial board 03.02.2026.

²³Данную мысль подтверждают последние соглашения, заключенные субъектами Российской Федерации с иностранными публично-правовыми образованиями за 2023 г. См.: Нормативные правовые акты Российской Федерации // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: <https://pravo-search.minjust.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 15.08.2025).

КОНСТИТУЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ

О. У. ШАРО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Наибольшей ценностью для конституционного строя Республики Беларусь являются права и свободы человека. Существует точка зрения, в соответствии с которой жизнь порождает право, однако саму реальность невозможно вписать в конкретную правовую норму ввиду ее разнообразия и полноты. Когда в обществе происходят процессы, требующие последующего упорядочения, возникает правовое регулирование. В целом такая ситуация может возникнуть, но в контексте конституционной культуры порядок должен быть обратным, поскольку человеческое поведение обязано подчиняться конституционному требованию, т. е. реальность призвана копировать конституционное право, создавать через него привычную среду социального устройства. Рассматривается феномен конституционной культуры в белорусском обществе с конца XX в. до настоящего времени. На основе комплексного анализа изучаются подходы к пониманию указанного явления, правовые позиции ученых-конституционалистов, обстоятельства реальной действительности, влияющие на становление и укоренение конституционной культуры. Делается вывод о том, что конституционная культура призвана стать частью общенационального культурного кода.

Ключевые слова: конституционная культура; правовое государство; конституция; правовая традиция; законность.

CONSTITUTIONAL CULTURE IN THE BELARUSIAN SOCIETY

O. U. SHARO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. Human rights and freedoms are the most valuable priorities for the constitutional order of the Republic of Belarus. There is a point of view that life generates law, but reality itself cannot be integrated into a specific legal norm due to its diversity and completeness. When processes occur in society that require subsequent ordering, legal regulation arises. In general, this situation can appear, but speaking of constitutional culture, the process is designed to be the opposite. Human behaviour must obey the constitutional requirement, in this sense, reality is designed to copy constitutional law, to create through it a familiar environment of social structure. The article examines the phenomenon of constitutional culture in the Belarusian society in the historical period since the end of the 20th century up to modern times. It studies on the basis of a comprehensive analysis approaches to understanding of this phenomenon, the legal positions of constitutional scholars, the circumstances of reality influencing the formation and rooting of constitutional culture. It is concluded that constitutional culture is intended to become part of the national cultural code.

Keywords: constitutional culture; rule of law; constitution; legal tradition; legality.

Образец цитирования:

Шаро ОУ. Конституционная культура в белорусском обществе. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2026;1:39–44.
EDN: QBPHGF

For citation:

Sharo OU. Constitutional culture in the Belarusian society. Journal of the Belarusian State University. Law. 2026;1:39–44. Russian.
EDN: QBPHGF

Автор:

Отто Усубович Шаро – преподаватель кафедры конституционного права юридического факультета.

Author:

Otto U. Sharo, lecturer at the department of constitutional law, faculty of law.
ya.otto-sharo@yandex.by

Принятие Конституции Республики Беларусь ознаменовало собой учреждение в независимой Беларуси правового государства. Его построение в каждой стране в той или иной мере сопряжено с препятствиями в реализации основополагающих принципов такого типа государств. В Республике Беларусь принципы правового государства реализуются с опорой на общечеловеческие ценности, гуманизм, патриотизм и гражданственность, присущие белорусскому народу и отраженные в Основном Законе государства. Необходимыми условиями формирования правового государства являются становление и развитие конституционной культуры. Ценностно-юридический феномен конституционной культуры в современных условиях становится важнейшим фактором в процессе построения правового государства.

Известно, что после начала работы Конституционной комиссии Верховного Совета Республики Беларусь 12-го созыва 20 июля 1990 г. в ее адрес поступило множество предложений по внесению изменений и дополнений в разрабатываемый конституционный текст. Инициаторами таких предложений были органы публичной власти, общественные организации, граждане. Среди прочего был предложен авторский проект Основного Закона¹. А. В. Курьянович отмечает, что в фондах Национального архива Республики Беларусь имеется около десятка конституционных проектов с многочисленными изменениями и правками [1, с. 58]. Указанное неопровержимо свидетельствует о том, что, во-первых, правовая мысль в Беларуси имеют достаточно широкие горизонты распространения, устойчивость и давние традиции, обеспечивающие обстоятельное участие всех заинтересованных лиц в конституционном развитии республики, и, во-вторых, побуждение граждан активно вовлекаться в конституционный процесс представляет собой отчетливый критерий зарождающейся конституционной культуры. Без народной инициативы конституционная культура не может сформироваться. Рассуждая о фундаментальных основах белорусской государственности, ядром которых традиционно выступает Конституция, нельзя отрицать народный характер конституционной культуры.

Проводя историческую ретроспективу конституционного развития в нашей стране, необходимо ссылаться на свидетельства непосредственных участников тех событий. Г. А. Василевич упоминает, что исходя из содержания изменений и дополнений Конституции БССР 1978 г., принятых в октябре 1989 г., впервые в правовой истории предусматривалось учреждение самостоятельного органа конституционной юрисдикции – Комитета конституционного надзора БССР. Однако он так и не был учрежден.

Сформированный в апреле 1994 г. Конституционный Суд Республики Беларусь, по выражению Г. А. Василевича, «родился в законном браке, но наследства не получил» [2, с. 3]. Под наследством здесь следует понимать конституционную традицию, которая могла бы стать связующим звеном между настоящим положением дел и имеющимся опытом. В обществе, где отсутствует конституционная традиция, конституционная культура развивается очень трудно. А. М. Абрамович пишет: «Конституция Республики Беларусь, принятая 15 марта 1994 года, закрепила изменения в экономической, политической и иных сферах общественной жизни: формирование многоукладной экономики, обеспечение равенства всех форм собственности, постепенное утверждение политического плюрализма и, что самое главное, закрепление широкого спектра прав и свобод граждан» [3, с. 83]. Иными словами, конституционная традиция в белорусском обществе начала формироваться, пусть и не с момента провозглашения независимости.

Как констатирует Г. Н. Андреева, отдельные составляющие конституционной культуры, прежде всего конституционные традиции, вызывают у ученых-правоведов больший интерес, чем сама конституционная культура [4, с. 12].

Соглашаясь с научной позицией о конституционной (правовой) традиции как механизме функционирования конституционной культуры [5, с. 22], отметим, что учредительный характер Основного Закона, его непоколебимый авторитет и приоритет по отношению к иным источникам права в совокупности позволяют вести речь не о правовой, а о конституционной культуре. Феномен конституционной культуры основан на правовой жизни общества и государства, сложившейся с момента провозглашения Беларуси конституционным государством и актуальной по сей день с учетом более чем 30-летней правовой практики Конституционного Суда Республики Беларусь.

В науке конституционного права высказаны различные точки зрения относительно понятия «конституционная культура». Э. Э. Баринов считает, что конституционная культура, выступая «концентрированной характеристикой конституционно-правовой жизни», является выражением своеобразия и конституционно-правовой уникальности отдельно взятого социума, веками накапливающего знания в сфере права, политики и конституционного развития [6, с. 2]. Аналогичную точку зрения высказывает З. Н. Каландаришвили, который, в свою очередь, замечает, что под конституционной культурой следует понимать сложившуюся в результате социально-правового развития общества в культурном контексте когнитивно-аксиологическую систему,

¹Член Конституционной комиссии Григорий Василевич – о том, как шла работа над Конституцией 1994 года и почему нынешний Основной Закон он считает добротным, но нуждающимся в корректировке // SB.by. URL: <https://www.sb.by/articles/konstitutsiya-ot-proshlogo-k-budushchemu.html> (дата обращения: 17.06.2026).

выражающую качественное состояние правовой реальности общества и отражающую меры реализации конституционных идей, лежащих в основе правового поведения людей [7, с. 19].

Акцент на правовом поведении людей дополнительно объясняется тем, что конституционализация взаимоотношений между людьми – сложный процесс, в котором соблюдение неприкосновенности личности, ее прав и свобод происходит в условиях противодействия собственническим инстинктам, нежеланию подчиняться с правилами конституционной законности, что никак не способствует развитию конституционной культуры в обществе, а, наоборот, низводит культуру соблюдения конституционно-правовых норм до уровня конституционной контркультуры, способной разрушить все, на чем зиждется государственность и конституционный правопорядок. Подмена нравственно-гуманистического существа Конституции примитивным либертинажем еще никогда не приводила к социальному прогрессу.

Нормы Конституции призваны стать эталоном совместного сосуществования граждан. Непосредственно в поведении людей зарождается конституционная культура, реализующаяся с помощью механизма функционирования конституционной традиции, на укоренение которой нужно продолжительное время.

Однако имеются и иные точки зрения. Их суть заключается в том, что конституционная культура – часть общей культуры. В. А. Кряжков высказывает мнение, что конституционная культура является разновидностью общей, в частности правовой, культуры. Она представляет собой обусловленное социально-экономическим, духовным и политическим строем качественное состояние конституционно-правовой жизни общества, отражающее меру освоения и использования конституционных ценностей. Зрелость конституционной культуры проявляется и на личностном уровне. Социологические исследования свидетельствуют о некоторых тенденциях ее повышения, хотя в целом она остается невысокой [8]. И. А. Умнова определяет стремление интегрировать универсальные доктрины ООН, направленные на защиту человечества, в национальные конституционные культуры как характерную черту современного развития государств [9, с. 130].

Отдаляясь от полярности научных формулировок, выразим точку зрения о том, что конституционная культура в каждом конкретном обществе формируется и реализуется по-разному в зависимости от менталитета и национального характера. Приведенный выше краткий исторический анализ конституционного развития Беларуси позволяет сделать вывод о том, что, если конституционная тради-

ция в нашем обществе все же существует, имеет место и конституционная культура.

Выделим четыре периода в формировании и становлении конституционной культуры в Республике Беларусь на рубеже веков.

На первом этапе (1989–1994 гг.) конституционная культура начала формироваться. В октябре 1989 г. в Конституцию БССР 1978 г. были внесены изменения и дополнения, касающиеся учреждения в стране Комитета конституционного надзора БССР. С. А. Авакьян описывает правовую ситуацию, сложившуюся в Советском Союзе после начала деятельности Комитета конституционного надзора СССР как «победу тех, кто выступал за введение института конституционного контроля» [10, с. 750]. Однако подобные комитеты были созданы далеко не во всех союзных республиках. К. В. Арановский в 1990 г. отмечал, что функционирование Комитета конституционного надзора СССР во многом решает проблему обеспечения конституционности актов, издаваемых высшими органами государственной власти, центральными органами управления². В. Г. Стрекозов называл упомянутый орган «скорее парламентским, нежели судебным» [11, с. 232]. Предположения, основанные на утверждении о том, что в случае учреждения Комитета конституционного надзора БССР развитие конституционной культуры в нашей стране пошло бы иным путем, состоятельны лишь в той мере, в которой развитие конституционной культуры ставится в прямую зависимость от деятельности органа конституционного надзора.

Не представляется возможным точно ответить на вопрос о правильности решения создать Комитет конституционного надзора при формировании конституционной культуры. Возможно, учреждение данного органа приобрело бы признаки юрисдикционного паллиатива. Не стоит забывать, что в правовой истории Беларуси существовали (до Конституции Республики Беларусь от 15 марта 1994 г.) четыре конституции. Каждая из них оставила свой след в правовой истории. Но в условиях советской действительности конституционная культура объективно не могла сформироваться.

Активность граждан по внесению инициативных обращений, работа ученых-правоведов, народных депутатов и других задействованных в работе Конституционной комиссии Верховного Суда Республики Беларусь 1990 г. лиц были результатом поиска конституционной культуры. Инициативность граждан, их побуждение к разработке Основного Закона страны стали фундаментом этого поиска. Уже в апреле 1994 г., после утверждения первого состава Конституционного Суда Республики Беларусь, началось формирование конституционной культуры. Общество, отступив от советской традиции,

²Арановский К. В. Обеспечение конституционности нормативных актов исполкомов местных советов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1990. 17 с.

стало воспринимать Конституцию как синоним правопорядка, последнюю инстанцию на пути к достижению законности, эталон для действий государственных органов, должностных лиц, граждан. Сегодня студенты юридических специальностей, начинающие становление в юридической профессии, считают конституционное право главной учебной дисциплиной.

Кафедра государственного права и советского строительства Белорусского государственного университета – один из ключевых центров страны в области юридической науки и образования – в 1991 г. была переименована в кафедру конституционного права.

Образование в современном обществе играет важную роль. Юрист – это человек, имеющий особое мышление, определяющий логические связи и взаимосвязи, способный делать определенные выводы. От преподавателей юридических дисциплин высших или средне-специальных учебных заведений во многом зависит формирование конституционной культуры. Молодые юристы, получив долгожданный диплом и заняв заветную должность, при принятии значимых профессиональных решений будут исходить именно из постулатов и догм, которые были усвоены ими в ходе образовательного процесса. Важнейшим элементом конституционной культуры выступает осознание себя как гражданина, имеющего определенные права и обязанности.

Второй этап формирования конституционной культуры (1994–1996 гг.) характеризуется угрозой возникновения кризиса. Конституционным Судом Республики Беларусь в этот период был принят ряд важных решений, касающихся правового статуса личности в Республике Беларусь. Можно вспомнить Заключение Конституционного Суда от 19 декабря 1994 г. № 3-10/94 «О соответствии Конституции примечания к статье 177 Уголовного кодекса Республики Беларусь».

Как указывает П. П. Миклашевич, становление Конституционного Суда Республики Беларусь совпало с периодом жесткого противостояния Парламента и Президента Республики Беларусь в условиях формирования государственных институтов на новой конституционной основе. Этим обстоятельством объясняется тот факт, что значительная часть заключений Конституционного Суда Республики Беларусь были связаны с поиском баланса полномочий государственных органов, прежде всего Президента Республики Беларусь и Верховного Совета Республики Беларусь [12, с. 183].

В определенный момент противостояния его стороны поставили под угрозу существование отечественного конституционализма. Этот политико-правовой задор мог спровоцировать затяжной кризис конституционной культуры. Однако благо-

даря приверженности принципу верховенства права, а также тому факту, что народ Республики Беларусь в подавляющем большинстве поддержал инициативы по изменению и дополнению Основного Закона, предложенные Президентом Республики Беларусь, в ходе второго республиканского референдума кризиса конституционной культуры удалось избежать в кратчайшие сроки.

Как отмечает Г. А. Василевич, за рубежом было много схожих ситуаций и там не поощряемые обществом факты давно и регулярно освещались в СМИ, существовала конкуренция между политическими силами, и таким образом у общественности выработался своего рода иммунитет. В СССР в период перестройки и гласности произошло массовое информирование людей только о негативных сторонах функционирования институтов власти. Одиночные голоса о необходимости трезво оценивать положительные и отрицательные аспекты в нашем развитии не были услышаны [13, с. 30].

Практика проведения республиканских референдумов внесла вклад в формирование белорусской конституционной культуры. Метафорически выразить этот вклад можно финальной репликой главного персонажа романа А. Кристи «Десять негрятят» судьи Лоуренса Джона Уоргрейва: «Никогда еще правосудие не поднималось на такую сияющую высоту, как поднялось оно здесь. Без шутовских колпаков и мантий, без продажных лгунов-адвокатов. Один на один – судья и преступник, один на один – преступник и палач! Казнь – вот альфа и омега истины!»³. Этико-ценностная значимость социальной справедливости, выраженная волей народа о сохранении смертной казни, продемонстрировала вектор молодой белорусской конституционной культуры, которая, периодически оборачиваясь на свое прошлое, устремляется в будущее.

На всех последующих этапах конституционная культура в Республике Беларусь развивалась в условиях национального единства и стабильности, сложившихся за короткий срок благодаря политико-правовому иммунитету, приобретенному обществом в ходе вышеупомянутого социального кризиса 1990-х гг.

На третьем этапе (1997–2022 гг.) произошло становление конституционной культуры. Этот период во многом характеризуется укоренением в восприятии граждан авторитетности принципов верховенства права, конституционной законности и стабилизацией общественно-политического и правового устройства страны.

Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 14 марта 2023 г. № Р-1304/2023 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь» гласит: «Важная роль в утверждении современного белорусского конституционализма

³Кристи А. Десять негрятят // Флибуста : сайт. URL: <https://www.flibusta.su/book/701/desyat-negrityat> (дата обращения: 17.06.2025).

принадлежит Конституционному Суду Республики Беларусь, который путем осуществления конституционного контроля в государстве в целях защиты конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства Конституции и ее прямого действия гарантирует конституционную безопасность, способствует осуществлению конституционализации права, правоприменения и правосознания».

В диссертационном исследовании, посвященном оптимизации конституционного контроля в Республике Беларусь, А. М. Сеницына пишет: «Учреждение Конституционного Суда как специализированного органа конституционного контроля стало предпосылкой для начала нового этапа, связанного с развитием судебного конституционного контроля, обособления в науке конституционного права соответствующего института, выделения самостоятельной правовой категории «конституционная законность» [14, с. 35].

Конституционным Судом Республики Беларусь в 2008–2022 гг. осуществлялся предварительный контроль конституционности законов, принятых Парламентом, до подписания их Президентом Республики Беларусь. За указанный период на предмет соответствия Конституции были проверены более 1000 законов.

На четвертом этапе (2022 г. – настоящее время) конституционная культура выступает определя-

ющим фактором современной белорусской государственности. На современном этапе она развивается с надеждой на социальный прогресс и гражданское благодействие. Предшествующий правовой опыт способствует такому развитию.

Введение института индивидуальной конституционной жалобы является верным шагом в сторону реализации конституционного утверждения о правовом государстве. В 2014 г. на встрече Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко с судьями Конституционного Суда Республики Беларусь представители законодательной власти говорили о несвоевременности введения института конституционной жалобы. Мотивировалось это утверждение тем, что Конституционный Суд Республики Беларусь будет перегружен обращениями от граждан. Не менее уникальным по своей беспрецедентности был довод о том, что в Конституции Республики Беларусь содержится немного статей прямого действия, а рассмотрение индивидуальных конституционных жалоб низводит Конституционный Суд Республики Беларусь до уровня судов общей юрисдикции⁴. Но все-таки персональные мнения остаются таковыми, а результаты последнего по времени народного волеизъявления говорят сами за себя. По итогам республиканского референдума 2022 г. в Республике Беларусь состоялась конституционная реформа, обеспечивающая поэтапный процесс укоренения развития конституционной культуры.

Заключение

Высказанные в настоящем исследовании мысли в контексте приведенных доводов не претендуют на статус истины в последней инстанции и являются непростыми для восприятия, чтобы безоговорочно с ними согласиться. Правовая мысль о конституционной культуре – новое слово в белорусской юридической науке, поэтому рассуждения на данную тему представляют собой своего рода вклад автора в развитие общества и государства в соответствии с ч. 3 ст. 21 Конституции Республики Беларусь.

Правовой диалог, развитие правовой мысли и укрепление национальной государственности должны происходить в условиях существования культурных конституционных начал и взаимоувязания. Конституционную культуру необходимо реализовывать с отчетливым осознанием того, что, помимо социальной ответственности, обществу нужно прийти еще и к социальной солидарности. Тогда она по-настоящему утвердится в социуме и постепенно станет неотделимой частью белорусского общенационального культурного кода.

Библиографические ссылки

1. Курьянович АВ. Проекты Конституций Республики Беларусь в 1991–1993 гг.: краткий анализ. В: Василевич ГА, редактор. *Конституция – Основной Закон белорусского государства и общества (к 20-летию принятия). Материалы Международной научно-практической конференции; 11–12 марта 2014 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Право и экономика; 2014. с. 58–60.
2. Василевич ГА. Развитие конституционного контроля – объективная закономерность становления правового государства. *Юстыцыя Беларусі*. 2002;1:3–5.
3. Абрамовіч АМ. Канстытуцыйная рэформа: праблемы і перспектывы. *Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 1996;3:81–84.
4. Андреева ГН. Значение теории конституционной культуры для России: приглашение к обсуждению. В: Алфеева ЕВ, Андреева ГН, редакторы. *Конституционная культура: универсальные ценности и национальные особенности*. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 2011. с. 11–23.

⁴Александр Лукашенко встретился с судьями Конституционного суда и вручил им госнаграды // ОНТ : сайт. URL: <https://ont.by/news/00115085> (дата обращения: 17.06.2025).

5. Сальников МВ. *Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции: историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ* [диссертация]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации; 2005. 283 с.
6. Баринев ЭЭ. Конституционная культура как объект научного анализа. *Конституционное и муниципальное право*. 2024;6:2–7.
7. Каландаришвили ЗН. *Конституционная культура: генезис и эволюция*. Ливеровский АА, редактор. Санкт-Петербург: Алетей; 2025. 170 с.
8. Кряжков ВА. Конституционная культура в зеркале правосудия Конституционного Суда Российской Федерации. *Журнал конституционного правосудия*. 2008;3:3–8.
9. Умнова ИА. Доктрина «Культура мира» и принципы мира в международном и конституционном праве. В: Алфеева ЕВ, Андреева ГН, редакторы. *Конституционная культура: универсальные ценности и национальные особенности*. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН; 2011. с. 129–145.
10. Авакьян СА. *Конституционное право России. Том 2*. Москва: Норма; 2023. 935 с.
11. Стрекозов ВГ. *Конституционное право России*. Москва: Спарк; 2002. 259 с.
12. Миклашевич ПП. Развитие конституционного контроля в Беларуси: особенности доктрины и практики. *Вестник Конституционного Суда Республики Беларусь*. 2011;4:181–188.
13. Василевич ГА. Истоки белорусского конституционализма. У: Голубева ЛЛ, редактор. *Гісторыка-тэарэтычнае асэнсаванне дасягненняў прававой навукі: пераемнасць, стан і перспектывы. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 80-годдзю з дня нараджэння доктара юрыдычных навук прафесара Таісіі Іванаўны Доўнар; 17–18 кастрычніка 2024 г.; Мінск, Беларусь*. Мінск: БДУ; 2024. с. 29–34.
14. Синицына АМ. *Теоретико-прикладные проблемы оптимизации судебного конституционного контроля в Республике Беларусь* [диссертация]. Минск: БГУ; 2020. 284 с.

Статья поступила в редколлегию 08.01.2026.
Received by editorial board 08.01.2026.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И НАЛОГОВОЕ ПРАВО

FINANCE LAW AND TAX LAW

УДК 34.09

ПРИМЕНЕНИЕ ПРУДЕНЦИАЛЬНОГО ПОДХОДА В ПАРАДИГМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. В. ДЕНИСЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Раскрывается сущность пруденциального регулирования, выделяются его основные отличительные черты, определяются особенности применения данного подхода в рамках рассматриваемой сферы национальной безопасности. Детализируется содержание обеспечения национальной экономической безопасности. Проводится сравнительный анализ пруденциального права и права национальной экономической безопасности по основной цели, предмету регулирования, ключевым инструментам и целевому объекту защиты, дифференцируются различия между ними (эпистемологические, методологические, функциональные и др.). Делается вывод о том, что пруденциальный подход обеспечивает тактическую финансовую стабильность, но не решает стратегические задачи экономической безопасности, требующие комплексных политических, экономических, технологических, социальных, правовых и иных мер, поскольку ограничения его применения связаны с неспособностью адекватно реагировать на современные нефинансовые угрозы. Проведенное исследование имеет научную и практическую ценность для развития права национальной экономической безопасности, отграничения его от пруденциального права в целях преодоления методологического редукционизма.

Ключевые слова: пруденциальное регулирование; право национальной экономической безопасности; парадигмальный разрыв; методологический редукционизм.

Образец цитирования:

Денисевич АВ. Применение пруденциального подхода в парадигме национальной экономической безопасности. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2026;1:45–52.
EDN: PJPNUТ

For citation:

Denisevich AV. Applying a prudential approach in the paradigm of national economic security. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2026;1:45–52. Russian.
EDN: PJPNUТ

Автор:

Александр Викторович Денисевич – доктор юридических наук, доцент; профессор кафедры конституционного права юридического факультета.

Author:

Alexander V. Denisevich, doctor of science (law), docent; professor at the department of constitutional law, faculty of law.
denisevich1975@gmail.com

APPLYING A PRUDENTIAL APPROACH IN THE PARADIGM OF NATIONAL ECONOMIC SECURITY

A. V. DENISEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The article reveals the essence of prudential regulation, highlights its main distinctive features, and determines the specifics of applying this approach within the framework of the national security sphere under consideration. The article details the content of ensuring national economic security. It provides a comparative analysis of prudential law and the law of national economic security based on the main goal, subject of regulation, key instruments, and target object of protection, and differentiates the differences between them (epistemological, methodological, functional, and others). It is concluded that the prudential approach provides tactical financial stability, but does not solve the strategic problems of economic security, which require complex political, economic, technological, social, legal, and other measures, because the limitations of its application are associated with the inability to adequately respond to modern non-financial threats. The conducted research has scientific and practical value for the development of the law of national economic security, delineating it from the prudential law in order to eliminate methodological reductionism.

Keywords: prudential regulation; national economic security law; paradigm gap; methodological reductionism.

Введение

Исходя из положений Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, экономическая безопасность определяется как состояние защищенности отраслей и сфер экономики от воздействия угроз, препятствующих устойчивому социально-экономическому развитию. Ее содержание с позиции предметного подхода составляют охрана и защита отношений, урегулированных требованиями безопасности, а с позиции инструментального подхода – предупреждение, выявление и нейтрализация угроз национальным экономическим интересам, а также факторов (условий), способствующих возникновению и (или) развитию данных угроз посредством использования правовых инструментов [1, с. 7–29]. Одним из видов экономической безопасности является финансовая безопасность, элементом которой выступает регулирование финансового (банковского) рынка, разделяемое на пруденциальное и непруденциальное¹.

В частности, пруденциальное регулирование является видом банковского регулирования и одной из основных категорий международного банковско-

го права (специфический банковский термин *prudent* переводится с английского как «благоразумный» или «осмотрительный»)² [2, с. 165–212]. Пруденциальное регулирование направлено на обеспечение устойчивого функционирования банковской системы, а также защиту интересов вкладчиков посредством государственной регистрации банков и лицензирования банковской деятельности, установления экономических нормативов функционирования банков и осуществления банковского надзора [3, с. 21].

Актуальное значение имеет определение места пруденциального подхода в парадигме национальной экономической безопасности. Соответственно, целью исследования является выявление общих черт и различий пруденциального права и права национальной экономической безопасности посредством раскрытия содержания пруденциального регулирования и выделения его ключевых особенностей в обеспечении рассматриваемой сферы национальной безопасности в соответствии с положениями Концепции национальной безопасности Республики Беларусь.

Основная часть

В генезисе пруденциального регулирования можно выделить несколько этапов трансформации [4, с. 84]:

- первый этап (XIX в. – 1960-е гг.), на котором пруденциальный подход применялся в банковском секторе как элемент традиционной концеп-

ции разумного инвестирования (*prudent investor rule*) и учетного принципа разумности (*prudence concept of accounting*) в отношении отдельных субъектов финансового рынка (банков, трастовых фондов, инвесторов);

¹Лаутс Е. Б. Система антикризисного регулирования рынка банковских услуг: предпринимательско-правовой аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 5.1.3. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2025. С. 9.

²Исмаилов И. Ш. Пруденциальное регулирование банковской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.04. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2019. 26 с. ; Кустов В. А. Развитие пруденциального регулирования кредитного риска коммерческих банков в России : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10. М. : Рос. экон. ун-т им. Г. В. Плеханова, 2018. 26 с. ; Гокоев А. С. Микропруденциальное регулирование кредитного риска в российских коммерческих банках : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 5.2.4. Владикавказ : Северо-Осет. гос. ун-т им. Коста Левановича Хетагурова, 2024. 33 с.

- второй этап (1970-е гг. – 1999 г.), на котором регулирование вышло на макроуровень, превратившись в общественный инструмент обеспечения стабильности, а его целью стало безопасное функционирование как финансовой системы в целом, так и отдельных проблемных банков (именно в этот период был создан Базельский комитет по банковскому надзору);

- третий этап (2000–2010 гг.), на котором пруденциальное регулирование стало необходимым инструментом центральных банков для управления системными рисками, при этом акцент сместился на обеспечение финансовой стабильности банковского сектора как агрегированного целого и повышение стрессоустойчивости всего финансового рынка;

- четвертый этап (2011 г. – настоящее время) характеризуется стремлением минимизировать системные риски, источники которых коренятся в цикличности как финансовой, так и нефинансовой сфер.

Таким образом, в настоящее время концепция пруденциального регулирования основывается на минимизации системных рисков в финансовой среде (рискоориентированная направленность) и обеспечении стабильности финансовой системы (в первую очередь в соответствии с требованиями международного стандарта «Базель III»).

Следующие отличительные черты (ключевые особенности) являются основными для пруденциального регулирования³:

- двухуровневая направленность, которая включает микропруденциальное (фокусируется на устойчивости отдельных финансовых организаций (банков, страховых компаний) посредством требований к капиталу, ликвидности и управлению рисками) и макропруденциальное (нацелено на стабильность финансовой системы в целом, предотвращение финансовых кризисов) регулирование;

- комплекс инструментов, в который входят обязательные нормативы (требования к достаточности капитала, ликвидности, концентрации рисков), лицензирование и надзор (контроль за выходом на рынок и постоянное наблюдение за деятельностью организаций), принудительные и предупредительные меры (от предписаний до штрафов, отзыва лицензий и введения временной администрации), специальные процедуры (механизмы санации (финансового оздоровления) для предотвращения банкротства системно значимых организаций), широкий субъектный охват (изначально пруденциальное регулирование разработано для банков, но теперь применяется

и к другим финансовым организациям, в том числе страховым компаниям, небанковским кредитным организациям, участникам рынка ценных бумаг).

Современное пруденциальное регулирование – это динамичная система, развитие которой движется от применения жестких нормативов к комплексному управлению рисками, от микропруденциального к макропруденциальному фокусу и от реактивных мер к превентивным мерам.

Опираясь на современные подходы к определению экономической безопасности как вида национальной безопасности, отметим, что до недавнего времени данное понятие рассматривалась преимущественно в рамках экономической науки, поэтому в качестве детерминанты правовых дефиниций в рассматриваемой сфере выступают понятия, разработанные экономической наукой. Согласно одной из последних дефиниций под национальной экономической безопасностью понимается такое динамическое состояние национальной экономики, при котором вероятность того, что критические угрозы подорвут способность национальной экономики обеспечивать достижение национальных экономических интересов, не превышает заданной пороговой величины⁴. Однако единство взглядов на экономическую безопасность отсутствует и среди экономистов: различные ученые рассматривают экономическую безопасность и ее обеспечение с поправкой на субъектную, объектную, структурную, функциональную, инструментальную и иную их характеристику как совокупность условий и факторов, состояние, способность, средство, процесс, деятельность, систему и др.⁵ [5, с. 68–70; 6, с. 8–63].

В связи с этим обстоятельством Институт экономики РАН проводит комплексные научные исследования по следующим основным направлениям обеспечения национальной экономической безопасности [7, с. 37]: анализу институциональных основ формирования и обеспечения экономической безопасности в условиях глобализации, исследованию пространственных аспектов экономического развития (региональной специфики экономической безопасности), разработке императивов обеспечения продовольственной безопасности, совершенствованию системы государственного стратегического планирования.

В то же время анализ 62 диссертаций за 2019–2022 гг. по тематике экономической безопасности позволил выделить следующие ключевые направления научных исследований [8]: разработку систем показателей

³Ручкина Г. Особенности пруденциального регулирования: как регуляторно-надзорные меры позволяют сгладить последствия системных кризисов в финансовом секторе // Электронная библиотека Финансового университета. URL: <http://elibrary.ru/art2020/bv617.pdf> (дата обращения: 30.01.2026).

⁴Рукинов М. В. Защита национальных экономических интересов и обеспечение экономической безопасности России в условиях экономико-политических и технологических трансформаций : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.05. СПб : Санкт-Петербург. гос. экон. ун-т, 2020. С. 11.

⁵Моисеев Е. Г. Обеспечение экономической безопасности региональных объединений государств : автореф. дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.14. Кишинев : Молд. экон. акад., 2012. С. 46–47.

и индикаторов для оценки уровня экономической безопасности субъектов (страны, региона, отрасли, предприятия), концептуальное моделирование систем обеспечения экономической безопасности, включая распределение полномочий и механизмы защиты, влияние цифровой трансформации на экономическую безопасность (оценку киберугроз, использование цифровых технологий и платформ), взаимодействие государства, бизнеса и общества в обеспечении экономической безопасности (поддержка предпринимательства, антикоррупционные механизмы, снижение административных барьеров), стратегическое планирование на национальном и международном уровнях для обеспечения экономической безопасности и диверсификации производства, рискориентированный подход к обеспечению экономической безопасности (мониторинг угроз, оценка государственных закупок, управление государственным долгом и реализация государственных программ).

Таким образом, система обеспечения национальной экономической безопасности включает индикаторы – показатели (параметры) состояния экономической безопасности и утвержденные в установленном порядке их пороговые значения (уровень государственного долга); неформализованные макрориски (страновой, инвестиционный и др.) и микрориски (уязвимость цепочек поставок и др.); широкий инструментарий (экономическая дипломатия, создание альтернативных финансовых систем, инновационная политика, протекционизм инвестиционной деятельности, инструменты правовой защиты от превенции до репрессии (специальные меры, способы, средства, формы, включая ограничение иностранного контроля в ключевых отраслях, ответные антисанкционные законы, иные варианты принудительного воздействия, в том числе предусматривающие ответственность)); стандарты защиты (защита требует индивидуализации и реестризации объектов через соответствующие дефиниции (конкретные интересы, определенные отрасли и сектора, стратегические предприятия, критические технологии, непосредственные угрозы им и т. д.), набор требований к защите, критерии уязвимости (защищенности) объектов, классифицированный перечень деструктивных (дестабилизирующих) условий и факторов (условий и факторов, снижающих защищенность) и т. д.); различные методики и технологии защиты, касающиеся процесса идентификации и оценки, снижения степени опасности угроз, оценки рисков вероятности возникновения (реализации) угроз и степени их влияния, минимизации данных рисков и преодоления негативных последствий, связанных с их наступлением, определения видов и размеров вреда и т. д.; особенности международной защиты (противодействие санкциям как форме принуждения вне рамок ООН, например, вторичным санкциям, учет коллизии

юрисдикций, например блокирующие статуты, национализация активов иностранных компаний и т. д.).

Можно обозначить следующие особенности применения пруденциального подхода в рамках обеспечения национальной экономической безопасности.

Парадигмальный разрыв между финансовой стабильностью и экономической безопасностью. Пруденциальный подход, являющийся краеугольным камнем современного финансового регулирования, изначально конструировался для обеспечения устойчивости отдельных финансовых институтов (микропруденциальный уровень) и стабильности финансовой системы в целом (макропруденциальный уровень). Его методологическое ядро – идентификация, количественная оценка и контроль финансовых рисков (кредитных, рыночных, операционных) через нормативы достаточности капитала (стандарт «Базель III»), ликвидности и стресс-тестирование. Однако в контексте теории национальной экономической безопасности данный подход редуцирует многомерное понятие безопасности до одной, пусть и критически важной, компоненты – финансовой стабильности. Национальная экономическая безопасность, как стратегическая государственная функция, представляет собой комплекс мер по защите национальных экономических интересов (устойчивого социально-экономического развития и высокой конкурентоспособности экономики) от внешних и внутренних угроз. В этом контексте и возникает парадигмальный разрыв: пруденциальный подход, будучи эффективным инструментом предотвращения эндогенных финансовых кризисов, методологически не предназначен для нейтрализации экзогенных стратегических угроз нефинансового характера, составляющих суть современных вызовов.

Теоретико-методологическая критика (реактивность и редукционизм). Реактивная природа и проблема временного лага. Пруденциальное регулирование по своей гносеологической природе является реактивным и исторически обусловленным. Его эволюция (от стандарта «Базель I» к стандарту «Базель III») представляет собой последовательность ответов на произошедшие кризисы (азиатский кризис 1997–1998 гг., мировой финансовый кризис 2007–2009 гг.). Это обстоятельство порождает перманентное отставание регулятивной базы от динамики рынков, особенно в условиях четвертой промышленной революции, что наиболее четко проявляется в сфере цифровых активов и децентрализованных финансов, где скорость инноваций опережает способность регуляторов к категоризации, оценке рисков и разработке адекватных нормативов. Такая институциональная инерция создает «окна уязвимости», которыми могут воспользоваться как недобросовестные рыночные акторы, так и недружественные государства для дестабилизации финансовой системы.

Методологический редуccionизм. Пруденциальный подход сосредоточен преимущественно на количественных финансовых показателях (коэффициенты достаточности капитала, ликвидности). Однако многие («качественные») параметры национальной экономической безопасности не поддаются формализации в рамках пруденциальных моделей. К ним относятся экономический суверенитет (отсутствие утечки капитала и интеллекта, технологическая независимость от иностранных платформ (софта, стандартов), контроль над критической инфраструктурой и т. д.), структурный баланс (сырьевая независимость, региональное равенство, конкурентоспособность несырьевых секторов и т. д.), дееспособность институциональной системы (отсутствие коррупции, эффективность правоохранительной деятельности и т. д.), геоэкономическая защищенность (отсутствие дискриминационных мер и санкций недружественных государств и наднациональных структур). «Минимальные стандарты» (пороговые значения индикаторов) состояния национальной экономической безопасности (доли валового накопления основного капитала, валового внешнего долга, отношения объема ВВП на душу населения и др.) кардинально отличаются от «стандартов надежности» осуществления финансово-хозяйственной деятельности.

Практические ограничения в контексте стратегических задач. Пруденциальные инструменты, например, повышение нормативов для банков, работающих с «токсичными» активами, могут служить вспомогательным средством, но они не устраняют источник этих угроз. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь определяет угрозы, которые находятся за пределами операционной области пруденциального регулирования. К ним относятся применение санкций (ограничительных мер), потеря внешних рынков, недостаточные объемы и низкое качество инвестиций, низкий уровень самообеспечения сырьевыми и энергетическими ресурсами, отставание от других государств в темпах перехода экономики к передовым технологическим укладам и др. Для противодействия этим угрозам требуется комплексный стратегический подход, включающий импортозамещение и развитие критических технологий, внешнеэкономическое регулирование, меры валютного контроля и управления золотовалютными резервами, институциональные реформы для улучшения инвестиционного климата и т. д.

Интегративная парадигма. Пруденциальный подход следует рассматривать как элемент системы обеспечения национальной экономической безопасности. Он выполняет критически важную, но несамостоятельную функцию – поддержание тактической устойчивости финансового сектора как «кровеносной системы» экономики. Однако стратегическая экономическая безопасность требует более широкой и про-

активной парадигмы, интегрирующей инструменты финансового регулирования в промышленную, технологическую, торговую и социальную политику.

Сравнение ключевых аспектов пруденциального права и права национальной экономической безопасности позволяет сделать следующие выводы.

Пруденциальное право – это система норм, регулирующих деятельность финансовых организаций (институтов) в целях обеспечения их финансовой устойчивости, надежности и защиты интересов вкладчиков и всей финансово-кредитной системы посредством идентификации и управления рисками, установления обязательных требований, нормативов и надзорных процедур для минимизации неплатежеспособности, упреждающего предотвращения финансовых кризисов [9–12]. Данный правовой институт (институт пруденциального регулирования) относится к отрасли финансового права [13].

Таким образом, содержание пруденциального права определяют следующие параметры:

- основная цель (поддержание стабильности и надежности финансовой системы (банков, страховых компаний, иных финансовых организаций), защита интересов вкладчиков и кредиторов);
- предмет регулирования (деятельность отдельных финансовых институтов (микропруденциальный аспект) и финансовой системы в целом для предотвращения финансовых кризисов (макропруденциальный аспект));
- ключевые инструменты (установление обязательных нормативов (по капиталу, ликвидности), лицензирование, надзор, предупредительные и принудительные меры (предписания, штрафы, введение временной администрации и др.));
- целевой объект защиты (финансовая устойчивость конкретных организаций и стабильность финансового сектора как части экономики).

В то же время право национальной экономической безопасности представляет собой правовой массив, имеющий собственные институты (интересов, угроз, субъектов и объектов защиты, риска, условий и факторов, вреда, инструментов защиты, идентификации, мониторинга, планирования, прогнозирования, моделирования и т. д.), который объединяет нормы различных отраслей права в целях обеспечения защиты национальных экономических интересов.

Таким образом, содержание права национальной экономической безопасности определяют следующие факторы:

- основная цель (защита национальных экономических интересов (устойчивого социально-экономического развития и высокой конкурентоспособности экономики) от внутренних и внешних угроз);
- предмет регулирования (все срез (сектора) экономики (финансовый, промышленный, энергетический, продовольственный, технологический, инвестиционный и др.));

- ключевые инструменты (стратегическое планирование, анτισанкционная политика, контроль внешнеторговых операций, защита критической инфраструктуры, меры по импортозамещению и др.);

- целевой объект защиты (экономика страны в целом, ее способность к стабильному развитию и обеспечению защиты всех национальных интересов).

Пруденциальное право и право национальной экономической безопасности тесно связаны по следующим аспектам:

- отношение *часть – целое* (устойчивость финансовой системы является одной из важнейших составляющих национальной экономической безопасности (кризис в банковском секторе представляет прямую угрозу для всей экономики));

- инструмент для достижения цели (нормы пруденциального права (особенно макропруденциальная политика) служат инструментом для реализации целей права национальной экономической безопасности в финансовой сфере, например, пруденциальная мера для сглаживания «шероховатостей» финансового цикла одновременно укрепляет экономическую безопасность);

- совместное действие (в условиях внешнеэкономического давления (санкций) меры по обеспечению национальной экономической безопасности, например, ограничения по движению капитала, напрямую влияют на пруденциальное регулирование, требуя от финансовых организаций адаптироваться к новым рискам).

Вместе с тем научно-теоретическая дифференциация пруденциального права и права национальной экономической безопасности позволяет выявить фундаментальные эпистемологические, методологические, функциональные и иные различия между данными правовыми комплексами. Так, различие в эпистемологическом основании и предмете регулирования заключается в том, что пруденциальное право – это отраслевое научно-практическое знание, сформировавшееся в рамках финансового права и экономики финансовых рынков. Его объектом изучения является система рисков, порождаемых деятельностью финансовых посредников (банков, страховщиков, иных кредитных организаций), в основе которой лежат модели оценки кредитного, рыночного, операционного рисков (стандарты «Базель III» и «Базель IV»), а также вероятности наступления неблагоприятных событий для отдельного института (микропруденциальные риски) и для финансовой системы в целом (макропруденциальные риски). Правовая природа пруденциального права обусловлена тем, что его нормы носят императивный, количественно измеримый характер (нормативы достаточности капитала, ликвидности), направленный на минимизацию вероятности дефолта отдельных субъектов и возникновения финансового кризиса.

Право же национальной экономической безопасности представляет собой комплексную, междисциплинарную область знания на стыке экономического права и права национальной безопасности. Его объектом изучения выступает система угроз национальным экономическим интересам (экономическому суверенитету и конкурентоспособности государства), структурные уязвимости национальной экономики, риск как зарождающаяся опасность нанесения вреда рассматриваемым интересам. По правовой природе право национальной экономической безопасности является правовым массивом, сочетающим нормы административного, таможенного, торгового, финансового, международного публичного права и других базовых (комплексных) отраслей права, направленным на сохранение экономического потенциала государства как основы его суверенитета в условиях глобальной конкуренции.

Методологическое различие рассматриваемых видов права определяют превенция и стратегическая устойчивость. Метод пруденциального права – превентивный количественный надзор через призму финансовых рисков. Он подразумевает постоянный мониторинг и принудительное поддержание финансовых институтов в рамках «безопасного коридора», определяемого регуляторными нормативами. Методами права национальной экономической безопасности являются стратегическое планирование и управление уязвимостями, сетевой анализ критических инфраструктур и цепочек точек неустойчивости. Его суть составляет проактивное моделирование кризисных сценариев, например, отключение от системы *SWIFT*, эмбарго на энергоносители, и создание подушек безопасности (золотовалютных резервов, стратегических запасов, импортозамещающих производств).

Функциональное различие (стабилизация и защита суверенитета) обусловлено тем, что пруденциальное право выполняет стабилизирующую и дисциплинирующую функции. Оно призвано предупреждать внутренне присущие финансовому рынку провалы. Функциональный успех пруденциального права измеряется отсутствием банкротств системно значимых институтов и низкой волатильностью финансового сектора. Право национальной экономической безопасности выполняет защитно-суверенизирующую функцию, которая является формой правового обеспечения экономической обороны. Оно нейтрализует угрозы, а его успех измеряется способностью экономики функционировать и развиваться, сохранять контроль над стратегическими активами и критическими технологиями).

Существуют также различия рассматриваемых видов права по уровню реализации и субъектному составу. Пруденциальное право работает прежде всего на микро- и мезоуровне (институт, сектор),

поднимаясь до макроуровня лишь с помощью системных взаимосвязей. Его ключевыми субъектами выступают частные финансовые институты и специализированный мегарегулятор (центральный (национальный) банк). Право национальной экономической безопасности действует на макро-

уровне (национальная экономика в глобальном контексте). Ключевыми субъектами данного права являются государство в лице высших органов власти, стратегические государственные корпорации и весь реальный сектор экономики как объект защиты.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Пруденциальный подход, воплощенный в стандарте «Базель III», методологически ограничен в оценке системных нефинансовых рисков. Следовательно, он является не основой, а лишь одним из технических элементов в комплексной системе национального экономического риск-менеджмента, которая требует интеграции финансовой, промышленной, торговой, технологической и валютной политики, нацеленной на проактивное формирование структурной экономической устойчивости и суверенитета, а не только на сдерживание финансовых рисков. Пруденциальное регулирование – это превентивная система мер, направленная на обеспечение стабильности финансовой системы в целом и отдельных организаций в частности (основным его недостатком в парадигме национальной экономической безопасности является узость фокуса и неспособность ликвидировать имеющиеся системные угрозы).

2. По сути пруденциальное право представляет собой «право пруденциальных рисков». Пруденциальное регулирование традиционно относится к финансовому (банковскому) регулированию посредством идентификации и управления рисками в данной сфере. В контексте национальной экономической безопасности данный термин используется в значении, вероятно, близком к «предусмотрительному» или «превентивному» регулированию. Вместе с тем пруденциальное право не может быть приравнено к праву национальной экономической безопасности, которое по содержанию является бо-

лее объемным. Эклектичное объединение новых отраслей права (учетное, кондиционное, конкурсное и др.) в рамках пруденциального права не имеет концептуального каркаса, основанного на положениях Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, и может привести к терминологической путанице, дублированию регулятивных механизмов, усложнению правоприменения.

3. Пруденциальное право и право национальной экономической безопасности представляют собой различные области регулирования, связанные между собой. Первое обеспечивает стабильность финансового сектора, второе защищает экономический суверенитет и безопасность страны в целом. Таким образом, если пруденциальное право является наукой о минимизации эндогенных рисков финансовой системы, то право национальной экономической безопасности – стратегией защиты от экзогенных угроз национальным экономическим интересам. Их сочетание формирует правовой каркас экономической устойчивости современного государства.

4. Зоной конвергенции пруденциального права и права национальной экономической безопасности выступает макропруденциальная политика. С одной стороны, она использует инструментарий пруденциального права, с другой стороны, ее целеполагание выходит за рамки стабильности финансового сектора и подчиняется логике экономической безопасности (сглаживание финансового цикла для поддержания устойчивого экономического роста и предотвращения макроэкономических кризисов).

Библиографические ссылки

1. Денисевич АВ. *Теоретико-прикладные основы правового регулирования обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь*. Минск: Институт национальной безопасности Республики Беларусь; 2014. 215 с.
2. Ерпылева НЮ. *Международное банковское право: генезис, природа, основные категории и механизмы регулирования операций банков* [диссертация]. Москва: Высшая школа экономики; 2004. 504 с.
3. Ерпылева НЮ. Современное валютное регулирование в российском банковском праве. *Законодательство и экономика*. 2011;2:21–43.
4. Галазова СС, Токоев АС. Пруденциальный элемент банковского регулирования. *Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*. 2024;2:83–93. DOI: 10.21686/2413-2829-2024-2-83-93.
5. Мясникович МВ. *Национальная безопасность Республики Беларусь: современное состояние и перспективы*. Минск: Право и экономика; 2003. 562 с.
6. Никитенко ПГ, Булавко ВГ. *Экономическая безопасность: теория, методология, практика*. Минск: Право и экономика; 2009. 394 с.

7. Караваева ИВ. Национальная экономическая безопасность в теоретических исследованиях Института экономики РАН. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2020;2:27–42.
8. Булатенко МА. Контент-анализ диссертационных работ по экономической безопасности. *Экономическая безопасность*. 2022;4:1247–1272. DOI: 10.18334/ecsec.5.4.115248.
9. Шаповалов МА. Пруденциальное регулирование банковской деятельности: понятие, особенности, зарубежный законодательный опыт (на примере Франции). *Банковское право*. 2010;4:25–30.
10. Моисеев СР. Макропруденциальная политика. *Деньги и кредит*. 2013;7:46–52.
11. Кустов ВА. Барометр кредитного риска в пруденциальном регулировании российских банков. *Финансы и кредит*. 2016;23:9–23.
12. Воронов АА, Гоголев АМ. О понятии пруденциального надзора в системе противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. В: Эскиндарова МА, Лапин МА, редакторы. *Управление финансами: организационно-правовое исследование*. Москва: Русайнс; 2016. с. 319–325.
13. Давиденко ДВ. Пруденциальное регулирование банковской деятельности как правовой метод обеспечения стабильности денежного обращения. *Банковское право*. 2013;6:60–67.

Статья поступила в редколлегию 30.01.2026.
Received by editorial board 30.01.2026.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТРАНСФЕРТНОЙ ЦЕНЫ НА ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Н. В. ХАШКОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются проблемы применения механизма трансфертного ценообразования к сделкам с цифровыми активами. Обосновываются методологическая несостоятельность критерия совпадения кодов Общегосударственного классификатора экономической деятельности при определении сопоставимых организаций и системная ограниченность принципа наилучшего соответствия. Предлагается дополнить законодательство содержательными критериями сопоставимости, а также ввести самостоятельный специальный метод определения трансфертной цены при отсутствии рыночных аналогов, применимый к цифровым и иным сложнооцениваемым активам.

Ключевые слова: трансфертное ценообразование; нематериальный актив; цифровой актив; рыночная цена; налогообложение; налог; налоговый контроль.

LEGAL PROBLEMS OF TRANSFER PRICING DETERMINATION FOR DIGITAL ASSETS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

N. V. KHASHKOVSKY^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The problems of applying the transfer pricing mechanism to transactions involving digital assets are examined. The methodological inadequacy of the criterion based on the coincidence of codes from the National classifier of economic activities for determining comparable companies is substantiated, as well as the systemic limitations of the best match principle. It is proposed to supplement the legislation with substantive comparability criteria and to introduce a standalone special method for determining the transfer price in the absence of market comparables, applicable to digital and other hard-to-value assets.

Keywords: transfer pricing; intangible asset; digital asset; arm's length price; taxation; tax; tax control.

Введение

Тенденции развития объектов нематериальной сферы порождают возникновение серьезных доктринальных и правоприменительных дискуссий, выходящих за рамки их традиционной квалифи-

ции в качестве объектов гражданских прав. Особую остроту данные вопросы приобретают при дисбалансе правового регулирования смежных отраслей права, который, по мнению исследователей, проявляется

Образец цитирования:

Хашковский НВ. Правовые проблемы определения трансфертной цены на цифровые активы в Республике Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2026;1:53–61.
EDN: NNMEZM

For citation:

Khashkovsky NV. Legal problems of transfer pricing determination for digital assets in the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2026;1:53–61. Russian.
EDN: NNMEZM

Автор:

Никита Владимирович Хашковский – аспирант кафедры государственного управления юридического факультета. Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент А. А. Пилипенко.

Author:

Nikita V. Khashkovsky, postgraduate student at the department of public administration, faculty of law.
khashkovsky.nv@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0006-9244-3360>

в отставании (зачастую существенном и неоправданном) законодательства от развития общественных отношений, связанных с внедрением новых технологий [1, с. 21], что в наибольшей степени заметно в налоговой сфере, в частности, при трансфертном ценообразовании (далее – ТЦО) при отчуждении либо предоставлении в пользование нематериальных активов (далее – НМА), особенно их новых видов, в рамках контролируемых сделок. Как справедливо отмечают И. С. Шахрай и И. П. Кузьмич, общественные отношения, в которых развиваются новые технологии, тесно пересекаются, следовательно, правовое обеспечение их применения будет эффективным лишь при комплексном подходе к правовому регулированию смежных общественных отношений [1, с. 20]. Ярким примером такой смежности выступает правовой режим цифровых активов, которые, являясь разновидностью НМА и естественным следствием развития цифровых технологий, отличаются уникальностью экономических характеристик, отсутствием сопоставимых рыночных аналогов и значительной зависимостью их стоимости от будущих ожиданий экономических выгод, что обуславливает повышенную сложность как в части идентификации, так и в части корректного стоимостного измерения. Таким образом, действующие правовые механизмы ТЦО, сформированные преимущественно с учетом логики оборота материальных активов и стандартизированных нематериальных активов, товаров, работ, услуг (далее – товары), оказываются методологически не применимыми для определения рыночного уровня цен в отношении новых цифровых активов.

Следствием указанной методологической несоразмерности является формирование пробелов в налоговом законодательстве о ТЦО при совершении операций с цифровыми активами, что, в свою очередь, создает предпосылки для уклонения от уплаты налогов. Плательщики получают возможность манипулировать ценовыми параметрами сделок, искусственно перераспределяя налоговую базу и минимизируя размеры налога на прибыль, при этом у налоговых органов ограничиваются возможности как по установлению факта отклонения цен от рыночного уровня, так и по выявлению нарушений законодательства в сфере ТЦО. Однако активное развитие институциональной базы цифровизации, характерное для ряда государств, само по себе не гарантирует адекватного правового регулирования вопросов ТЦО в отношении цифровых активов. В частности, в Республике Беларусь, несмотря на отчетливо прослеживающуюся позитивную динамику технологического развития и нормативного регулирования цифровизации экономики, которая

подтверждается как наличием доктринальной проработки соответствующих вопросов, так и активной нормотворческой деятельностью государства, указанные проблемы сохраняют свою актуальность. Данная тенденция находит отражение в проводимых белорусскими учеными исследованиях цифровизации права в целом и цифрового права в частности (работы И. С. Шахрай, И. П. Кузьмич, Т. В. Сафонова, М. С. Абламейко, Н. В. Шакель). Как отмечает Т. В. Сафонова, цифровое право устанавливает право на создание и использование информационных технологий, информационных систем и информационных сетей [2, с. 457], которые, в свою очередь, привлекают повышенное внимание налоговых органов в контексте контролируемых сделок. М. С. Абламейко и Н. В. Шакель констатируют, что цифровые права человека относятся к сфере информационного права, регулирующего обработку больших данных, применение искусственного интеллекта [3, с. 21]. По мнению О. В. Лосевой, М. А. Рожковой и И. М. Конобеевской, большие данные и искусственный интеллект, включая решения, принимаемые с его использованием (при помощи ИИ-ассистентов), относятся к цифровым активам [4, с. 52–53; 5, с. 52, 194; 6, с. 332–333]. Последние в силу специфики своей правовой природы создают определенные сложности при квалификации и оценке в рамках ТЦО.

Нормотворческая деятельность государства, подкрепляющая технологическое развитие, проявляется в подписании в 2018 г. Меморандума о сотрудничестве Национального банка Республики Беларусь и научно-технологической ассоциации «Конфедерация цифрового бизнеса»¹, разработке и одобрении в 2024 г. концепции внедрения цифрового белорусского рубля², последовательном вовлечении в экономический оборот цифровых знаков (токенов) в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», установлении ограничений на обращение цифровых знаков (токенов), закреплении порядка их налогообложения и институционализации деятельности криптобанков в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», Указом Президента Республики Беларусь от 23 апреля 2025 г. № 166 «О налогообложении доходов, полученных от осуществления операций с цифровыми знаками (токенами)», Указом Президента Республики Беларусь от 16 января 2026 г. № 19 «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов)», а также изданием рекомендаций по вопросам развития цифрового права³. Кроме того, в данный перечень можно

¹Взаимодействие с Конфедерацией цифрового бизнеса // Национальный банк Республики Беларусь : сайт. URL: <https://www.nbrb.by/payment/vzaimodejstvie-s-konfederaciej-cifrovogo-biznesa> (дата обращения: 14.02.2026).

²Проект по внедрению цифрового белорусского рубля // Там же. URL: https://www.nbrb.by/payment/digital_ruble (дата обращения: 14.02.2026).

³О рекомендациях по итогам парламентских слушаний на тему «Развитие цифрового права в Республике Беларусь» : Постановление Палаты представителей Нац. собрания Респ. Беларусь, 10 янв. 2025 г., № 141-П8/II // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H22500141> (дата обращения: 14.02.2026).

включить принятие стратегии в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года⁴, поскольку, как справедливо отмечают О. В. Лосева и М. А. Рожкова, результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в цифровой форме (3D-модели, произведения так называемого цифрового искусства (*digital art*), создаваемые творческим трудом человека исключительно с применением компьютерных технологий и относящиеся к компьютерной анимации, электронной музыке, цифровой живописи и т. д.) относятся к цифровым активам [4, с. 53–54; 5, с. 68–69].

Доктринальной проблемой ТЦО в Республике Беларусь является отсутствие систематизированных фундаментальных исследований как общеправовых вопросов, так и узконаправленных аспектов данной сферы, хотя следует отметить значимые экономические прикладные исследования С. И. Мазоля, Е. М. Гиль, А. Ю. Карпунина, подготовленные в период с 2002 по 2011 г., в которых ТЦО рассматривается в качестве экономического механизма. В 2024 г. И. А. Лукьянова исследовала проблемы применения ТЦО в ситуациях, когда агрессивное налоговое планирование осуществляется с использованием объектов интеллектуальной собственности. В области права вклад в изучение ТЦО внесли С. К. Лещенко и Е. А. Дашкевич в 2009–2015 гг., Е. Ф. Киреева, В. С. Анищенко и Ю. В. Бутько в 2015–2025 гг. Их работы рассматривают ТЦО в части налогового контроля и особенностей международного налогообложения. Некоторые труды перечисленных авторов в связи с давностью написания в современных условиях утратили свою актуальность. Правовые вопросы, касающиеся налогового контроля сделок с цифровыми активами и иными объектами нематериальной сферы, в белорусской науке не проработаны.

В Российской Федерации исследование института ТЦО ведется более последовательно, однако проблема его применения к цифровым активам остается недостаточно проработанной. Так, К. А. Непесов в 2007 г. определил правовые проблемы использования НМА в качестве предмета контролируемой сделки без учета цифровых активов, Н. В. Мамиконян в 2019 г. развила этот подход, предложив изменения в законодательстве. М. Р. Пинская, А. С. Кизимов и Н. А. Кузьмина в 2016 г. поставили под сомнение применимость стандартных методов ТЦО

к НМА. Е. М. Мажигова, Е. Е. Миргород и Л. Х. Дикаева в 2023 г. рассмотрели вопросы налогообложения цифровых активов без специфического анализа ТЦО. Таким образом, несмотря на значительный объем исследований, вопросы ТЦО в отношении именно цифровых активов в российской доктрине остаются открытыми.

На фоне описанного состояния доктринальных исследований как в Республике Беларусь, так и в Российской Федерации особую остроту приобретает противоречие между наличием развитой нормативной базы цифровизации и отсутствием специальных правил ТЦО для цифровых активов. Нормотворческая деятельность государства в части регулирования НМА, включая цифровые активы как их разновидность, а также технологическое развитие обуславливают необходимость законодательного урегулирования ранее не охваченных правовым регулированием общественных отношений, связанных с заключением контролируемых сделок, предметом которых выступают цифровые активы. С учетом установленного суммового критерия контролируемости в размере 400 тыс. руб. (п. 2 ст. 88 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК)) сделки с цифровыми активами, обладающими высокой стоимостью и экономической значимостью, в подавляющем большинстве случаев будут подпадать под режим ТЦО. В то же время налоговое регулирование и описанный уровень исследованности ТЦО в Республике Беларусь отстают от актуального развития цифровой отрасли и не позволяют в полной мере раскрыть проблему определения трансфертной цены в сделках с цифровыми активами, что обуславливает необходимость проведения научных исследований по рассматриваемой проблематике и повышает их актуальность.

Цель статьи заключается в разработке предложений по совершенствованию налогового законодательства Республики Беларусь в части определения трансфертной цены в сделках с цифровыми активами.

Задачами исследования являются анализ действующего порядка определения трансфертной цены в Республике Беларусь, выявление специфических особенностей цифровых активов, влияющих на применение ТЦО, разработка практических рекомендаций по совершенствованию налогового законодательства.

Материалы и методы исследования

В процессе исследования применялись метод системного анализа, позволивший выявить взаимосвязь цифровых активов с налоговым, цифровым правом и правом интеллектуальной собственности, формально-юридический метод, обеспечивший истолкование особенностей применения норм налогового права к контролируемым сделкам с цифровыми

активами, метод правового моделирования, позволяющий определить риски неурегулированности отношений в части определения трансфертной цены и найти пути устранения выявленных пробелов. Теоретическую основу исследования составили труды по налоговому, информационному, гражданскому праву, а также нормативные правовые акты.

⁴О Стратегии Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 24 нояб. 2021 г., № 672 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100672> (дата обращения: 14.02.2026).

Результаты и их обсуждение

Несмотря на наличие сформировавшихся междуна-
родных стандартов ТЦО, ориентированных пре-
имущественно на развитие экономики (Модельная
конвенция о налогообложении доходов и капитала⁵
и Руководство по ТЦО для транснациональных кор-
пораций и налоговых администраций⁶), разрабо-
танных Организацией экономического сотрудниче-
ства и развития (далее – ОЭСР), с одной стороны, и стан-
дартов, адаптированных с учетом экономического
положения развивающихся государств (Модельная
конвенция об избежании двойного налогообложе-
ния⁷ и Практическое руководство по ТЦО⁸), подго-
товленных под эгидой ООН, с другой стороны [7],
в государствах СНГ и ЕАЭС, включая Республику Бе-
ларусь, формируется лишь фрагментарный подход
к регулированию ТЦО. Это обстоятельство прояв-
ляется в неоднородности методологий, финансовой
дисгармонии и отсутствии единых правил [8, с. 148],
а также в неравномерном развитии налогового ре-
гулирования цифровой сферы.

В интересах ТЦО цифровые активы обладают сово-
купностью специфических характеристик, которые
во взаимосвязи определяют исследуемую в на-
стоящей статье проблематику и обуславливают по-
вышенную сложность их правовой и экономической
квалификации.

Во-первых, цифровой актив характеризуется
экономически значимым контролем с доказуе-
мой эксклюзивностью, представляющим собой
фактическую и объективно подтверждаемую воз-
можность исключительного распоряжения активом,
обеспечивающую получение основной части эконо-
мических выгод от его использования и защиту от
неправомерного присвоения третьими лицами [9].
Данный признак, являясь функциональным ана-
логом владения материальной вещью, позволяет
идентифицировать сторону, фактически осущест-
вляющую функции собственника в рамках внутри-
групповых операций, определять момент перехода
экономических рисков и выгод.

Во-вторых, для цифровых активов характерна
динамичность и неопределенность перечня. Как от-
мечают исследователи данной области, перечень
цифровых активов постоянно дополняется новыми,
ранее неизвестными объектами: цифровыми услу-
гами, цифровыми деньгами (включая игровые ва-
люты), виртуальным имуществом (в том числе игро-
вым), большими данными и решениями, принятыми

с помощью искусственного интеллекта (ИИ-ассис-
тентами) [4, с. 49–53; 5, с. 52, с. 194; 6, с. 332–333],
инновационными формами цифровых объектов,
созданными на базе технологии блокчейн и иных
распределенных реестров, мультимедийными про-
дуктами, а также такими специфическими объекта-
ми, как программное обеспечение для уже созданных
программируемых автономных роботов и высоко-
точного медицинского оборудования. Данная осо-
бенность демонстрирует объективную необходи-
мость адаптировать методологию ТЦО и механизмы
налогового контроля к условиям развивающейся
цифровой экономики, в рамках которой традицион-
ные подходы, ориентированные на стандартизиро-
ванные активы, не могут применяться к динамично
изменяющемуся перечню цифровых объектов.

В-третьих, объектом налогового контроля вы-
ступает не сам цифровой актив как таковой, а цена
его отчуждения либо предоставления в пользова-
ние, выраженная в различных формах возмещения.
Так, в зависимости от характера правоотношений
контролируемым элементом может являться разо-
вый основной платеж за передачу актива в собствен-
ность, разовый паушальный платеж за передачу
исключительных прав на актив, роялти как периоди-
ческий платеж за использование актива на условиях
лицензии, систематическая плата за предоставление
доступа к активу без заключения лицензионного
договора. Разнообразие форм вознаграждения влия-
ет на методологию определения рыночного уровня
цены и одновременно усложняет процесс поиска
сопоставимых неконтролируемых сделок.

В-четвертых, среди всей совокупности цифровых
активов особое место занимает категория сложнооце-
няемых активов (*hard-to-value intangibles*), которой
в международном регулировании ТЦО, в частно-
сти в подходах ОЭСР, уделяется повышенное вни-
мание. Уникальный характер таких активов, огра-
ниченность или полное отсутствие сопоставимых
рыночных данных, а также высокая степень неопре-
деленности в отношении будущих экономических
выгод обуславливают значительную погрешность
их стоимостной оценки. Дополнительную слож-
ность представляет измерение ценности данных
и иных нематериальных результатов, генерируе-
мых цифровыми активами в процессе совершения
контролируемых транзакций, что в ряде случаев
делает их экономическую оценку принципиально

⁵Model tax convention on income and on capital 2017 // OECD : website. URL: https://www.oecd.org/en/publications/model-tax-convention-on-income-and-on-capital-2017-full-version_g2g972ee-en.html (date of access: 10.02.2026).

⁶OECD transfer pricing guidelines for multinational enterprises and tax administration 2022 // Ibid. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-transfer-pricing-guidelines-for-multinational-enterprises-and-tax-administrations-2022_0e655865-en.html (date of access: 10.02.2026).

⁷Model double taxation convention between developed and developing countries 2021 // United Nations : website. URL: https://financing.desa.un.org/sites/default/files/2023-05/UN%20Model_2021.pdf (date of access: 10.02.2026).

⁸Practical manual on transfer pricing for developing countries 2021 // Ibid. URL: <https://financing.desa.un.org/sites/default/files/2021-10/Transfer%20Pricing%20with%20new%20cover.pdf> (date of access: 10.02.2026).

затруднительной [10, с. 15; 11, с. 22]. Как следствие, в научной литературе обоснованно указывается на принципиальную ограниченность применения традиционных методов ТЦО к сделкам с цифровыми активами, особенно относящимися к категории уникальных и сложнооцениваемых активов [12, с. 80; 13, с. 108–109]. В результате цифровые активы выступают наиболее уязвимыми объектами налогового контроля и нередко используются в качестве инструмента агрессивного налогового планирования и обхода правил ТЦО.

В ситуации описанной ограниченности традиционных методов для оценки сложнооцениваемых цифровых активов и наличия высоких рисков их использования в агрессивном налоговом планировании перед национальным правопорядком встает задача по поиску адекватных регуляторных механизмов. Императивная иерархия методов, предполагающая жесткую очередность их применения, вступает в объективное противоречие с экономической природой цифровых активов, уникальность которых зачастую делает невозможным применение классических подходов. Осознание данного противоречия стимулирует государства отказаться от формального подхода в пользу более гибких конструкций, что наглядно демонстрирует пример недавней реформы в Республике Беларусь: с 2024 г. законодатель отказался от жесткой императивной иерархии методов ТЦО, сформировав нормативные предпосылки для перехода от формально-иерархического подхода к более гибким правовым подходам, основанным на принципе наилучшего соответствия (ч. 1 п. 2 ст. 91 НК). Содержание данного принципа предполагает предоставление плательщику правомочия самостоятельно определять метод ТЦО, наиболее адекватный экономической сущности цифрового актива, при условии, что выбранный метод с учетом фактических обстоятельств и условий совершения сделки позволяет наиболее обоснованно сделать вывод о соответствии либо несоответствии примененной цены рыночному уровню цен на аналогичные (однородные) цифровые активы. Праву плательщика на самостоятельное определение метода ТЦО соответствует обязанность налоговых органов использовать в ходе контроля примененный плательщиком метод, заменяя его лишь при наличии обоснования несоответствия. Такая обязанность ограничивает произвол в налоговом контроле и в определенной мере воплощает презумпцию правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика), которая во многом обусловлена причинами объективного характера, предопределенными сложными процессами становления и развития налогового законодательства [14, с. 42], что в условиях цифровой экономики приобретает особую значимость в связи со спецификой цифровых активов.

Общее правило о формировании рыночной цены в контролируемых в рамках ТЦО сделках основыва-

ется на цене, сложившейся в сопоставимых сделках с идентичными, а при их отсутствии с однородными товарами (подп. 1.8 п. 1 ст. 87 НК), и проявляется в сопоставлении анализируемой контролируемой сделки с совокупностью сравниваемых неконтролируемых сделок. При этом критерии сопоставимости формируются исходя из совершения таких сделок в аналогичных коммерческих и (или) финансовых условиях с учетом совокупности характеристик, способных оказывать влияние на уровень цены.

На указанном этапе правоприменения возникает первая системная проблема, обусловленная имманентной уникальностью цифровых активов, которая непосредственно влияет на возможность определения их идентичности либо однородности для целей налогообложения [10, с. 8; 11, с. 22]. Использование уникальных цифровых активов в контролируемых сделках объективно исключает возможность подбора сопоставляемых сделок с идентичным товаром и в значительной степени нивелирует практическую применимость категории однородности, поскольку их уникальный характер предполагает отсутствие иных цифровых активов, способных выполнять тождественные функции и (или) выступать в качестве коммерчески взаимозаменяемых, ведь, как правильно отмечается в литературе, при анализе однородных товаров незначительные различия во внешних характеристиках могут не приниматься во внимание. Однако при сопоставлении цифровых активов подобная оценка, выраженная через квалификацию различий как незначительных, приобретает принципиальное значение, поскольку даже минимальные несовпадения в репутационном капитале, узнаваемости либо ассоциативной ценности способны оказывать существенное влияние на уровень цены. Вследствие этого обстоятельства решение вопроса о функциональной и коммерческой взаимозаменяемости цифровых активов оказывается существенно затрудненным, особенно в наукоемких и технологически сложных отраслях экономики [10, с. 8–9].

Таким образом, подход сравнения с идентичными (однородными) цифровыми активами допустим в случае наличия на рынке стандартизированных цифровых активов, например массового программного обеспечения, но не адекватен для уникальных цифровых активов. При отсутствии на рынке сопоставляемых неконтролируемых сделок либо при объективной невозможности их корректного подбора становится невозможным достоверное определение трансфертной цены анализируемой сделки с цифровым активом. В подобных условиях качественное применение принципа наилучшего соответствия утрачивает практическую применимость и не позволяет подобрать метод ТЦО, способный обеспечить экономически обоснованный вывод о соответствии примененной цены рыночному уровню.

Статья 90 НК устанавливает иерархию источников информации, используемых для определения

соответствия цен рыночному уровню: п. 1 определяет перечень основных источников, п. 2 содержит перечень дополнительных источников, применяемых в случае невозможности использования основных источников. Вместе с тем законодательством не урегулирован порядок определения рыночной цены в ситуации, когда информация о сопоставимых сделках отсутствует не в отдельных источниках, а на рынке в целом вследствие уникальности предмета сделки. Указанный пробел особенно наглядно проявляется при сравнении с законодательством Российской Федерации: п. 10 ст. 40 Налогового кодекса Российской Федерации объединяет в единую правовую конструкцию такие основания, как отсутствие на рынке сделок с идентичными (однородными) товарами, отсутствие предложения на рынке таких товаров, а также отсутствие либо недоступность информационных источников, обеспечивая тем самым применение единого правового режима ко всем случаям объективной невозможности определения рыночной цены. Белорусское законодательство аналогичной нормы не содержит, что образует системный пробел в регулировании сделок с уникальными цифровыми активами.

Отсутствие в белорусском законодательстве аналогичного механизма означает, что в подобных ситуациях применению подлежит лишь общее правило, согласно которому при отсутствии либо недостаточности информации об идентичных (однородных) товарах используются данные бухгалтерской и (или) иной финансовой отчетности организаций, которые осуществляют сопоставимую деятельность (ч. 1 п. 3 ст. 89 НК), в том числе содержащиеся в общедоступных информационных системах, а также размещенные на официальных сайтах организаций в интернете (подп. 1.11 п. 1 ст. 90 НК). Указанный подход получил доктринальное развитие еще на этапе становления института ТЦО в Республике Беларусь. В частности, в литературе высказывалось предложение ориентироваться на критерий схожей рыночной ценности, формируемой за счет сопоставимого воздействия на потребительское поведение и определенной степени «стандартизованности» соответствующего продукта [15, с. 48]. По нашему мнению, обозначенный подход в целом может быть признан теоретически допустимым, однако его практическая применимость напрямую зависит от выработки четких и экономически обоснованных критериев отнесения организаций к числу осуществляющих сопоставимую деятельность, позволяющих с учетом специфики объекта сделки объективно определить рыночную цену. В отношении цифровых активов формирование таких критериев представляется существенно затрудненным.

Именно в указанном контексте обнаруживается следующая системная проблема белорусской модели правового регулирования. В соответствии с абзацем 2 ч. 2 п. 3 ст. 89 НК организации признаются

осуществляющими сопоставимую деятельность на основании единственного формально-юридического критерия – осуществления того же вида экономической деятельности, что и у проверяемой организации, в соответствии с Общегосударственным классификатором видов экономической деятельности Республики Беларусь (далее – ОКЭД). Указанная норма сформулирована императивно, она имеет унифицированный характер и подлежит применению ко всем случаям без учета специфики уникальных цифровых активов, выступающих в качестве предмета контролируемой сделки.

Избранный законодателем подход, хотя и позволяет формально решить проблему дефицита сопоставимой информации о цифровых активах ввиду относительной простоты выявления организаций, осуществляющих сопоставимую деятельность по установленному критерию, не может быть признан концептуально обоснованным. Использование информации о деятельности организаций исключительно на основании совпадения заявленного вида экономической деятельности с видом деятельности проверяемого субъекта, т. е. применение формально-классификационного критерия, представляется методологически некорректным и не соответствующим экономической природе ТЦО.

Во-первых, ОКЭД по своему функциональному назначению служит инструментом статистической классификации организаций в зависимости от осуществляемых ими видов деятельности и формирования агрегированных макроэкономических показателей. Он не содержит сведений о конкретном реализуемом продукте, применяемых технологиях его создания, уровне технологической сложности, структуре затрат, а равно об экономической ценности результата соответствующей деятельности, что исключает возможность использования кодов ОКЭД в качестве релевантного критерия ценовой сопоставимости.

Во-вторых, присвоение вида экономической деятельности осуществляется по заявительному принципу, без предварительной верификации со стороны регистрирующих органов фактического осуществления заявленного вида деятельности. Соответственно, формальное совпадение кодов ОКЭД не гарантирует ни действительного осуществления соответствующей деятельности, ни сопоставимости экономических условий, в которых она ведется.

В-третьих, правовой режим осуществления предпринимательской деятельности допускает одновременное ведение организацией нескольких видов экономической деятельности либо осуществление видов деятельности, не отраженных в учредительных документах или не заявленных при государственной регистрации. Указанное обстоятельство дополнительно нивелирует диагностическую ценность ОКЭД для определения сопоставимости анализируемых организаций в рамках ТЦО.

В-четвертых, даже при фактическом осуществлении анализируемой организацией и сопоставляемыми организациями одного и того же вида экономической деятельности совпадение соответствующих кодов ОКЭД не позволяет сделать обоснованный вывод о сопоставимости производимого продукта и, следовательно, установленной цены, поскольку в пределах одного вида деятельности могут создаваться цифровые активы, обладающие различным функциональным назначением, уровнем сложности, а также экономической ценностью и не являющиеся коммерчески взаимозаменяемыми. Так, в рамках такого вида экономической деятельности, как издание прочего программного обеспечения (код ОКЭД 58290), ООО «ФоксТри»⁹ осуществляет разработку и обслуживание национального мессенджера *Depesha*, предназначенного для коммуникации, тогда как ООО «Финрокет»¹⁰ является разработчиком программного сервиса «Финансист», ориентированного на формирование управленческой отчетности. В то же время организации, заявившие различные виды экономической деятельности (УП «1С-Битрикс» (издание программного обеспечения, код ОКЭД 72210) и ООО «АйСиЭс Бел» и ООО «Итач-софт» (деятельность в области компьютерного программирования, код ОКЭД 62010))¹¹, фактически выводят на рынок схожие по функциональному назначению программные продукты в виде CRM-систем («Битрикс24», «MS Dynamics CRM»). Аналогичным образом ЧП «Трэвел Лайн», заявившее в качестве вида деятельности консультирование по вопросам коммерческой деятельности и прочее консультирование по вопросам управления (код ОКЭД 70220)¹², фактически осуществляет деятельность по изданию программного обеспечения, предназначенного для автоматизации бизнес-процессов в сфере гостиничного бизнеса.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что критерий совпадения кодов ОКЭД не может служить надлежащим основанием для установления сопоставимости организаций в целях ТЦО. Определяющее значение имеет не вид экономической деятельности, заявленный плательщиком при государственной регистрации, а всесторонняя и детализированная характеристика создаваемого и (или) реализуемого цифрового актива. Это обстоятельство обусловлено содержанием сущности ТЦО, которая заключается в объективном и экономически обоснованном определении стоимости актива в анализируемой сделке, что предполагает либо сопоставление примененной цены с ценами аналогичных (идентичных либо однородных) активов, либо использование

иных экономически релевантных способов оценки, адекватных специфике цифровых активов.

В связи с вышесказанным установленные законодателем критерии отнесения организаций к числу осуществляющих сопоставимую деятельность не могут быть признаны корректными с точки зрения целей и задач ТЦО, таким образом в правовом регулировании формируется системный пробел. В условиях отсутствия на рынке сопоставимых сделок либо объективной невозможности их выявления в ходе анализа остаются неурегулированными ситуации, при которых предмет контролируемой сделки представлен уникальным цифровым активом, не имеющим идентичных или однородных аналогов. Как следствие, утрачивается практическая возможность применения как приоритетного метода сопоставимых рыночных цен, так и принципа наилучшего соответствия, поскольку их реализация в действующей модели ТЦО Республики Беларусь функционально привязана к обязательному использованию показателей организаций, формально признаваемых осуществляющими сопоставимую деятельность.

В целях устранения выявленного пробела в правовом регулировании ТЦО рекомендуется рассмотреть вопрос о дополнении п. 3 ст. 89 НК нормой, предписывающей, что использование данных организаций, осуществляющих сопоставимую деятельность, в сделках с товаром, который не имеет идентичных (однородных) аналогов, допускается при соблюдении следующих условий: для расчета цены применяются одинаковые технологический процесс, принципы учета и распределения расходов, нормы амортизации специфического оборудования и подходы к оценке сырья; структура затрат и методы калькулирования себестоимости сопоставимых организаций являются идентичными или сопоставимыми с процессами и методами проверяемого лица; различия в физических, функциональных или качественных характеристиках товаров не влияют на экономические принципы расчета их цены и не приводят к искажению структуры затрат. Кроме того, следует исключить из ч. 2 п. 3 ст. 89 НК абзац 2, поскольку при производстве независимыми осуществляющими разные виды экономической деятельности лицами товара, цены на который рассчитываются по одинаковым принципам, указанные нормы будут взаимоисключать друг друга.

Предлагаемая рекомендация позволит преодолеть формальный подход к определению круга сопоставимых организаций, минимизировав риски применения ошибочных критериев к субъектам, чья деятельность имеет принципиально иную экономическую

⁹Поиск юридических лиц и индивидуальных предпринимателей // Единый государственный реестр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей : сайт. URL: <https://egr.gov.by/egrm/index.jsp?content=Find> (дата обращения: 10.02.2026).

¹⁰Там же.

¹¹Там же.

¹²Там же.

природу. Вместе с тем предлагаемый механизм не решает комплексную проблему достоверной оценки цифровых активов, в связи с чем также представляется необходимым нормативно урегулировать ситуации, при которых на рынке объективно отсутствуют как идентичные (однородные) товары, так и организации, осуществляющие сопоставимую деятельность, посредством введения самостоятельного специального метода определения трансфертной цены для таких случаев. В рамках данного метода трансфертная цена цифрового актива может определяться как разность между ценой, по которой он был реализован покупателем при последующей передаче третьему лицу, и совокупностью обычных для аналогичных условий затрат, понесенных данным покупателем при такой передаче и продвижении актива на рынок (без учета цены его первоначального приобретения), а также обычной для соответствующей сферы деятельности нормы прибыли покупателя. Принципиальное отличие предлагаемого метода от действующего метода определения цены последующей реализации (ст. 93 НК) состоит в том, что он не предполагает ни обязательной перепродажи невзаимозависимому лицу в качестве конститутивного элемента, ни сопоставления валовой рентабельности с диапазоном рыночных показателей, ни соблюдения ограничительных условий п. 3 ст. 93 НК, системно исключающих его применение к цифровым активам. Преимущество предлагаемого метода заключается в отсутствии необходимости искать сопоставимые неконтролируемые сделки, что позволяет нивелировать проблему определе-

ния трансфертной цены прежде всего в отношении уникальных цифровых активов. Вместе с тем сфера его применения не ограничивается цифровой сферой: метод в равной мере пригоден для иных сложно-оцениваемых НМА, а также материальных активов, не имеющих рыночных аналогов, что обуславливает его универсальный регуляторный потенциал.

Правоприменительная ситуация может дополнительно усложняться в случаях, когда установление цены последующей передачи третьему лицу объективно невозможно, в частности, при отсутствии самого факта такой передачи либо при уклонении организации от предоставления достоверных сведений о ценах реализации в ходе налогового контроля. В подобных обстоятельствах даже предложенный специальный метод утрачивает практическую применимость, что вновь формирует неурегулированную ситуацию в налоговом праве. Эта ситуация, с одной стороны, свидетельствует о системной недостаточности действующего механизма ТЦО применительно к цифровым активам, а с другой – определяет методологическую основу для дальнейших научных исследований: более глубокой доктринальной и нормативной детализации принципа наилучшего соответствия, обоснования допустимости использования результатов независимой оценки, а также переосмысления вопроса о расширении перечня методов ТЦО посредством наделения плательщика правом применения альтернативных, экономически наиболее адекватных методов определения рыночной цены, соответствующих специфике анализируемой сделки.

Заключение

Обобщая проведенный анализ, можно сформулировать следующие выводы.

1. Цифровые активы обладают специфическими характеристиками, которые в совокупности определяют принципиальную ограниченность применения традиционных методов ТЦО обуславливают повышенную сложность их правовой и экономической квалификации. Особую проблему представляет квалификация категории сложнооцениваемых цифровых активов, объективная неопределенность будущих экономических выгод которых делает применение стандартных подходов ТЦО принципиально затруднительным, а их использование в схемах агрессивного налогового планирования – особенно вероятным.

2. Переход белорусского законодателя в 2024 г. от императивной иерархии методов ТЦО к принципу наилучшего соответствия представляет собой концептуально обоснованный шаг в направлении адаптации налогового регулирования к специфике цифровых активов. Вместе с тем практическая реа-

лизуемость данного принципа существенно ограничена действующим механизмом определения сопоставимых организаций, что формирует системный пробел в правовом регулировании.

3. Нормативное регулирование налогового контроля ТЦО не предусматривает специальных правил определения трансфертной цены цифровых активов: она определяется по общим правилам путем сопоставления с показателями идентичных (однородных) сделок, а при их отсутствии – с показателями организаций, осуществляющих сопоставимую деятельность. Уникальность цифровых активов объективно исключает возможность корректного подбора идентичных (однородных) сделок, тогда как действующий критерий определения сопоставимых организаций – совпадение кодов ОКЭД – является методологически некорректным, поскольку не учитывает ни фактического содержания деятельности, ни экономической природы создаваемого продукта, ни реальной сопоставимости условий ценообразования.

4. В целях устранения выявленного системного пробела рекомендуется дополнить п. 3 ст. 89 НК нормой, допускающей использование данных сопоставимых организаций при сопоставимости принципов учета и распределения расходов, технологического процесса, структуры затрат и методов калькулирования себестоимости, а также при условии, что различия в характеристиках товаров не влияют на экономические принципы расчета их цены. Одновременно во избежание коллизии с предлагаемой нормой следует исключить из ч. 2 п. 3 ст. 89 НК абзац 2.

5. Для урегулирования ситуаций полного отсутствия как идентичных (однородных) товаров, так и сопоставимых организаций предлагается

закрепить самостоятельный специальный метод определения трансфертной цены, принципиально отличающийся от действующего метода цены последующей реализации отсутствием требования об обязательной перепродаже невзаимозависимому лицу и сопоставлении валовой рентабельности. Метод применим не только к цифровым активам, но и к иным сложнооцениваемым нематериальным и уникальным материальным активам. Случаи, при которых данный метод оказывается неприменимым, определяют направления дальнейших исследований в части детализации принципа наилучшего соответствия и расширения перечня допустимых методов ТЦО.

Библиографические ссылки

1. Шахрай ИС, Кузьмич ИП. Право в эпоху новых технологий: тенденции и перспективы развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2022;1:16–23.
2. Сафонова ТВ. Понятие и классификация информационных и цифровых прав и свобод человека и гражданина. В: Аршанский ЕЯ, редактор. *Наука – образованию, производству, экономике. Материалы 73-й Региональной научно-практической конференции; 11 марта 2021 г.; Витебск, Беларусь*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2021. с. 456–458.
3. Абламейко МС, Шакель НВ. Цифровые права человека и перспективы их введения в законодательство. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2022;2:19–26.
4. Лосева ОВ. Виды и классификация цифровых активов для целей стоимостной оценки. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2022;4:45–57. DOI: 10.24412/2072-4098-2022-2245-45-57.
5. Рожкова МА. Нематериальные объекты и имущественные права на них в системе абсолютных прав. Москва: Государственный академический университет гуманитарных наук; 2024. 258 с.
6. Конобеевская ИМ. Цифровые права как новый объект гражданских прав. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2019;3:330–334. DOI: 10.18500/1994-2540-2019-19-3-330-334.
7. Глазова ЕС, Степанова МП. Государственное регулирование трансфертного ценообразования. *Финансовый менеджмент*. 2019;6:23–35.
8. Головченко ОН. *Гармонизация национального налогового законодательства в интеграционных объединениях (на примере Европейского союза и Евразийского экономического союза)* [диссертация]. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации; 2020. 276 с.
9. Шипикова АГ. Подходы к определению цифрового объекта и цифрового актива. *Цифровое право*. 2024;5(2):53–68. DOI: 10.38044/2686-9136-2024-5-2-1.
10. Кизимов АС, Кузьмина НА, Пинская МР. Налоговый контроль трансфертного ценообразования применительно к нематериальным активам. *Финансовый журнал*. 2016;3:7–15.
11. Мажигова ЕМ, Миргород ЕЕ, Дикаева ЛХ. Анализ международных налоговых правил в условиях цифровой экономики. *Журнал прикладных исследований*. 2023;5:20–24.
12. Лукьянова ИА. Налоговые аспекты коммерциализации объектов интеллектуальной собственности в концепции трансфертного ценообразования. *Белорусский экономический журнал*. 2024;4:73–82. DOI: 10.46782/1818-4510-2023-4-73-82.
13. Мамиконян НВ. *Совершенствование налогового регулирования трансфертного ценообразования в России* [диссертация]. Москва: Государственный университет управления; 2019. 166 с.
14. Пилипенко АА. Дискуссионные вопросы применения презумпции правоты проверяемого субъекта (налогоплательщика). *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2025;2:40–45.
15. Раджабов РМ. Сделки по передаче прав пользования товарным знаком: есть контроль? *Налоговая политика и практика*. 2010;6:47–53.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

УДК 340.1:347.1:346.1

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЦИФРОВЫХ ОБЪЕКТОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН ЕАЭС

В. С. КАМЕНКОВ¹⁾, О. М. КУНИЦКАЯ²⁾

¹⁾Независимый исследователь, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Дается общий обзор правовой основы создания и обращения цифровых объектов, формируемой в соответствии с государственной политикой стран – участниц ЕАЭС (на примере Беларуси, России, Казахстана). Определяется, что, несмотря на существование социальных и политических различий между странами, в число важнейших факторов, обуславливающих общественное развитие, вошли идеи цифровой экономики, в том числе применение технологии распределенных реестров. Выявляется, что задача по эффективному формированию правовых основ создания и обращения цифровых объектов не может быть решена без учета технической сущности самого цифрового знака (токена), токенизации активов и проработанной теории осуществления инвестиций. Также обозначаются перспективы формирования цифровых инвестиций, правовую природу и правовой режим которых еще предстоит определить. Устанавливается, что цифровые инвестиции институализируются исходя из политической основы их правового обеспечения, в том числе в контексте развития законодательства стран – участниц ЕАЭС и его гармонизации. Делается вывод о том, что результаты успешного правового обеспечения внедрения и развития цифровых технологий приведут к созданию более благоприятного инвестиционного климата.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровой знак (токен); токенизация; инвестиции; осуществление инвестиций; правовой режим цифровых инвестиций.

Образец цитирования:

Каменков ВС, Куницкая ОМ. Перспективы формирования инвестиционно-правового режима цифровых объектов в законодательстве стран ЕАЭС. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2026;1:62–74. EDN: TOADQA

For citation:

Kamenkov VS, Kunitskaya OM. Prospects for the formation of an investment and legal regime of digital objects in the legislation of the EAEU countries. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2026;1:62–74. Russian. EDN: TOADQA

Авторы:

Виктор Сергеевич Каменков – доктор юридических наук, профессор; независимый исследователь.
Ольга Михайловна Куницкая – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры хозяйственного права.

Authors:

Viktor S. Kamenkov, doctor of science (law), full professor; independent researcher.
finanse204@mail.ru
Olga M. Kunitskaya, PhD (law), docent; associate professor at the department of economic law, faculty of law.
volhakun@mail.ru

PROSPECTS FOR THE FORMATION OF AN INVESTMENT AND LEGAL REGIME OF DIGITAL OBJECTS IN THE LEGISLATION OF THE EAEU COUNTRIES

V. S. KAMENKOV^a, O. M. KUNITSKAYA^b

^aIndependent researcher, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: O. M. Kunitskaya (volhakun@mail.ru)

Abstract. This article provides a general overview of the legal framework for the creation and circulation of digital assets, developed in accordance with the public policies of the EAEU member states (using Belarus, Russia, and Kazakhstan as examples). It is determined that despite social and political differences between countries, digital economy concepts, including the use of distributed ledger technology, have become among the most important factors driving social development. It is revealed that the task of effectively developing a legal framework for the creation and circulation of digital assets cannot be achieved without considering the technical nature of the digital token itself, asset tokenisation, and a well-developed investment theory. The article also outlines prospects for the development of digital investments, the legal nature and legal regime of which remain to be determined. It is established that the institutionalisation of digital investments is based on the political framework for their legal support, including in the context of the development and harmonisation of legislation in the EAEU member states. Successful legal support for the implementation and development of digital technologies will lead to a more favourable investment climate.

Keywords: digital economy; digital token; tokenisation; investments; investment implementation; legal regime of digital investments.

Введение

В настоящее время цифровые технологии изменяют общественные отношения и институты, способствуя появлению новых моделей организации форм взаимодействия между их участниками. Эмпирические данные подтверждают существенное влияние данного фактора на рост благосостояния как всего мирового сообщества, так и отдельных стран, независимо от уровня развития их экономик, политического устройства, социальных целей и способов их достижения [1, с. 3].

Цифровая трансформация – это проявление качественных изменений, заключающихся не в отдельных цифровых преобразованиях, а в принципиальном изменении структуры экономики, переносе центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов¹.

В современной юридической литературе появляется все больше исследований, посвященных правовому регулированию цифровой экономики, в которой используются цифровые технологии, в том числе с точки зрения их инвестиционных преимуществ. Ученые-правоведы рассматривают проблемы формирования правоотношений при становлении цифровой экономики, а также реализации государственной политики по их развитию в высокотехнологичных секторах экономики, обозначают основные направления совершенствования законодательства в сфере цифровых технологий [2].

Сегодня активно развивается использование криптографических технологий для создания новых цифровых продуктов, в том числе в сфере выпуска финансовых инструментов, например таких, как цифровые финансовые активы (ЦФА). Еще недавно страны не планировали вводить их специальное регулирование, а применяли по аналогии законодательство о ценных бумагах или вовсе не распространяли действующее законодательство на такие операции. В настоящее время появляются специальные правовые нормы в части выпуска цифровых финансовых активов, а также продажи и оборота таких активов на рынке [3, с. 176].

Введение в деловой оборот различного рода денежных суррогатов и имущественных прав, подтвержденных записями в тех или иных информационных системах, фактически привело к тому, что появляется «виртуальное» имущество. Совершение с таким имуществом неконтролируемых правом операций вынудило государство обратить внимание на эту проблему [4]. Наряду с прочими вопросами возникает необходимость научного осмысления содержания и правовой природы цифровых объектов (виртуальное имущество, цифровой товар (услуга), цифровые права и др.), на что направляют свои усилия ученые [5, с. 77].

Авторы исследуют терминологию цифровой экономики с позиции так называемой токеномики (понятия «распределенный реестр», «узлы сети»,

¹Цифровая трансформация. Термины и определения : СТБ 2583-2020 : введен в действие с 1 марта 2021 г. постановлением Гос. комитета по стандартизации Респ. Беларусь, 8 дек. 2020 г., № 95 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2026.

«блокчейн» и др.) и, в частности, финансовых технологий (понятия «цифровой актив», «цифровой финансовый актив», «криптовалюта», «цифровая валюта», «токен» и т. п.) [6].

Многочисленные работы посвящены исследованию правовой природы токена с точки зрения отнесения его к объектам имущественных прав, а также разработке авторских определений этого термина [7–10]. Достаточно много работ касается классификации токенов [11, с. 37–38; 12, с. 33–34; 13].

Важнейшими научными результатами являются определение авторами правового содержания конструкции «цифровые права» («утилитарные цифровые права», «цифровые финансовые активы» и др.), «цифровая валюта (криптовалюта)», «цифровой рубль» и других терминов [14; 15], а также особенностей цифровых активов [16, с. 201; 17].

Предметом научного обсуждения становятся проблемы не только выявления сущности объектов гражданских прав, созданных и размещаемых в информационных системах, но и использования их в качестве инвестиций. Такой объект, как цифровой знак (токен), заслуживает анализа в контексте их первичного размещения (*initial coin offering*) и возможного вытеснения существующих правовых режимов оборота объектов гражданских прав правовым режимом токена [11, с. 36]. Особый интерес представляют исследования возможности инвестиционного использования ЦФА и заключения инвестиционных сделок [18–20].

В свете развития цифровой экономики уже становится очевидной необходимость в разработке инновационных методов и стратегий в сфере инвестиций. Новые возможности для инвестирования заключаются в том, что цифровые активы открывают инвесторам доступ к новым классам активов и более широким возможностям диверсификации портфеля [21, с. 94–95]. Цифровые права, привязанные к различным активам и оформленные через запись в блокчейн, должны быть доступны всем инвесторам, при этом необходимо соблюдать определенные требования, которые устанавливаются для наиболее полного использования потенциала этой технологии, обеспечив защиту прав инвесторов.

Наряду с положительной стороной использования в инвестировании объектов гражданских прав, созданных и размещаемых в информационных системах, в этой сфере существуют уязвимые места и угрозы, способствующие возрастанию рисков отмывания денежных средств и финансирования терроризма (далее – ОД и ФТ). Анализ отчетов независимой межправительственной организации ФАТФ (*financial action task force*) и других международных организаций, а также изучение судебной практики по делам, связанным с незаконными операциями с ЦФА, показывают повышение интереса мошенников к новым инструментам финансирования. Трансграничная

природа операций с ЦФА, обеспечивая беспрецедентную скорость и доступность расчетов, одновременно усложняет регуляторный контроль. Таким образом, с учетом быстрого развития технологий и рынка ЦФА отмечается многоаспектность проблемы появления новых схем их криминального использования для целей ОД и ФТ [22]. Несмотря на положительные характеристики блокчейн-технологий, признак децентрализации, присущий им, а также отсутствие нормативной базы, регулирующей их использование, могут способствовать развитию киберпреступности в стране [23, с. 215]. По этой причине остро встает вопрос о механизмах обеспечения прав инвесторов и иных участников инвестиционных отношений в рамках цифровой экономики.

Совершенствование законодательства в отношении цифровых прав и иных цифровых объектов имеет большое значение. Потребность в эффективном регулировании цифровых прав, распоряжении ими в целях использования всех возможностей цифровых технологий определяет вектор развития законодательства, способствует отражению в его нормах приоритетов социально-экономического развития [24, с. 35].

С точки зрения инвестиционного процесса понимание правовой природы таких явлений, как цифровые активы, токенизация активов, осуществление операций с токенизированными активами, позволит решить вопрос о возможности объединить цифровые инвестиции в рамках единого инвестиционно-правового режима.

Целью настоящего исследования является формирование концептуального представления о правовом обеспечении использования цифровых объектов при осуществлении инвестиций, в том числе в контексте поступательного развития законодательства о данных объектах на примере отдельных стран ЕАЭС, а также определение теоретико-методологического подхода к формированию правового режима цифровых инвестиций, в первую очередь с учетом сущности цифровых технологий и токенизации активов.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- определить состав и содержание государственных нормативных документов программного характера о внедрении и реализации цифровых технологий (на примере Беларуси, России, Казахстана);
- систематизировать научные знания по вопросу определения понятия, видов и правовой сущности цифровых объектов;
- обозначить направления правовой формализации цифровых объектов и перспективы их дальнейшего развития;
- выявить теоретико-методологические подходы к определению и формированию правового режима цифровых инвестиций.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы познания. В работе используются диалектический, логический, системный, формально-юридический, сравнительно-правовой методы, анализ и синтез, а также и другие методы научного познания. Основным теоретическим методом является диалектический метод, который позволяет объективно и всесторонне исследовать проблемы правового регулирования института цифровых объектов с помощью норм различных отраслей законодательства. Логический и системный методы дают возможность понять правовую природу цифровых объектов, их создания и обращения, а также определить их место в правоотношениях.

Особое значение при исследовании имеют такие частнонаучные методы, как формально-юридический и сравнительно-правовой. Они помогли изучить понятийный аппарат и определить видовое разнообразие цифровых объектов, выявить существ-

ующие вопросы и неопределенности, сформулировать рекомендации по их устранению, в том числе в контексте необходимости гармонизации подходов в странах ЕАЭС.

В исследовании применялись методы обобщения информации, а также синтез и критический анализ данных.

Использование междисциплинарного подхода позволило выявить сущность и технические особенности цифровых объектов для дальнейшего исследования и обоснования их как инвестиций и объектов инвестирования.

Материалами исследования послужили научные труды в области правового обеспечения токенизации активов, финансовых инноваций, а также проблем и перспектив выпуска токенов и их оборота на территории России, Казахстана, Беларуси, нормативные правовые акты стран ЕАЭС, аналитические исследования, открытые данные, включая данные операторов инвестиционных систем.

Результаты и их обсуждение

Для эффективного внедрения в экономику цифровых объектов, включая цифровые права, необходимы соответствующие условия и должный уровень развития цифровой экономики, так называемой «цифровой зрелости» соответствующих рынков.

Чтобы обеспечить успех цифровой трансформации экономики, государства разрабатывают различные документы стратегического и программного развития, которые становятся ориентиром для законодателя.

В России Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 утверждена Стратегия развития информационного общества на 2017–2030 годы, особое место в которой занимает цифровая экономика. В развитие данного указа впоследствии был принят ряд нормативных правовых актов программного характера о цифровой экономике, которые положили начало ее формированию [25, с. 251].

Термин «цифровая трансформация» был впервые использован в тексте Указа Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в значении «цели развития государства». Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» также определил цифровую трансформацию экономики как одну из национальных целей развития государства.

Министерство финансов Российской Федерации совместно с федеральными органами исполнительной власти и Банком России 11 февраля 2026 г. утвердило Концепцию токенизации активов реального сектора экономики. Документ разрабатывался для внедрения цифровых инноваций, в том числе применения технологии распределенных реестров. По утвержденной концепции на первом этапе планируется пилотирование токенизации прав собственности на имущество и исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, если сделки не подлежат государственной регистрации, а также токенизации документарных ценных бумаг и долей в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью².

Как видим, в России закладывается основа для правового регулирования различных видов токенизированных активов. Ожидается принятие законодательства, основанного на данной концепции. Этот факт означает, что правовую основу получат новые инструменты инвестирования.

Аналитики ставят лидерство России в прямую зависимость от результатов токенизации активов (преобразования финансовых и нефинансовых активов в цифровую форму (токен)), что, в свою очередь, зависит от развития регуляторной среды токенизации в государстве³.

В Казахстане государственная программа «Цифровой Казахстан» была утверждена постановлением

²Утверждена Концепция токенизации активов реального сектора российской экономики // Министерство финансов Российской Федерации : сайт. URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=40191-utverzhdjena_kontseptsiya_tokenizatsii_aktivov_realnogo_sektora_rossiiskoi_ekonomiki (дата обращения: 19.02.2026).

³Российский рынок токенов может достигнуть 13 трлн рублей к 2030 году // Strategy partners : сайт. URL: <https://strategy.ru/research/research/rossijskij-rynok-tokenov-mozhet-dostignut-13-trln-rublej-k-2030-godu/> (дата обращения: 19.02.2026).

Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2017 г. № 827. В стране были запущены все компоненты программы цифровизации, включающие цифровую трансформацию традиционных отраслей, развитие человеческого капитала, цифровизацию государственных услуг и развитие цифровой инфраструктуры.

Данная программа, а также Концепция цифровой трансформации, развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности на 2023–2029 годы, утвержденная постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 г. № 269, создают условия и показывают направления для совершенствования необходимого законодательства.

В Казахстане формируется достаточно разработанная правовая основа в области цифровых активов [26, с. 268]. На данном этапе развития гражданского права в стране мнение большинства ученых сводится к тому, что цифровые активы и цифровые права не являются по своей природе новым видом имущества и имущественным правом. Они признаются лишь как способ фиксации имущества, и иной природы в этих институтах не усматривается [27, с. 42].

В настоящий момент в Казахстане, с одной стороны, законодатель признает цифровые активы как объект гражданского права (не запрещает их выпуск и оборот), с другой стороны, токенизация активов и оборот токенов фактически осуществляются лишь на территории международного финансового центра «Астана». В связи с этим обстоятельством сбалансированное регулирование выпуска и оборота цифровых активов с учетом имеющихся рисков (риски, вытекающие из статуса и определения вида токена; риски, вытекающие из регулирования токенов; риски, вытекающие из оборота и учета токенов, выпускаемых как на территории Казахстана, так и на территории зарубежных стран; риски, связанные с налогообложением оборота токенов) является необходимостью, которая продиктована современной реальностью [28, с. 106].

По состоянию на февраль 2026 г. Национальный банк Республики Казахстан начал реализацию пилотного проекта по токенизации коммерческой недвижимости в рамках регуляторной песочницы Национального банка по цифровым активам⁴. Проект предусматривает выпуск токенов, обеспеченных коммерческой недвижимостью. Недвижимость представлена в виде цифровых долей, с которыми можно осуществлять операции на специализированной платформе с использованием технологии блокчейн. Инвесторы могут приобретать токены с правом на долю в коммерческой недвижимости, совершать операции и участвовать в распределении доходов (пропорцио-

нально объему принадлежащих токенов). Пилотный проект реализуется в ограниченном регуляторном контуре (регуляторная песочница) с мониторингом технологических и операционных аспектов, а также оценкой рисков и правоприменительной практики. Этот подход поможет сформировать понятный и доступный механизм участия в операциях с недвижимостью через цифровые финансовые активы (токены) для последующего внедрения данного инструмента на рынке Казахстана⁵.

В рамках регуляторной песочницы Национального банка Республики Казахстан создана технологическая платформа токенизации недвижимости *Apartchain*, построенная на основе блокчейн-решений. Она обеспечивает выпуск, размещение и обращение цифровых активов, привязанных к реальным объектам.

В Беларуси основы государственной политики в цифровой сфере были определены в 2011 г. принятием Стратегии развития информационного общества до 2015 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174. Данная стратегия рассматривает в качестве основных задач создание современной информационной инфраструктуры, развитие национальной информационной индустрии, совершенствование информационных ресурсов и электронных услуг.

Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 235, включала ряд подпрограмм, содержащих системообразующие мероприятия национального масштаба. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 утверждена государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы – основной практический инструмент внедрения передовых информационных технологий в отрасли экономики и сферы жизнедеятельности общества в тот период.

Указ Президента Республики Беларусь от 29 ноября 2023 г. № 381 «О цифровом развитии» установил основные направления цифрового развития до 2030 г. и очередность их финансирования, включая порядок финансирования пилотных проектов в сфере цифрового развития. Кроме того, постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2024 г. № 1074 утверждена Концепция обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года, которая является крайне важной в условиях быстрой динамики цифровых преобразований в мире, возникновения новых рисков, вызовов и угроз цифровому развитию государства.

⁴В регуляторной песочнице Национального банка запущен проект по токенизации недвижимости // Национальный банк Республики Казахстан : сайт. URL: <https://nationalbank.kz/ru/news/informacionnye-soobshcheniya/18636> (дата обращения: 19.02.2026).

⁵Там же.

В целях дальнейшего цифрового развития страны, последовательной цифровой трансформации экономической деятельности в Беларуси разрабатывается Стратегия цифрового развития страны на 2026–2030 годы. Безусловно, данная стратегия и иные программные документы послужат основой для разработки новых или совершенствования имеющихся нормативных правовых актов в сфере цифровой трансформации экономических отношений.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2025 г. № 602 утвержден перечень государственных программ на 2026–2030 годы. В него вошла государственная программа «Цифровая Беларусь» на 2026–2030 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2025 г. № 793, которая содержит подпрограммы «Экономика данных», «Цифровое государство», «Цифровой суверенитет».

Программа деятельности Правительства Республики Беларусь на 2025–2029 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 мая 2025 г. № 254, предусматривает ряд изменений, запланированы создание единых подходов к регулированию токенов и ценных бумаг, а также внедрение в практику эмиссии цифровых ценных бумаг (токенов) с использованием технологии блокчейн.

Ранее в программных документах Беларуси встречались лишь фрагментарные упоминания о распределенных реестрах и возможности создания и обращения цифрового имущества.

Формирование и реализация государственных программ, стратегий, концепций в рассмотренных государствах не могут осуществляться без учета политики ЕАЭС по данному вопросу. Решение Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) от 11 октября 2017 г. № 12 «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» устанавливает, что государства – члены ЕАЭС самостоятельно иницируют, разрабатывают и реализуют национальные стратегии в области цифровизации экономики, связи, информатизации, а также обеспечения стабильности и безопасности единого информационного пространства и связи, включая реализацию национальных мер по развитию цифровой повестки. Таким образом, ЕАЭС фактически не имеет полномочий в указанной области, что несколько ограничивает принятие мер прямого воздействия по вопросам создания и развития цифровых экономик в странах – членах ЕАЭС. Тем не менее в настоящее время вырабатывается системность подхода к цифровой интеграции. Так, в документе «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года», утвержденном решением Высшего Евразийского экономического союза

от 11 декабря 2020 г. № 12, были зафиксированы меры по развитию цифрового законодательства.

С учетом динамичного развития интеграционных процессов в ЕАЭС особое значение уделяется сопряжению концепций развития на национальном уровне с актами, вырабатываемыми в рамках ЕАЭС. Следовательно, такая согласованность действий государствами – членами ЕАЭС должна учитываться в ходе совершенствования внутригосударственного права, которое постоянно гармонизируется с международными правовыми актами, носящими обязательный юридический характер и действующими на пространстве ЕАЭС [29, с. 109].

Вполне реалистичным выглядит развитие цифровой экономики в странах ЕАЭС, сопровождающееся стремлением к укреплению цифрового суверенитета, который предполагает создание собственных стандартов, совместимых с международными практиками, но учитывающих региональные особенности [30, с. 120].

На заседании ВЕЭС 25 декабря 2023 г. главы государств ЕАЭС подписали декларацию о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках ЕАЭС до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь». По итогам заседания ВЕЭС 21 декабря 2025 г. был утвержден план «Евразийский экономический путь», рассчитанный на период 2030–2045 годов. Его основные цели включают не только завершение формирования единых рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы, но и цифровую трансформацию. Регулирование направлено на гармонизацию законов о ЦФА, обеспечение кибербезопасности и создание единого цифрового пространства для свободного движения капитала.

Совместная цифровизация экономик ЕАЭС рассматривается как стратегическое направление, способное укрепить интеграцию и противодействовать внешним разобщающим факторам. Развитие цифровых платформ в ЕАЭС в последние годы превращается в один из «двигателей» экономической интеграции региона и поддерживает рост взаимной торговли даже в условиях внешнего давления [31, с. 109, 117]. Основное предназначение цифровых платформ – связать экономики стран ЕАЭС, повысив их общую конкурентоспособность и устойчивость к внешним вызовам.

Необходимость создания цифровой инвестиционной платформы в странах ЕАЭС для реализации промышленных и инфраструктурных проектов уже была анонсирована в 2019 г. [32, с. 51]. Однако до настоящего времени данную инициативу реализовать не удалось.

Как видим, в странах ЕАЭС закладывается основа для правового регулирования токенизированных активов. Значительное количество программных документов направлены на обеспечение цифровой

трансформации экономик государств. На основе этих документов принимается соответствующее «цифровое» законодательство, следовательно, правовую основу получают новые инструменты инвестирования.

Одновременно с данными процессами развивается теория о правовой сути токенизации активов и осуществления цифровых инвестиций. Без понимания названных процессов и должного их подкрепления обоснованными теоретическими и практическими разработками невозможно создание необходимого законодательства.

Токенизация активов представляет собой, во-первых, процесс цифрового отображения реальных (физических) активов в распределенных реестрах и, во-вторых, выпуск традиционных видов активов в токенизированной форме⁶. В первом случае существуют реальные активы, например, ценные бумаги, и права на такие активы привязываются или встраиваются в токены на базе технологии распределенного реестра (DLT-технологии), в частности технологии блокчейн. Во втором случае подразумевается создание финансового инструмента на основе технологии блокчейн. Выпущенные токены существуют исключительно в распределенных реестрах. К токенизированным активам могут относиться ценные бумаги (акции, облигации и др.), а также товары (золото) и другие нефинансовые активы (недвижимость) [3, с. 177].

Банк России в своем докладе определяет токенизированные активы реального мира как цифровые активы, имеющие непосредственную привязку к конкретному материальному объекту и удостоверяющие различные права на него. Выделяются две формы токенизации: 1) цифровое представление реально существующих физических активов в распределенных реестрах; 2) выпуск активов исключительно в форме токенов⁷.

В зависимости от функций токены упрощенно разделяют на три большие группы: 1) платежные токены (*payment tokens*), используемые для покупки неких ценностей и обмена ими; 2) вспомогательные токены (*utility tokens*), применяемые для предоставления доступа к какому-либо продукту или услуге через технологию блокчейн; 3) инвестиционные токены (*security tokens*), дающие право собственности на определенные активы или участие в распределении прибыли и других материальных благ [33, с. 482].

В России технологическая трансформация привела к появлению ЦФА, которые сочетают в себе свойства традиционных финансовых инструментов и преимущества технологии распределенного реестра [17, с. 117].

Среди российских ученых преобладает мнение, что в российском законодательстве к токенам больше всего применима конструкция с цифровыми правами (ЦФА, утилитарные цифровые права, гибридные цифровые права). Такие категории, как криптовалюта, токены, ЦФА и цифровая валюта, охватываются термином «цифровые активы», при этом цифровая валюта не является подвидом ЦФА (цифровых прав), а выступает самостоятельным правовым институтом [34, с. 66].

Еще в 2019 г. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» внес ряд поправок в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации), куда были включены цифровые права, которые отнесены к имущественным правам. Результатом нововведений стала норма – ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, регламентирующая правовой статус цифровых прав. Согласно данной статье цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия реализации которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом, возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу.

Нормативной основой регулирования токенизированных активов стало специальное законодательство: Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Цифровые права привязаны к информационной системе, и на криптовалюты и токены распространяется режим имущественных прав. Речь идет о ЦФА и цифровой валюте (криптовалюте), утилитарных цифровых правах (праве требовать передачи вещи (вещей); исключительных правах на результаты интеллектуальной деятельности и (или) правах использования результатов интеллектуальной деятельности; выполнения работ и (или) оказания услуг), а также о гибридных цифровых правах. Таким образом,

⁶Organisation for economic co-operation and development regulatory approaches to the tokenisation of assets // OECD : website. URL: <https://cognizium.io/uploads/resources/OECD%20-%20Regulatory%20Approaches%20to%20the%20Tokenisation%20of%20Assets%20-%202021%20-%20Feb.pdf> (date of access: 01.02.2026).

⁷Токенизация активов реального мира: экономическая природа и опыт регулирования // Банк России : сайт. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/170116/analytical_report_22112024.pdf (дата обращения: 10.02.2026).

цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права в законодательстве России являются своеобразными аналогами инвестиционных, утилитарных или гибридных токенов [35, с. 421].

В целом специфика российской модели регулирования ЦФА характеризуется особым подходом к определению правового статуса цифровых активов и порядка их обращения. Например, российское законодательство о ЦФА позволяет выпустить следующие цифровые активы, схожие с ценными бумагами: ЦФА, предоставляющие возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; ЦФА, предоставляющие право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг; ЦФА, предоставляющие право участия в капитале непубличного акционерного общества [3, с. 179]. Достаточно детально урегулированы два способа токенизации активов: 1) токенизация путем выпуска ЦФА на существующие ценные бумаги; 2) токенизация путем выпуска акций в DLT-системе, где происходит учет и хранение таких акций без необходимости обращения к традиционным депозитариям. Стоит отметить, что ЦФА выпускаются на ценные бумаги, однако ЦФА и ценные бумаги регулируются разными правовыми актами и представляют собой разные правовые сущности [3, с. 179].

Все вышеупомянутые цифровые продукты базируются на технологии блокчейн, которая представляет собой упорядоченную по строгим правилам последовательность блоков, в которых хранится информация. Этот метод основан на криптографии, где блоки (записи) связаны в непрерывную цепочку, что исключает возможность корректировки информации в прошлом, так как это нарушило бы целостность цепочки. В таких регистрах записи – это токены, которые являются единицей учета данных в блокчейне [21, с. 94].

Цифровая валюта (криптовалюта) не удостоверяет, в отличие от ЦФА, обязательственных, корпоративных или иных гражданских прав, а лишь представляет собой экономическую ценность [4]. С учетом того, что только вещи могут быть собственностью, можно определить вещную природу цифровой валюты (криптовалюты). Однако у ученых нет однозначного мнения по этому вопросу. Криптовалюта расценивается как «иное имущество» [36, с. 136; 37, с. 106] либо относится к категории вещей или «бестелесных вещей» [38, с. 132; 39, с. 157].

Законодательство Российской Федерации допускает использование цифровой валюты как средства платежа или инвестиций с учетом установленных ограничений, т. е. законодатель прямо разрешил заниматься этим видом инвестирования.

Несмотря на то, что цифровые активы и криптовалюта опираются на технологию блокчейн, они не представляют собой одно и то же явление, поскольку цифровые активы не обладают свойством

децентрализации, в отличие от криптовалют, для которых это свойство основополагающее [21, с. 94].

В Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» цифровая валюта признается имуществом. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и иное законодательство, направленное на пресечение коррупционной деятельности отмыwania денег, также определяют цифровую валюту как имущество.

Наконец, законодательное развитие получает цифровой рубль. Благодаря изменениям, внесенным в законодательные акты Российской Федерации, которые закрепили правовую архитектуру цифрового рубля, в том числе по вопросам национальной платежной системы и Банка России, цифровой рубль был встроен в действующую систему денежного обращения и платежей, также были закреплены базовые ограничения. Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» определяет порядок внедрения расчетов цифровыми рублями, поэтапные сроки подключения банков, продавцов, исполнителей и владельцев агрегаторов к операциям с цифровыми рублями, закрепляет механизм универсального платежного кода (QR) (с 1 сентября 2026 г.).

Цифровой рубль – это уникальный цифровой код, который хранится в цифровых кошельках на специальной платформе Банка России.

Таким образом, у рубля в настоящее время, помимо наличной (банкноты и монеты) и безналичной (деньги на банковском счете) форм, появляется цифровая форма. Все три формы равноценны, однако нельзя открыть вклад или получить кредит в цифровых рублях. На остаток кошелька в цифровых рублях не начисляются проценты.

В Казахстане также осуществляется попытка по формированию правовой базы для развития технологии блокчейн и цифровых активов. В целях реализации государственных программ, концепций цифровой трансформации были внесены соответствующие изменения и дополнения в законодательство Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий.

Государство развивает рассматриваемое регулирование постепенно, начав с пилотного проекта в международном финансовом центре «Астана» (далее – МФЦА). В рамках МФЦА создан специальный режим для участников, включающий требования к лицензированию и регистрации [40, с. 131].

Закон Республики Казахстан от 25 июня 2020 г. № 347-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики

Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий» внес поправку в п. 2 ст. 115 Гражданского кодекса Республики Казахстан. В соответствии с ней к имущественным благам и правам (имуществу) были отнесены цифровые права. Согласно п. 3-1 ст. 116 Гражданского кодекса Республики Казахстан понятие и виды цифровых активов, а также особенности оборота цифровых активов определяются законодательством Республики Казахстан, актами МФЦА. Понятие цифровых прав и их определение содержались в Законе Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. № 418-V ЗРК «Об информатизации». Позже был принят Закон Республики Казахстан от 6 февраля 2023 г. № 193-VII ЗРК «О цифровых активах в Республике Казахстан», куда была перенесена уточненная необходимая терминология.

На территории Республики Казахстан выпуск токенов и их оборот как цифрового актива на бирже цифровых активов осуществляется в порядке, установленном вышеупомянутым законом. Обеспеченный цифровой актив должен соответствовать следующим требованиям: 1) удостоверяет право на материальные, интеллектуальные услуги и активы, за исключением денег и ценных бумаг; 2) иметь решение о выпуске обеспеченного цифрового актива; 3) не являться расчетной денежной единицей, законным платежным средством; 4) не признаваться финансовым инструментом или финансовым активом; 5) иметь запись в сети блокчейн о перемещении актива и (или) права на имущество. Цифровой актив, не соответствующий указанным требованиям, не относится к обеспеченным цифровым активам. Обеспеченные и необеспеченные цифровые активы в Казахстане не могут использоваться для оплаты товаров и услуг, кроме цифрового тенге. Все операции с цифровыми активами должны осуществляться через лицензированные биржи (например, МФЦА).

Закон Республики Казахстан от 16 января 2026 г. № 258-VIII ЗРК «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан» и Закон Республики Казахстан от 16 января 2026 г. № 259-VIII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования и развития финансового рынка, связи и банкротства» установили комплексный правовой режим для выпуска ЦФА и оборота необеспеченных криптовалют, а также требования к инфраструктуре их обращения и полномочия регулирующих органов.

Введение регулируемого оборота необеспеченных цифровых активов (криптовалют) через лицензируемых провайдеров услуг цифровых активов позволило легализовать механизм перевода криптовалюты деньги, обеспечить защиту прав граждан и прозрачность операций.

В итоге в Республике Казахстан вводится три вида ЦФА:

1) стейблкоины, т. е. ЦФА, базовым активом которых выступают деньги. Требования к порядку, усло-

виям выпуска, обращения и погашения стейблкоинов определяются Национальным банком Республики Казахстан. К ЦФА применяются требования, аналогичные установленным для традиционных финансовых инструментов, включая требования к управлению рисками, раскрытию информации и защите прав инвесторов;

2) обеспеченные ЦФА, которые представляют собой цифровые активы, обеспеченные базовым активом ((товарами, иными ценностями), за исключением стейблкоинов);

3) необеспеченные цифровые активы, т. е. криптовалюты, для которых предусмотрено создание организаций по обмену криптовалют. Их деятельность лицензируется и регулируется Национальным банком Республики Казахстан. Для защиты инвесторов устанавливаются перечень разрешенных к обращению криптовалют, а также лимиты и ограничения по операциям криптообменников. В целях противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма криптообменники и инфраструктурные участники рынка цифровых активов включаются в перечень субъектов финансового мониторинга.

Законодательно Республики Казахстан закрепляет за цифровым тенге статус новой формы национальной валюты. Порядок обращения и использования этой денежной единицы определяется Национальным банком Республики Казахстан. Цифровой тенге выступает законным платежным средством на территории Казахстана, его единственным эмитентом является Национальный банк Республики Казахстан. Взаимодействие с цифровым тенге будет осуществляться через участников финансового рынка.

В условиях реализации концепции перехода к полностью цифровому государству принятый в Республике Казахстан Цифровой кодекс выступает в качестве комплексной правовой основы цифровой трансформации всех сфер общественных отношений. В сфере новых технологий документ предусматривает регулирование смарт-контрактов, распределенных систем и автоматизированных решений. Закрепляются меры по защите данных и кибербезопасности. В ст. 20 Цифрового кодекса Республики Казахстан цифровые объекты и их виды включаются в цифровые активы. Согласно ст. 22 этого кодекса цифровыми активами признаются те цифровые объекты, которые отнесены к таковым в соответствии с законом о цифровых активах, принятым в государстве.

Положения данного кодекса о цифровых объектах применяются к цифровым активам в части, не урегулированной законом о цифровых активах (особенности создания (эмиссии), выпуска, обращения, хранения, учета, прекращения обращения и иные отношения, связанные с цифровыми активами и производными от них финансовыми инструментами).

Таким образом, Казахстан предпринимает усилия по созданию обстановки, благоприятной для

привлечения инвестиций (п. 2. ст. 102 Цифрового кодекса Республики Казахстан).

В Беларуси оборот токенов начался с 2017 г., как только законодательно был закреплён смарт-контакт. По своим характеристикам они во многом тождественны облигациям, которые дают возможность получения дохода в течение срока действия обязательств, а по окончании этого срока – возможность полного возврата инвестированной в их приобретение денежной суммы [33, с. 483].

По своей экономической сути токены, продающиеся, например, на сайте www.finstore.by, который является онлайн-платформой, выступают аналогом цифровых облигаций. Каждый токен имеет номинальную стоимость, фиксированную ставку доходности и ограниченный срок обращения.

В Беларуси обращение цифровых знаков (токенов) регулируется Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О цифровой экономике» (далее – Декрет № 8) и Указом Президента Республики Беларусь от 17 сентября 2024 г. № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)», который устанавливает запрет на внебиржевые операции с криптовалютой для физических лиц и индивидуальных предпринимателей. Цифровые знаки (токены) создаются с использованием информационной сети блокчейн, функционирующей в соответствии с постановлением правления Национального банка Республики Беларусь от 14 июля 2017 г. № 280 «О функционировании информационной сети, построенной с использованием технологии блокчейн».

Декретом № 8 было установлено, что только резиденты Парка высоких технологий (ПВТ) имеют право на осуществление деятельности (операций) с токенами, либо такая деятельность осуществляется через них.

Сам цифровой знак (токен) – это запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределённой информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой (п. 12 Приложения 1 Декрета № 8). Такое определение позволяет сделать вывод о том, что любой объект гражданских прав может быть токенизирован. Это обстоятельство, в свою очередь, может означать, что общие положения гражданского законодательства применимы к операциям с токенами, если иное не установлено актами законодательства. Между тем в ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь само право владельца цифрового знака (токена) на объекты гражданских прав (цифровое право) прямо как объект гражданских прав не названо.

Токены могут удостоверять права на объекты гражданских прав, они встраиваются в регулируемый рынок с помощью белорусских операторов криптоплатформ. Токены не являются законным платёжным средством и не обеспечиваются госу-

дарством. Согласно действующему законодательству к средствам платежа не относится криптовалюта, представляющая собой биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена.

Национальный стандарт бухгалтерского учета и отчетности «Цифровые знаки (токены)», утвержденный постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 6 марта 2018 г. № 16, устанавливает необходимость отражения в бухгалтерском учете токенов в зависимости от способа их получения и предполагаемого назначения. Собственные токены, созданные организацией для размещения, к бухгалтерскому учету не принимаются (п. 4).

Токен в Беларуси не является токеном, выпущенным в DLT-реестрах в качестве ценных бумаг, а определяется законодательством как актив. Оборот токенов не подпадает под законодательство о рынке ценных бумаг, секьюритизации, обязательства о лицензировании профессиональной и биржевой деятельности. В отношении резидентов ПВТ Декрет № 8 вывел ряд операций с цифровыми знаками за пределы применения закона о валютном регулировании в том смысле, что резиденты получили право совершения данных операций в рамках ПВТ.

Хотя термин «токенизированный актив» как таковой не закреплён в законодательстве Республики Беларусь, допускается выпуск токенов, курс которых следует за базовым активом (например, за акциями или драгоценными металлами), с правом держателя потребовать выкуп по цене базового актива. Требования к участникам торгов, в том числе к их допуску и информированию, отражены в правилах ПВТ.

Законодательными актами Президента Республики Беларусь установлены разрешенные для осуществления операции, а также определены признаки деятельности с токенами, которая является незаконной и (или) запрещается. Декрет № 8 отдельно не определяет, что такое «создание цифровых знаков (токенов)». Этот термин употребляется в законодательстве вместе с понятием «размещение цифровых знаков (токенов)», означающим совершение гражданско-правовых сделок либо иных юридически значимых действий, направленных на передачу цифровых знаков (токенов) их первым владельцам на условиях, определенных лицом, которое создало через резидента ПВТ такие цифровые знаки (токены), в том числе в целях привлечения от первых владельцев белорусских рублей, иностранной валюты, электронных денег, цифровых знаков (токенов) другого вида (п. 7 Приложения 1 к Декрету № 8). Под вышеупомянутым термином понимается так называемое первичное размещение токенов (*initial coin offering*), при котором размещение цифровых знаков подпадает под цель привлечения инвестиций.

Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 «Виды экономической

деятельности», утвержденный постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 5 декабря 2011 г. № 85 выделяет «вспомогательную деятельность в сфере финансовых услуг и страхования», куда входит «прочая деятельность, осуществляемая с цифровыми знаками (токенами)». Этот подкласс включает деятельность (операции) по созданию и размещению (не для собственного потребления) собственных цифровых знаков (токенов).

В Гражданском кодексе Республики Беларусь ничего не говорится о цифровых объектах как объектах гражданских прав, в нем нет упоминаний о деятельности по созданию и размещению цифровых знаков (токенов). Имеется только положение ч. 3 п. 1. ст. 1 относительно того, что «к предпринимательской деятельности не относится деятельность по приобретению и (или) отчуждению цифровых знаков (токенов)». Общие положения Гражданского кодекса Республики Беларусь о создании доходов общей собственности, управлении ими и их распределении, законодательные нормы, регулирующие совершение финансовых операций посредством смарт-контрактов, использование счетов эскроу приближают возможность токенизации разнообразных активов в Беларуси.

Что касается белорусского цифрового рубля, то Указ Президента Республики Беларусь от 16 января 2026 г. № 19 «О криптобанках и отдельных вопросах контроля в сфере цифровых знаков (токенов)» легализовал деятельность криптобанков (резидентов ПВТ) – акционерных обществ, совмещающих банковские операции и работу с токенами, установив двойной контроль со стороны Национального банка Республики Беларусь и ПВТ. Таким образом, данное акционерное общество (криптобанки, которые введены в государственную финансовую систему) получают возможность проводить операции с токенами.

Для банков определены конкретные сроки, когда нужно обеспечить возможность расчетов в цифровых рублях. Одновременно развивается применение цифрового рубля в бюджетном процессе.

Цифровой рубль на базе блокчейн схож с криптовалютами. Но криптовалюты представляют собой децентрализованные финансы, они «хранятся» у всех, кто когда-то участвовал в сделке. Цифровые валюты блокчейн являются централизованными, вся информация хранится в Национальном банке Республики Беларусь.

Из-за незначительного опыта реализации цифрового рубля пока сложно оценить практическую значимость нововведений. В научной среде также высказываются самые разные позиции по данному вопросу, среди них преобладают пессимистические. Цифровая валюта центрального банка – довольно затратный и рискованный проект, который вряд ли сможет оправдать возлагающиеся на него надежды [41, с. 187].

Несмотря на имеющийся потенциал, широкое внедрение цифровых валют центральных банков должно основываться на взвешенной денежно-кредитной политике, обеспечивающей устойчивость денежной системы страны и стабильность национальной валюты [42, с. 186]. Эмиссия цифровых рублей будет содействовать выполнению Национальным банком Республики Беларусь возложенных на него функций. Целями выпуска цифровых валют центральных банков определены совершенствование платежной системы, повышение спроса на национальную валюту за счет надежности и безопасности платежей, снижение затрат на денежное обращение, формирование платежной системы на основе цифровых валют центральных банков для трансграничных расчетов между странами – экономическими партнерами [43, с. 57].

Как видим, государства – участники ЕАЭС (Беларусь, Казахстан, Россия) вводят в гражданский оборот цифровые знаки (токены). Несмотря на риски, создание, размещение, обращение цифровых знаков (токенов) с помощью специальных инвестиционных интернет-платформ могут способствовать привлечению инвестиций. Так в условиях цифровой трансформации появляются цифровые инвестиции [44].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Реализация идеи цифровой трансформации общественных отношений в сфере экономики будет невозможна без правовых преобразований, в основе которых лежит политическая воля государства, направленная на решение задач цифровой экономики. В результате токенизации активов появляются «цифровые объекты», при определении правового режима которых следует учитывать их инвестиционную природу и возможность их использования при осуществлении инвестиций.

2. В рассмотренных юрисдикциях (на примере Беларуси, России, Казахстана) регулирование цифровых объектов находится на разных стадиях раз-

вития, наблюдаются некоторые различия в подходах к этому регулированию.

В целом для рассматриваемых стран характерно постепенное движение к легализации цифровых объектов и сбалансированному регулированию.

Специфика российской модели регулирования характеризуется особым подходом к определению правового статуса цифровых активов и порядку их обращения. Законодательное развитие постепенно получают практически все виды цифровых объектов.

Белорусские токены, или, как их часто называют, токенизированные облигации, по экономической сути аналогичны традиционным облигациям, а по технологической сути – ЦФА. Белорусское зако-

нодательство позволяет выпускать токены лишь для привлечения заемных средств, а рынок первичного размещения токенов Беларуси базируется на токенизации долговых обязательств. Порядок выпуска токенов для оформления прав на иные объекты в законодательстве пока не определен.

В Казахстане цифровизация экономических отношений, как правовое обеспечение функционирования цифровых объектов, носит комплексный характер, более сбалансированной является государственная политика в указанной сфере.

3. Цифровая экономика постепенно становится фундаментом современного инвестиционного процесса. Ее ключевая особенность заключается в трансграничном характере: цифровые активы, токены и платформы действуют одновременно в разных юрисдикциях, что может сделать национальные механизмы защиты инвесторов менее эффективными.

Одной из центральных проблем цифровой эпохи остается тот факт, что технологии развиваются быстрее, чем законодательство, и каждое государство стремится найти собственную модель правового регулирования, соответствующую уровню цифровизации экономики, общественным запросам и системе обеспечения цифрового суверенитета. Это обстоятельство порождает правовую неопределенность для ЕАЭС.

Различия в регулировании цифровых объектов, а также отсутствие унифицированного международного стандарта защиты инвестиций в цифровой экономике свидетельствуют о том, что регулирование цифровых активов не может быть универсальным: оно тесно связано с внутренними экономическими интересами и политической моделью государства. Различия национальных правовых систем и стратегий регулирования цифровых объектов сказываются на результатах поиска равновесия между инновационным развитием и правовой безопасностью.

Для успешного развития процесса цифровизации требуется выработка общей стратегии цифрового развития и согласованного законодательства.

Несмотря на то, что значительный массив вопросов в сфере цифровой экономики относится к сфере национального регулирования государств – членов ЕАЭС, встает задача гармонизации цифрового законодательства стран – участниц данного интеграционного объединения. На начальном этапе требуется сблизить терминологию, разработать единый понятийный аппарат, законодательно закрепить единую систему разновидностей цифровых объектов, определить их основные отличительные особенности с учетом технических характеристик цифровых объектов, квалифицировать цифровые объекты в качестве инвестиций и выработать обязательные требования к инвестированию в цифровые объекты (токенизированные активы) в целях защиты прав инвесторов (механизмы компенсации потерь инвесторов в случае мошенничества или технических сбоев, обеспечения кибербезопасности инвестиционных платформ).

Характеристики правовой сущности таких явлений, как цифровые (токенизированные) активы, процессы токенизации активов и осуществление операций с токенизированными активами, позволяют заключить, что цифровые инвестиции могут быть объединены в рамках единого правового режима.

Несмотря на предпринимаемые меры по правовому обеспечению цифровой трансформации общественных отношений, достаточно много теоретических и практических проблем в сфере цифровых инвестиций еще ждут решения. Пока из-за правовой неопределенности по-прежнему остро стоит проблема активизации привлечения цифровых инвестиций.

Очевидно, что в условиях постепенного перехода финансовых рынков к децентрализованным решениям, создания развитыми и развивающимися странами новой экосистемы, в основе которой технология блокчейн и технологии *Web 3.0*, правовое обеспечение инвестиционных процессов не может отставать от происходящих изменений.

Библиографические ссылки

1. Зеленкевич МЛ, Бондаренко НН, редакторы. *Цифровая трансформация экономики: теория и практика в интеграционных союзах*. Минск: Институт бизнеса БГУ; 2020. 227 с.
2. Вайпан ВА, Егорова МА, редакторы. *Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики*. Москва: Юстицинформ; 2019. 376 с.
3. Гирич МГ, Ермохин ИС, Левашенко АД. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах. *Вестник международных организаций*. 2022;4:176–192. DOI: 10.17323/1996-7845-2022-04-07.
4. Староверова ОВ. Правовое регулирование цифровых финансовых активов и цифровой валюты. *Цивилист*. 2022;3:6–15.
5. Маркевич ДС. Объекты правоотношений в сфере цифровой экономики: теоретический аспект. *Юстиция Беларуси*. 2020;1:76–79.
6. Власов АВ. Обзор понятий технологий распределенных реестров и цифровых активов в целях гармонизации их общего применения. *Russian Journal of Economics and Law*. 2022; 4:745–761.
7. Степанов ОВ, Цыганков ДГ. О формировании термина «цифровой знак (токен)» в юридической науке. *Вестник Белорусского государственного экономического университета*. 2023;6:92–98.
8. Хилjuta ВВ. Криптовалюта и токен – новые объекты гражданских прав. *Промышленно-торговое право*. 2018;3:21–23.
9. Воробей АВ. ICO как новая форма привлечения капитала. *Промышленно-торговое право*. 2017;10:22–26.
10. Салей ИВ, Артемьев НГ, Негареш СМ. Токен: понятие и правовая природа *Промышленно-торговое право*. 2018;2:45–48.

11. Савельев АИ. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений. *Закон*. 2018;2:36–51.
12. Новоселова Л. «Токенизация» объектов гражданского права. *Хозяйство и право*. 2017;12:29–44.
13. Санникова ЛВ, Харитонов ЮС. *Цифровые активы: правовой анализ*. Москва: Принт; 2020. 307 с.
14. Иванова СА, Горбачева ОЮ. Правовое содержание конструкции «цифровые финансовые активы». *Образование и право*. 2024;5:201–205.
15. Лисица ВН. Цифровые права и цифровая валюта как объект защиты в международном и российском инвестиционном праве. *Труды Института государства и права РАН*. 2023;18(4):134–149.
16. Лаптев ВА. Цифровые активы как объекты гражданских прав. *Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2018;2:199–204.
17. Манахова ИВ, Колмыков КА. Цифровые финансовые активы на современном финансовом рынке: систематизация опыта и трендов в России. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2025;2:116–126.
18. Аникина ИД. Тенденции развития инвестиционных сделок с использованием цифровых финансовых активов в российской экономике. *Фундаментальные исследования*. 2023;12:8–12.
19. Сысоев НС, Мухамбеталиева ОР. Проблемы внедрения и перспективы развития цифровых финансовых активов в России. *Фундаментальные исследования*. 2024;3:48–52.
20. Агеев ВН, Власов АВ. Потенциал применения цифровых финансовых активов. *Финансовый журнал*. 2020;6:100–112.
21. Шубенкова КВ, Малахова ЕП. Особенности правового регулирования цифровых финансовых активов в Российской Федерации. *Правовая парадигма*. 2024;4:92–97.
22. Бабанская АС. Угрозы и уязвимости легализации (отмывания) преступных доходов и финансирования терроризма в инфраструктурном секторе выпуска, учета и обращения цифровых финансовых активов. *Вестник евразийской науки*. 2025;17(2):91FAVN225.
23. Филиппова АИ, Самойлова АК. К вопросу совершенствования правового регулирования цифровых прав. *Криמיнологический журнал*. 2023;3:214–219.
24. Куницкая ОМ. Цифровые знаки (токены) в системе объектов гражданских прав и как инвестиции по законодательству Республики Беларусь. *Право.бу*. 2020;3:34–39.
25. Лаптева АМ. *Инвестиционные режимы. Правовые аспекты*. Москва: Юрайт; 2023. 284 с.
26. Городничев ИМ. Правовое регулирование в области цифровых активов (опыт Республики Казахстан). *Аграрное и земельное право*. 2025;2:266–268. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_266.
27. Амангельды АА. Внедрение норм о цифровых технологиях в законодательство Республики Казахстан. *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. 2021;3:34–43.
28. Қойшыбайұлы Қ, Копбаев ДЗ, Бидайшиева АБ. Правовое регулирование блокчейн и криптовалют: проблемы и перспективы выпуска токенов и их оборот на территории Республики Казахстан. *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*. 2023;1:98–107.
29. Мустафаев МГ. Правовое регулирование интеграции цифрового пространства ЕАЭС. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2024;1:107–115.
30. Калугин ВИ. Адвокатура и защита прав инвесторов в цифровой экономике: коллизии юрисдикций и правовая определенность. *Евразийская адвокатура*. 2025;5:117–123. DOI: 10.47643/1815-1329_2025_2_266.
31. Карапетян АМ. Развитие цифровых платформ в ЕАЭС: теоретические и практические аспекты. *Право и управление. XXI век*. 2025;3:108–119. DOI: 10.24833/2073-8420-2025-3-76-108-119.
32. Тулейко Е. Концепция цифровой платформы инвестиционных и инновационных проектов ЕАЭС. *Наука и инновации*. 2021;12:50–55. DOI: 10.29235/1818-9857-2021-12-50-55.
33. Семенов АЮ, Котова ВА. Токенизация финансовых активов: теория и практика в Республике Беларусь. В: Королёва АА, редактор. *Тенденции экономического развития в XXI веке. Материалы III Международной научной конференции; 1 марта 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 481–484.
34. Фазлиева ЛК. Цифровые активы в российском праве: правовая регламентация и правоприменительная практика. *Вестник Уральского юридического института МВД России*. 2023;4:63–66.
35. Кочергин ДА. Современная токенизация денег и активов: формы, особенности и перспективы для России. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2025;3:407–447. DOI: 10.17323/1813-8691-2025-29-3-407-447.
36. Савельев АИ. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав. *Закон*. 2017;8:136–153.
37. Толкачев АЮ, Жужжалов МБ. Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2018;9:91–135.
38. Костко ВС, Скловский КИ. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость. *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2018;8:115–143.
39. Саженов АВ. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей. В: Лаутс ЕБ, редактор. *Современные информационные технологии и право*. Москва: Статут; 2019. с. 157–180.
40. Шайдуллина ВК. Зарубежный опыт использования цифровых финансовых активов в гражданском обороте. *Теория и практика общественного развития*. 2025;3:127–132. DOI: 10.24158/tipr.2025.11.31.
41. Толочко ОН. Правовая природа и перспективы цифровой валюты центрального банка. В: Михайловский ВС, Шидловский АВ, Шевко НМ, редакторы. *Совершенствование механизма государственного управления в условиях цифровизации общества и государства. Материалы Международного круглого стола; 29 сентября 2023 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2023. с. 181–188.
42. Ситник АА. Цифровые валюты центральных банков. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. 2020;9:180–186. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.73.9.180-186.
43. Осмоловец С. Зарубежный опыт эмиссии цифровой валюты центральных банков. *Банкаўскі веснік*. 2023;3:49–58.
44. Илюхина ДЮ. Правовое регулирование инвестиционной деятельности в условиях цифровой экономики. *Предпринимательское право*. 2023;3:42–48.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.1

НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СИСТЕМЕ ОБЩИХ УСЛОВИЙ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В. Н. БИБИЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются вопросы системы и значения общих условий судебного разбирательства уголовных дел. В их состав включены положения, касающиеся принципов уголовного процесса, участников судебного заседания, вынесения судебных решений и другие положения. Отмечается, что общие условия судебного разбирательства – это прием законодательной техники, который помогает контурно уяснить содержание стадии судебного разбирательства. Среди них непосредственность исследования доказательств имеет наиболее важное значение, поскольку суд должен основывать свои решения только на тех доказательствах, которые восприняты им непосредственно. Непосредственность является методом исследования доказательств в уголовном процессе.

Ключевые слова: суд; судебное разбирательство; принципы; непосредственность исследования доказательств; метод; уголовный процесс; уголовное дело.

Образец цитирования:

Бибилло В.Н. Непосредственность исследования доказательств в системе общих условий судебного разбирательства уголовных дел. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2026;1:75–83.
EDN: UNVDMR

For citation:

Bibilo VN. Immediacy of evidence examination in the system of general conditions of criminal trials. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2026;1:75–83. Russian.
EDN: UNVDMR

Автор:

Валентина Николаевна Бибилло – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета.

Author:

Valentina N. Bibilo, doctor of science (law), full professor; professor at the department of criminal procedure and directorate of public prosecutions, faculty of law.
zagorovskaja@bsu.by

IMMEDIACY OF EVIDENCE EXAMINATION IN THE SYSTEM OF GENERAL CONDITIONS OF CRIMINAL TRIALS

V. N. BIBILO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. This article examines the system and significance of general conditions for criminal trial proceedings. These include provisions concerning the principles of criminal procedure, participants in the court hearing, the rendering of judicial decisions, etc. General conditions for trial proceedings are a legislative technique that helps to clearly understand the content of each stage of the trial. Among these, the immediacy of the evidence examination is of the greatest importance, as the court must base its decisions only on evidence directly perceived by the court. Immediacy is a method of examining evidence in criminal proceedings.

Keywords: court; trial; principles; immediacy of evidence examination; method; criminal trial; criminal case.

Введение

Закрепление в ст. 6 Конституции Республики Беларусь разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную послужило стимулом к исследованию проблем теории и практики реализации судебной власти в уголовном процессе. Возможности суда как органа правосудия по уголовным делам были значительно расширены. Традиционно уголовный процесс разделяется на досудебную и судебную уголовно-процессуальную деятельность, которая, в свою очередь, включает конкретные стадии. Среди них стадия судебного разбирательства имеет основополагающее значение, поскольку на данном этапе решаются вопросы виновности и наказуемости лица. Отдельные особенности этой стадии изложены в гл. 34 «Общие условия судебного разбирательства» Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК). Они касаются статуса суда, участников судебного заседания, мер воздействия на нарушителей порядка в судебном заседании и других аспектов.

Формирование в законодательстве общих условий судебного разбирательства происходило постепенно. Впервые в советской юридической литературе его провела Н. Я. Калашникова [1], позже Н. А. Дудко в диссертационном исследовании [2] уточнила их значение и классификацию. В белорусской юридической литературе данная проблема не исследовалась отдельно, хотя некоторые ее аспекты излагались в учебной литературе. В государствах, возникших на постсоветском пространстве, она также является актуальной.

Общие условия судебного разбирательства имеют различную направленность, среди них названа непосредственность исследования доказательств. Значимость данного явления достаточно емко охарактеризовал Л. А. Запляпин: «Не вызывает сомнений, что непосредственность есть инвариантный элемент системы судебного разбирательства для многих исторических периодов судопроизводства. В этом проявляется сама суть суда: если нет непосредственности исследования доказательств судом, то и нет суда как такового» [3, с. 33].

Устав уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г., действие которого распространялось и на белорусские земли, не использовал понятие «непосредственность», вместо него применялся термин «устность». Во второй половине XIX в. в юридической литературе появилось предложение о замене понятия «устность» термином «непосредственность» [4, с. 565].

Октябрьская революция 1917 г. привела к преобразованию судостроительной и судопроизводительной системы России. Однако уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922 и 1923 г. не привнесли ничего нового в понимание самой сути непосредственности в уголовном процессе. Только в результате реформы законодательства СССР в конце 1950-х – начале 1960-х гг. данный вопрос стал объектом пристального внимания. В уголовно-процессуальных кодексах союзных республик впервые было сформулировано требование к суду о применении правила непосредственности исследования доказательств. Началась научная разработка этого понятия. Всестороннее исследование проблемы непосредственности в советском уголовном процессе провел В. Д. Шундилов [5]. Однако еще до включения в законодательство нормы о непосредственности исследования доказательств В. Я. Лившиц в конце 1940-х гг. отмечал: «Принцип непосредственности определяет одно из условий работы суда над доказательствами» [6, с. 10]. Такой подход составляет основу его деятельности.

С учетом практической значимости непосредственности исследования доказательств в уголовном процессе данная проблема продолжает оставаться актуальной (особенно такие ее аспекты, как категориальная принадлежность, степень распространения на досудебную уголовно-процессуальную деятельность, а также применение к судебным проверочным стадиям). Дифференциация уголовно-процессуальных форм, заочный судебный процесс, использование искусственного интеллекта выявляют новые тенденции непосредственности в уголовном процессе.

Основная часть

Среди стадий уголовного процесса в УПК определены общие условия их проведения только для коренным образом различающихся стадий предварительного расследования и судебного разбирательства. В гл. 34 УПК «Общие условия судебного разбирательства» перечислены такие условия, как непосредственность, устность, непрерывность судебного разбирательства (ст. 286), гласность (ст. 287), неизменность состава суда (ст. 288), процессуальное положение председательствующего в судебном заседании (ст. 290), статус секретаря судебного заседания (ст. 291), статус запасного судьи или народного заседателя (ст. 289), равенство прав сторон и их участие в судебном разбирательстве (ст. 292, 294, 296, 297), участие лиц, содействующих правосудию (ст. 298–300), особенности производства по уголовному делу в судебном заседании (ст. 301–306), меры воздействия на нарушителей порядка в судебном заседании (ст. 307), фиксирование хода судебного заседания и ознакомление с его результатами (ст. 308, 308¹, 309), рассмотрение замечаний на материалы фиксирования хода судебного заседания (ст. 310).

Ввиду многочисленности общих условий судебного разбирательства возникает вопрос об их классификации.

Как отмечает Н. А. Дудко, общие условия судебного разбирательства определяют метод и форму исследования доказательств, субъекты исследования доказательств, пределы судебного разбирательства, основания и порядок разрешения вопросов, возникающих во время судебного разбирательства, требования к процессуальному закреплению в протоколе судебного заседания деятельности по исследованию обстоятельств дела^{1*}. Схожие критерии предлагает Г. С. Садиев^{2*}. Несколько иные основания дифференциации общих условий судебного разбирательства выдвигает Н. В. Ткачева, разделяя их на три группы: 1) условия, регламентирующие процедуру производства; 2) условия, определяющие форму и содержание процессуальных решений в пределах предъявленного обвинения; 3) условия, регулирующие взаимоотношения участников в соответствии с их функциональной принадлежностью [7, с. 66–67].

Несмотря на то что перечень общих условий судебного разбирательства достаточно обширен и охватывает разные стороны судебного заседания в стадии судебного разбирательства, отдельные авторы предлагают уточнить его, дополнить либо видоизменить.

М. О. Шарапутдин считает, что при определении общих условий судебного разбирательства надо руководствоваться пониманием типологических

свойств уголовного процесса. Если речь идет о континентальной правовой системе, то их необходимо подчинить поиску и установлению объективной истины. Смешанная модель уголовного процесса характеризуется фундаментальным различием между судебными и досудебными стадиями ввиду их контраста. Досудебное производство носит в основном розыскной характер, а судебное – состязательный характер, при этом суд должен занимать активную позицию во время исследования доказательств, что необходимо для выявления объективной истины [8, с. 261–262]. По этой причине М. О. Шарапутдин предлагает перенести нормы о состязательности сторон из принципиальных положений всего уголовного процесса в главу УПК, регламентирующую общие условия судебного разбирательства, для чего требуется конкретизация состава участников сторон [8, с. 262]. А. С. Александров пишет: «Для уголовного процесса должны быть выделены в качестве принципов правила, способные оказать влияние на формирование порядка судопроизводства» [9, с. 166]. Б. Т. Безлепкин обосновывает необходимость дополнить общие условия судебного разбирательства положениями, касающимися мер пресечения, отложения и приостановления производства, участия судебного пристава [10, с. 34–35, 45–46, 49–51]. Д. А. Мезинов предлагает в отдельных статьях УПК более точно и полно сформулировать условия непосредственности и устности [11, с. 33].

Достаточно обширный перечень общих условий судебного разбирательства уголовных дел содержится в УПК. Вряд ли найдутся объективные основания расширять их новыми положениями, иначе не удастся избежать поверхностного изложения разделов УПК, касающихся конкретных этапов стадии судебного разбирательства. С учетом установившейся тенденции на ускоренный порядок производства по уголовным делам, а также использование цифровых технологий в уголовном процессе, которое отразится на состоянии непосредственности исследования доказательств и устности, в формулировании этих положений в самостоятельных статьях УПК нет необходимости.

Ввиду того, что общие условия судебного разбирательства занимают столь значимое место в системе норм УПК, возникает вопрос о том, к какой категории уголовного процесса их можно отнести.

Российские юристы второй половины XIX – начала XX в., а также многие советские и современные ученые общие условия судебного разбирательства рассматривают в качестве принципов уголовного процесса [12, с. 60; 13, с. 301–302; 14, с. 16–20;

^{1*} Дудко Н. А. Общие условия судебного разбирательства в системе гарантий социалистического правосудия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1985. С. 13.

^{2*} Садиев Г. С. Общие условия судебного разбирательства в уголовном процессе Республики Казахстан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Бишкек : Кыргызско-рос. слав. ун-т, 2017. С. 6.

15, с. 30–34; 16, с. 73]. Проведя сравнительный анализ принципов уголовного процесса и общих условий судебного разбирательства, Г. С. Садиев пришел к выводу, что общие условия главного судебного разбирательства являются менее обобщенными, чем принципы уголовного процесса, но не такими конкретными, «как отдельные требования УПК к тому или иному судебному действию или решению. Их основная задача – урегулировать ситуацию, которую УПК конкретно не регламентирует. Общие условия судебного разбирательства в данном случае просто распространяются на эту ситуацию»^{3*}. Довольно пространное понимание общих условий производства в суде первой инстанции приводит Н. В. Ткачева, определяя их как «совокупность самостоятельных по содержанию, взаимосвязанных и объективно обусловленных требований, образующих качественное единство для эффективного решения задач судопроизводства и достижения его целей» [7, с. 58]. Из этого определения вытекает, что общие условия судебного разбирательства представляют собой «требования». Но к требованиям можно отнести любые нормы права, особенно имеющие императивный характер. Такая чрезмерно общая дефиниция не проясняет вопрос о том, к какой категории уголовно-процессуального права можно отнести общие условия судебного разбирательства.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что общие условия судебного разбирательства определяются как правила, принципы и начала. В законодательстве используется термин «условия», являющийся наиболее удачным, всеобъемлющим, поскольку в его смысл входят следующие компоненты: обстоятельство, от которого что-либо зависит; правила, установленные в какой-либо области жизни, деятельности; обстановка, в которой происходит что-либо^{4*}.

В действующем УПК определены общие условия проведения двух стадий уголовного процесса (предварительного расследования и судебного разбирательства), являющихся наиболее продолжительными по времени и разнообразными по характеру уголовно-процессуальных действий. Вместе с тем этот факт не означает, что общие условия не присущи другим стадиям. Исходя из содержания конкретной стадии, можно вывести ее общие условия. Если проанализировать общие условия стадии судебного разбирательства, которые отражены в УПК, то можно заметить, что туда включены положения, не только касающиеся принципов правосудия, но и относящиеся к участникам судебного заседания, исползованию доказательств, вынесению судебных решений. Это обстоятельство позволяет сделать вывод, что общие условия представляют собой собирательное понятие. В некоторой мере они, безусловно, способствуют пониманию принципов правосудия, однако

ограничиваться этим фактом не стоит. Общие условия конкретных стадий являются приемом законодательной техники, который помогает без лишних повторений уяснить общую картину стадии уголовного процесса. Попытки отыскать специфические принципы, присущие конкретным стадиям, приводят к смешению понятий «принципы», «задачи», «функции» и других терминов, что недопустимо в методологическом отношении. Добиваясь «чистоты» в понимании принципов, не надо забывать о том, что существуют иные, не менее емкие понятия, из которых в итоге складывается сущность уголовного процесса и его конкретных стадий.

Среди общих условий судебного разбирательства названа непосредственность исследования доказательств, согласно которой «суд должен заслушать показания обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, огласить и исследовать заключения экспертов, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы и другие документы, произвести иные судебные действия по исследованию доказательств» (ч. 1 ст. 286 УПК).

В структуре доказывания УПК выделяет следующие элементы: собирание доказательств, их проверка и оценка. Об исследовании доказательств в гл. 11 «Доказывание» УПК не упоминается. Однако в ст. 286 рассматриваемого кодекса применительно к непосредственности в уголовном процессе используется понятие «исследование доказательств». Что же понимать под этим термином? А. А. Михайлов пришел к выводу, что «исследование доказательств в уголовном процессе следует рассматривать не как один из элементов доказывания, а как технологию познания, работы с доказательствами, предназначенную обеспечивать достижение истины» [17, с. 72]. Развернутое определение этого понятия предложил Р. С. Белкин, который отмечал, что «исследование доказательств – это познание следователем или судом их содержания, проверка достоверности существования тех фактических данных, которые составляют содержание доказательства, установление согласуемости данного доказательства со всеми остальными доказательствами по делу» [18, с. 48]. Л. А. Зашляпин, отождествляя судебную деятельность, познание и исследование доказательств судом, пишет: «Понимание судебной деятельности как познания доказательств, представленных суду, необходимо всецело поддержать. В этом случае суд не собирает доказательства и не оценивает их при этом с позиции стороны, собравшей доказательства, а исследует их, что нужно понимать и как познание, поскольку использованный законодателем термин “исследование” вполне может расцениваться как познание» [3, с. 67]. Далее ученый уточняет, что «для суда доказывание есть познание уже имеющихся доказательств» [3, с. 68].

^{3*} Садиев Г. С. Общие условия судебного разбирательства...

^{4*} Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Сов. энцикл., 1970. С. 826.

Позиция указанных авторов такова, что суд ис- следует уже имеющиеся в материалах дела доказа- тельства. Однако вопрос заключается в следующем: может ли суд по собственной инициативе, минуя ходатайства сторон, истребовать новые доказатель- ства? Речь идет о возможности проведения судебных действий в целях выявления новых доказательств. Решение данной проблемы зависит от типа уголов- ного процесса. В состязательном уголовном процес- се такая активность суда минимальна, в основном она ограничивается оглашением уже имеющих- ся доказательств в материалах уголовного дела. Активность суда в форме собирания доказательств, по мнению М. Адамайтиса, свидетельствует о том, что статус суда способствует усилению процес- суального положения одной из сторон. Далее автор констатирует, что «чем активнее суд будет проявлять инициативу в собирании и исследовании доказа- тельств, тем сложнее ему будет пребывать в роли беспристрастного арбитра» [19]. В смешанном уго- ловном процессе (следственно-состязательном), который распространен в государствах с конти- нентальной системой права, активность суда вспомо- гательная, дополнительная, поскольку на него возлагается обязанность рассмотреть уголовное дело по уже имеющимся материалам. Одновременно суд должен создать обеим сторонам юридического конфликта равные условия для отстаивания своих интересов.

Без судебных действий на стадии судебного раз- бирательства невозможно осуществлять правосу- дие. В соответствии со ст. 6 УПК процессуальными действиями являются «предусмотренные настоя- щим Кодексом и производимые в соответствии с его положениями действия управомоченных на это должностных лиц, совершаемые в ходе производ- ства по материалам и уголовному делу» (п. 35). Исходя из данной формулировки, к процессуаль- ным действиям относятся следственные, судебные и иные уголовно-процессуальные действия. Пере- чень следственных действий и порядок их прове- дения определен в ст. 203–224 УПК. Что касается следственных действий, осуществляемых на стадии судебного разбирательства, лишь некоторые из них упоминаются в гл. 36 «Судебное следствие». Наряду со следственными действиями к процессуаль- ным действиям следует относить любые уголовно- процессуальные действия, проводимые прежде всего следователем, судом, которые не подпадают под перечень следственных действий, но способствуют производству по уголовному делу. Однако УПК использует понятие «процессуальные действия», которое является более обоснованным, поскольку дает возможность применять усмотрение (дискре- цию) правоприменителя. Для проведения любого следственного действия необходимо осуществить ряд процессуальных (уголовно-процессуальных)

действий. Так, очная ставка (ст. 222 УПК) состоит из таких процессуальных действий, как вызов для очной ставки двух ранее допрошенных лиц, в по- казаниях которых имеются существенные противоречия, разъяснение участникам очной ставки прав и обязанностей, предупреждение свидетеля и по- терпевшего об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний и т. д. Оказывается, что процес- суальные действия соединяют в себе следственные, су- дебные и иные уголовно-процессуальные действия, осуществляемые на протяжении всего уголовного процесса. По сравнению с предварительным рассле- дованием суд осуществляет следственные действия в преобразованном виде, благодаря чему они приоб- ретают статус судебных действий. В УПК необходимо определить, какие из следственных действий суд вправе производить в судебном разбирательстве, и более обстоятельно изложить специфику их осу- ществления [20, с. 395–396]. В юридической литера- туре содержатся различные предложения по этому вопросу, но превалирует термин «судебные действия следственного характера» [3, с. 71–75].

Таким образом, деятельность по расследованию и рассмотрению уголовных дел сопровождается исследованием доказательств. В законодательстве с определенной степенью детализации изложены правила собирания, проверки и оценки доказательств. Они образуют явление, которое можно в общем виде обозначить как «исследование доказательств», без которого невозможен уголовный процесс.

Судебное разбирательство является в некоторой мере обособленным от других стадий уголовного процесса, прежде всего благодаря непосредствен- ности исследования доказательств. На этом фоне предварительное следствие имеет второстепенное, подготовительное значение. В судебном разбира- тельстве осуществляется новое самостоятельное исследование доказательств даже при довольно качественном проведении предварительного рас- следования.

Какой же смысл необходимо вкладывать в само понятие «непосредственность исследования доказа- тельств»? Данная проблема давно обсуждается в юри- дической литературе. Еще в XIX в. С. Г. Щегловитов, сравнивая устность и непосредственность, отмечал, что термин «непосредственность» имеет преимущ- ество перед выражением «устность», поскольку устность определяет лишь форму представления до- казательств, а непосредственность ставит предъявле- ние доказательств в соотношение с целью судебного рассмотрения, заключающегося в исследовании дела по наилучшим и наиболее точным доказательствам. Отождествлять устность и непосредственность нельзя. Так, письменное доказательство не удовлетворяет по своей форме требованиям устности, но может вполне соответствовать требованиям непосредственности,

поэтому данные явления должны существовать параллельно и подразумевать друг друга [21, с. 130]. С. И. Викторский полагал, что под непосредственностью следует понимать устранение, насколько это возможно, всего, что стоит между судьей, постановляющим приговор, и доказательствами. В результате оказывается, что выводы судьи о том или другом обстоятельстве дела являются, как и все судебное решение, результатом личного наблюдения судьи [14, с. 33].

В советском уголовно-процессуальном законодательстве конца 1950-х – начала 1960-х гг. указывались признаки проявления непосредственности, но не содержалась дефиниция ее сущности. По мнению М. А. Чельцова, непосредственность заключается в том, что судьи должны ознакомиться с доказательствами, содержащимися в материалах уголовного дела и полученными в ходе судебного процесса, путем личного восприятия [22, с. 367]. М. С. Строгович считает, что содержание непосредственности состоит в требовании об отсутствии промежуточных звеньев между судом и доказательствами, на основании которых суд решает дело, непосредственного восприятия судом этих доказательств и их статуса первоисточника «сведений о фактах, имеющих значение для дела» [23, с. 157]. Современные авторы также придерживаются мнения, что непосредственность является правилом или требованием доказывания в стадии судебного разбирательства. Так, Ю. Л. Бурносова отмечает, что «непосредственность – это правило уголовного судопроизводства, согласно которому неизменный состав суда путем личного восприятия в ходе состязательного судебного разбирательства в устной форме исследует представленные стороной обвинения и защиты доказательства с участием подсудимого, его защитника, государственного обвинителя, других участников уголовного судопроизводства для принятия законного, обоснованного и справедливого итогового решения по уголовному делу на основании сложившегося объективного внутреннего убеждения» [24, с. 28]. Н. В. Ткачева определяет непосредственность в уголовном процессе как «требование» [7, с. 58].

Однако к правилам и требованиям в уголовном судопроизводстве можно отнести любые нормы права, особенно имеющие императивный характер. Такая чрезмерно общая дефиниция не проясняет вопрос о том, какой категорией уголовно-процессуального права является термин «непосредственность».

Непосредственность исследования доказательств традиционнo принято определять как самостоятельный принцип уголовного процесса или только общее условие стадии судебного разбирательства либо придавать ей двойственный характер. Так, Т. Н. Добровольская отмечает, что «требование непосредственного исследования доказательств

нельзя рассматривать в качестве только общего условия разбирательства дел в суде первой инстанции. Это самостоятельный принцип советского уголовного процесса, как и многие другие, весьма своеобразно проявляющийся в различных стадиях судопроизводства» [15, с. 174–175].

Мнение о том, что непосредственность исследования доказательств является принципом уголовного процесса, довольно распространено в юридической литературе. Однако возникает следующий вопрос: этот принцип является самостоятельным или вытекает из других принципов? Например, П. Ф. Пашкевич указывает на вспомогательную роль непосредственности по отношению к принципу объективной истины [25, с. 80]. А. С. Александров отмечает, что форма уголовного судопроизводства дает «бытие системе принципов» [9, с. 166]. А. Н. Склизов рассматривает принцип непосредственности как конкретизацию принципа независимости судей [26, с. 76].

При решении вопроса об отнесении того или иного положения к принципам уголовного процесса необходимо учитывать, что принцип должен отражать природу уголовного процесса, находиться в соответствии с его сущностью, иметь уголовно-процессуальное, а не общеправовое значение, выражаться в нормах права или вытекать из их системы, действовать на всех этапах уголовного процесса, обладать качественной определенностью и завершенностью. При конструировании системы принципов уголовного процесса необходимо иметь в виду, что к числу ее структурных элементов следует относить принципы, без которых сама система не может существовать. Выпадение одного из них приведет к остановке или нарушению запрограммированной работы всей системы. Сущность непосредственности в уголовном процессе в современном ее понимании не соответствует природе принципов уголовного процесса. Попытки отыскать специфические принципы, присущие конкретным стадиям уголовного процесса, приводят к смешению понятий «принципы», «задачи», «функции», что недопустимо в методологическом отношении. Добиваясь «чистоты» в понимании принципов, не надо забывать о существовании иных, не менее емких понятий, из которых складывается в итоге сущность уголовного процесса и его конкретных стадий [27, с. 45–46].

Следует согласиться с существующим мнением, что непосредственность является именно методом исследования в уголовном процессе обстоятельств, подлежащих доказыванию. Еще В. К. Случевский под непосредственностью усматривал «метод исследования собранного по делу фактического материала, благодаря которому открывается для судьи возможность проверить своими чувствами достоинства и недостатки выяснившихся по делу доказательств»^{5*}.

^{5*}Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство – судопроизводство. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. С. 53.

Схожую мысль высказывал Н. Н. Полянский, который при анализе Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1923 г. пришел к выводу о том, что непосредственность является методом отыскания истины в уголовном процессе, требующим воспроизведения судьей доказательств по делу без каких-либо посредствующих звеньев [28, с. 108].

Возникает следующий вопрос: непосредственность исследования доказательств в стадии судебного разбирательства присуща только суду или наряду с ним еще и участникам судебного процесса? Л. А. Зашляпин ограничивает непосредственность лишь компетенцией суда [3, с. 43–44]. Н. А. Дудко распространяет непосредственность не только на суд, но и на участников уголовного процесса и отмечает, что она «определяет метод исследования доказательств судом и участниками судебного разбирательства»^{6*}. Непосредственность пронизывает весь уголовный процесс, благодаря тому что она является методом исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию. Метод – это способ построения и обоснования знаний, совокупность приемов, ведущих к освоению действительности. Система проявления непосредственности исследования доказательств в уголовном процессе является разнообразной и предопределяется субъектами познания, прежде всего судом, а также участниками уголовного процесса в пределах их статуса. С учетом разнообразия стадий и присущих каждой из них возможностей в исследовании доказательств непосредственность на стадиях, следующих после вступления судебного приговора в законную силу, если не теряет своей природы, то может рассматриваться как тенденция, а не как полноценное явление. Данное обстоятельство можно объяснить следующим образом: на этих стадиях доказывание происходит путем исследования письменных материалов дела чаще, чем путем непосредственного восприятия судом устной информации, исходящей из первоисточника. Более того, вопрос о непосредственности исследования доказательств тесно связан с проблемой понимания самих доказательств. Важно, что суд имеет дело не с обстоятельствами совершенного преступления, а лишь с их следами на объектах материального мира и в сознании человека, письменно оформленными в соответствии с законодательством и приобщенными к материалам уголовного дела. Если бы судья воспринимал факт преступления (похищение имущества, убийство и т. п.), то он не имел бы статуса судьи по данному уголовному делу. Таким образом, можно заключить, что знакомство судьи с обстоятельствами дела всегда происходит через посредника (обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и т. п.). В связи с вышесказанным в законодательстве предусмотрены определенные гарантии, направленные на обеспечение получения от них наиболее

полных и точных сведений о факте совершения преступления. Что касается протоколов следственных действий и иных документов, то и здесь не обойтись без посредника – лица, которое письменно закрепило необходимую с его точки зрения информацию. Однако действующее законодательство к непосредственности относит информацию, воспринятую судом в зале судебного заседания, независимо от того, является она первоначальным или производным доказательством. Суд учитывает данное различие только при оценке доказательств. Неслучайно наряду с непосредственностью в названии ст. 286 УПК указаны устность и непрерывность, реализация которых предположительно усиливает непосредственность исследования доказательств.

Согласно УПК фундаментальное значение для правосудия имеет положение, в соответствии с которым в основу приговора могут быть положены только непосредственно исследованные судом в условиях судебного заседания доказательства, причем они могут относиться к двум разновидностям. Первую разновидность составляют сведения об обстоятельствах преступления, которые устно изложены участниками судебного процесса в условиях судебного заседания или получены в результате иных судебных действий. Ко второй разновидности относятся соответствующие протоколы следственных действий, а также иные документы, содержащиеся в материалах уголовного дела, из которых суд должен почерпнуть необходимую информацию, входящую в предмет доказывания. Не исключено возникновение необходимости в истребовании судом соответствующих доказательств. На основании всех материалов формируется приговор суда, при этом судья лично должен воспринимать имеющиеся и полученные доказательства, дифференцировать их на первоначальные и производные и оценивать соответствующим образом. Из этого общего правила известны два исключения. Первым исключением является оглашение в судебном заседании показаний, данных участниками судебного процесса на предварительном следствии. Если в показаниях выявлены противоречия, то их надо устранить. Второе исключение связано с наличием международного договора Республики Беларусь, заключенного с иностранными государствами на основе принципа взаимности. При необходимости производства на территории иностранного государства следственных действий суд вносит запрос об их производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства. Однако все эти ситуации не должны превратить судебный процесс в своеобразный ритуал, ограничившись лишь письменными источниками доказательств. У суда должно сложиться целостное представление о содержании доказательств, что позволит судье сформировать внутреннее убеждение.

^{6*} Дудко Н. А. Общие условия судебного разбирательства...

Использование непосредственности в исследовании доказательств значительно модифицируется, что связано с поисками новых уголовно-процессуальных форм расследования и рассмотрения уголовного дела. К тому же судебная система Беларуси нацелена на внедрение электронных технологий, предназначенных главным образом для ускорения судопроизводства. Особенно актуальным оказалось дистанционное взаимодействие, позволяющее допросить свидетелей и потерпевших, ко-

торые физически не могут присутствовать в зале судебного заседания. Видеоконференции способны изменить имидж судебного процесса, но не смогут полноценно заменить его. Так, демонстрация документов, других письменных доказательств будет затруднена, либо ее доказательная ценность будет снижена. В связи с вышесказанным подобный формат коммуникации в современном уголовном процессе следует применять в исключительных случаях.

Заключение

Общие условия судебного разбирательства уголовных дел изложены в самостоятельном разделе УПК, наличие которого, являясь своего рода приемом законодательной техники, помогает уяснить сущность и содержание уголовно-процессуальной деятельности на стадии судебного разбирательства, контурно определить ее структуру.

Среди общих условий судебного разбирательства своеобразное положение занимает непосредственность исследования доказательств, согласно которой суд должен заслушать показания обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, огласить и исследовать заключения экспертов, осмотреть вещественные доказательства, огласить протоколы и другие документы, произвести иные судебные действия по исследованию доказательств.

В структуре доказывания УПК выделяет такие элементы, как собирание, проверка и оценка доказательств. Деятельность по расследованию и рассмотрению уголовных дел сопровождается изучением доказательств. В законодательстве с определенной степенью детализации изложены правила собирания, проверки и оценки доказательств, что в конечном счете образует явление, в общем виде обозначаемое как исследование доказательств, без которого невозможен уголовный процесс.

В юридической науке распространено мнение, что непосредственность исследования доказательств

является принципом уголовного процесса. Однако при решении вопроса об отнесении того или иного положения к принципам уголовного процесса необходимо руководствоваться соответствующими критериями. Сущность непосредственности в уголовном процессе не соответствует природе принципов уголовного процесса.

Непосредственность представляет собой метод исследования доказательств. Система проявления непосредственности исследования доказательств в уголовном процессе является разнообразной и определяется субъектами познания, прежде всего судом, а также участниками уголовного процесса в пределах их статуса.

Использование цифровых технологий, искусственного интеллекта в сфере уголовного процесса способно изменить реализацию непосредственности исследования доказательств. Однако, как писал А. Ф. Кони, «законодательство, под влиянием временных ослеплений может, конечно, отступать назад и возвращаться к устарелым и отжившим учреждениям, но на коренные начала правосудия – гласность, устность, непосредственность и свободную оценку доказательств – оно серьезно посягнуть не решится. Эти приобретения человечества куплены слишком дорогою ценою многовековых страданий и заблуждений, чтобы с ними можно было легко и надолго расстаться» [29, с. 33–34].

Библиографические ссылки

1. Калашникова НЯ. *Общие условия судебного разбирательства в советском уголовном процессе*. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова; 1963. 96 с.
2. Дудко НА. *Общие условия судебного разбирательства в системе гарантий социалистического правосудия* [диссертация]. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова; 1984. 216 с.
3. Захляпин ЛА. *Судебные действия следственного характера как научная метафора*. Москва: Юрлитинформ; 2011. 320 с.
4. Чебышев-Дмитриев АП. *Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам, 20 ноября 1864 г. Часть 2*. Санкт-Петербург: [б. и.]; 1875. 756 с.
5. Шундигов ВД. *Принцип непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела*. Саратов: Издательство Саратовского университета; 1974. 158 с.
6. Лившиц ВЯ. *Принцип непосредственности в советском уголовном процессе*. Москва: Издательство Академии наук СССР; 1949. 208 с.
7. Ткачева НВ. *Механизм производства в суде первой инстанции по уголовным делам*. Москва: Юрлитинформ; 2023. 208 с.
8. Шарапутдин МО. Перечень общих условий судебного разбирательства в уголовном процессе: спорные аспекты. *Закон и право*. 2025;6:260–263. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-6-260-263.
9. Александров АС. Принципы уголовного судопроизводства. *Правоведение*. 2003;5:162–178.
10. Безлепкин БТ. *Настольная книга судьи по уголовному процессу*. Москва: Проспект; 2016. 400 с.

11. Мезинов ДА. К вопросу о перечне общих условий судебного разбирательства в уголовном процессе России. *Уголовная юстиция*. 2016;2:32–35. DOI: 10.17223/23088451/8/6.
12. Фойницкий ИЯ. *Курс уголовного судопроизводства. Том 1*. Смирнов АВ, редактор. Санкт-Петербург: Альфа; 1996. 552 с.
13. Розин НН. *Уголовное судопроизводство*. Санкт-Петербург: Право; 1914. 548 с.
14. Викторский СИ. *Русский уголовный процесс*. Москва: Городец; 1997. 448 с.
15. Добровольская ТН. *Принципы советского уголовного процесса*. Москва: Юридическая литература; 1971. 200 с.
16. Рябцева ЕВ. *Правосудие в уголовном процессе России*. Москва: Юрлитинформ; 2008. 416 с.
17. Михайлов АА. Принцип непосредственности как метод исследования доказательств в судебном разбирательстве уголовных дел. *Уголовная юстиция*. 2018;11:68–78. DOI: 10.17223/23088451/11/14.
18. Белкин РС. *Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы*. Москва: Наука; 1966. 295 с.
19. Адамайтис М. Право суда на инициативу в исследовании доказательств мешает его беспристрастности. *Российская юстиция*. 2003;11:32.
20. Бибило ВН. *Теория и история права, судопроизводства и уголовного процесса*. Минск: Право и экономика; 2020. 510 с.
21. Щегловитов С. О значении начал устности и непосредственности в уголовном процессе. *Журнал гражданского и уголовного права*. 1888;8:103–144.
22. Чельцов МА. *Советский уголовный процесс*. Москва: Юридическая литература; 1962. 503 с.
23. Строгович МС. *Курс советского уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса*. Москва: Наука; 1968. 470 с.
24. Бурносова ЮЛ. *Теоретические основы и практика применения правила непосредственности при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции*. Москва: Юрлитинформ; 2023. 216 с.
25. Пашкевич ПФ. *Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства*. Москва: Юридическая литература; 1984. 176 с.
26. Склизов АН. Принцип непосредственности в уголовном судопроизводстве: доктрина и законодательство. *Право и политика*. 2007;9:70–76.
27. Бибило ВН. *Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора*. Минск: Университетское; 1986. 158 с.
28. Полянский НН. *Вопросы теории советского уголовного процесса*. Москва: Издательство Московского университета; 1956. 271 с.
29. Кони АФ. *Собрание сочинений. Том 4*. Москва: Госюриздат; 1956. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики). с. 33–69.

Статья поступила в редколлегию 27.02.2026.
Received by editorial board 27.02.2026.

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

В. С. КРАСИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На основе анализа текста романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» исследуются закономерности преступной деятельности Раскольникова, а также закономерности раскрытия и расследования совершенного им преступления в контексте криминалистики. Рассматриваются материальная структура преступления, а также особенности проведения тактической операции приставом следственных дел Порфирием Петровичем, при котором в расследование вовлекаются лица, действующие по его поручению. Обосновывается значимость изучения романа «Преступление и наказание» в учреждениях высшего образования юридического профиля, а также ценность этого произведения для повышения профессионального мастерства работников правоохранительных органов.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский; роман «Преступление и наказание»; криминалистика; тактическая операция; материальная структура преступления; криминалистическая характеристика; раскрытие и расследование преступлений.

A FORENSIC TACTICAL OPERATION IN F. M. DOSTOEVSKII'S NOVEL «CRIME AND PUNISHMENT»

U. S. KRASIKAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. Based on the analysis of the text of F. M. Dostoevskii's novel «Crime and punishment», the article examines the patterns of Raskolnikov's criminal activity, as well as the patterns of disclosure and investigation of his crime in the context of criminology. The material structure of the crime is investigated, as well as the specifics of conducting a tactical operation by the bailiff of investigative affairs Porfirii Petrovich, with the involvement of persons acting on his behalf in the investigation. The importance of studying of the novel «Crime and punishment» in higher educational institutions of a legal profile, as well as in order to improve the professional skills of law enforcement officers, is substantiated.

Keywords: F. M. Dostoevskii; novel «Crime and punishment»; criminalistics; tactical operation; material structure of crime; criminalistic characteristics; detection and investigation of crimes.

Введение

В современном понимании криминалистика – это наука, изучающая «преступление (объект) как запрещенную законом деятельность, отображенную в объективной реальности. Познаваемость объекта

обусловливается следующими характеристиками: 1) познание свойств объектов (явлений) в результате их взаимодействия; 2) образование следов (материальных и идеальных) в ходе взаимодействия;

Образец цитирования:

Красиков В.С. Криминалистическая тактическая операция в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2026;1:84–93.
EDN: VIQBG

For citation:

Krasikau U.S. A forensic tactical operation in F. M. Dostoevskii's novel «Crime and punishment». *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2026;1:84–93. Russian.
EDN: VIQBG

Автор:

Владимир Сергеевич Красиков – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры криминалистики юридического факультета.

Author:

Uladzimir S. Krasikau, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminalistics, faculty of law.
krasikau@mail.ru

3) отражение в следах взаимодействия информации о таких объектах (явлениях)» [1, с. 7]. Сущность и содержание объекта (явления) в криминалистике изучаются через предмет науки, т. е. через закономерности преступной деятельности и закономерности возникновения доказательств (косвенных и прямых), их собирания (обнаружения, фиксации, сохранения), исследования, оценки и использования [2, с. 5–10].

Процессы познания преступной деятельности, раскрытия и расследования преступлений обычно отражаются в частных методиках в контексте криминалистики или оперативно-розыскной деятельности (ОРД), что в ходе обучения в учреждениях образования, а также повышения профессионального мастерства работников правоохранительных органов имеет важное значение. Однако без дидактического обеспечения процесса обучения сложно конкретизировать и раскрыть особенности изучения преступления, показать определенные психологические, организационные и тактические закономерности его расследования.

В связи с вышесказанным в криминалистике или ОРД возможна передача знаний более продуктивным способом, построенным на основе криминалистического анализа материальной структуры преступления и криминалистической характеристики элементов этой структуры в контексте расследования, описанного в литературном произведении, которое изучают в системе среднего образования. Этим произведением является роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» [3], занимающий особое место в классической и мировой литературе, поражающий метафизической, философской, психологической глубиной, учитываемыми в практической деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

Ключом к пониманию искусной деятельности¹ по раскрытию и расследованию преступлений является метод криминалистического анализа материальной структуры преступления, разработанный А. В. Дуловым и А. Е. Гучком. С точки зрения криминалистики, ОРД и судебной психологии интерес представляют объект преступного посягательства и преступления, субъект преступления, предмет преступления и предмет преступного посягательства, способ (орудие) совершения преступления [4, с. 141].

Как справедливо заметил А. В. Дулов, нужно найти такую совокупность материальных объектов, обязательно имеющуюся в системе и являющуюся характерной для преступления, познание которой обеспечит полное выявление всех его обстоятельств [5, с. 9]. Развивая данную идею в контексте раскрытия и расследования преступлений, необходимо в криминалистическом аспекте дать характеристику² этим материальным объектам, выявить и исследовать факты (результаты) их взаимодействия (как материальную, так и идеальную следовую картину), установить логическую связь между материальными объектами и следовой картиной, выражаемую через непротиворечивую версию о модели преступления и закономерности его расследования, описать организационные и интеллектуальные аспекты тактики, применяемые в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, охарактеризовать и оценить роль (линию поведения) субъектов, вовлеченных в процесс раскрытия и расследования преступлений.

В этом отношении роман ценен еще и тем, что в нем Ф. М. Достоевский не только объясняет, как и почему Раскольников совершил преступление, но и описывает, каким образом производилось его расследование и раскрытие через действия конкретных персонажей, вовлеченных в этот процесс. Конечно, цель художественного произведения не заключалась в описании алгоритма (методики) расследования и раскрытия, однако автор завуалированно (зашифровано) отобразил организационные и интеллектуальные элементы криминалистической тактики по всему тексту через размышления и деятельность субъектов, участвующих в расследовании, что является предметом изучения настоящей статьи.

В связи с вышесказанным произведение Ф. М. Достоевского дает отличный фактический (дидактический) материал, который можно использовать в практической деятельности работника правоохранительного органа в целях повышения профессионального мастерства, а также обучения дисциплинам «Криминалистика», «Основы оперативно-розыскной деятельности», «Психологическое обеспечение следственной и оперативно-розыскной деятельности» и др.

Основная часть

Внешняя обстановка в общественных отношениях, обуславливающих закономерности раскрытия и расследования преступлений. Как отмечает А. Н. Першкина, «время основного действия “Преступления и наказания” – лето 1865 года в Пе-

тербурге... Это пограничное время сразу для нескольких реформ, затрагивающих следственную и судебную практику. Во-первых, 20 ноября 1864 года были выпущены новые Судебные уставы, которые должны были в корне изменить весь судебный процесс:

¹Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики // Юридическая психология : сайт. URL: <http://yurpsy.com/files/biblio/gross/02.htm> (дата обращения: 03.02.2025).

²В контексте статьи характеристика отражает значимость явления или действия в конкретном механизме преступного деяния, их причинно-следственные связи, повлекшие наступление общественно опасных последствий.

добавить новых участников, вроде адвокатов и присяжных, смягчить ряд наказаний и изменить градацию и ценность доказательств. Но к середине 1865 года они еще не успели вступить в силу. До реформы вся судебная система была репрессивной, ее основной целью было доказать виновность уже пойманного человека. «Оправдательный приговор был практически невозможен. Принцип презумпции невиновности не был известен дореформенному суду»... Доказательства делились на совершенные и несовершенные, то есть те, которых было достаточно для вынесения приговора, и те, которые требовали дополнительных улик или свидетельств. Например, показания одного человека были несовершенным доказательством, совпадающие показания двух человек – совершенным. Особое положение занимало личное признание подсудимого, оно характеризовалось как «лучшее свидетельство всего света»... и позволяло тут же вынести вердикт. Как описывают юристы практику того времени, в реальности работало только оно... Именно признания добивался суд от обвиняемого, предъявляя улики и свидетельства не общественности, а самому человеку, которого подозревали в преступлении, чтобы он понял, что ему не избежать наказания. Для того, кто попал на скамью подсудимых, было всего два варианта: его могли признать виновным или за неимением признания оставить под подозрением. В большинстве случаев это означало, что он по-прежнему находился в заключении, пока проводилось новое расследование. <...> Убийство старухи-процентщицы и Лизаветы произошло 9 июля 1865 года» [6, с. 161–162].

Криминалистическая характеристика Раскольникова как субъекта совершенного им преступления. Как справедливо отмечает О. В. Парилов, «в романах Достоевского отсутствуют люди труда, созидатели. Работа его персонажей – думать (Р. Раскольников). Студент юридического факультета ни дня не сидит на студенческой скамье, но блуждает по значным местам Санкт-Петербурга, обдумывая свою теорию» [7, с. 29]. Большую часть времени Раскольников думает [3, с. 51]. Именно в этой особенности обнаруживается одно из определяющих условий преступного действия (субъекта), о котором предупреждал Конфуций: «Учиться и не размышлять – напрасная трата времени. Размышлять и не учиться губительно» [8, с. 121].

Кто же такой Раскольников? Его характеризуют несколько важных обстоятельств. Во-первых, он является любимым сыном матери, воспитавшей его без отца, которая боготворит ребенка, возлагая на него большие надежды, что следует из ее странного письма [3, с. 51–61]. Во-вторых, Раскольников в университете «почти не имел товарищей, всех чуждался, ни к кому не ходил и у себя принимал

тяжело. Впрочем, и от него скоро все отвернулись. Ни в общих сходках, ни в разговорах, ни в забавах, ни в чем он как-то не принимал участия. Занимался он усиленно, не жалея себя, и за это его уважали, но никто не любил. Был он очень беден и как-то надменно горд и несообщителен; как будто что-то таил про себя. Иным товарищам его казалось, что он смотрит на них на всех, как на детей, свысока, как будто он всех их опередил и развитием, и знанием, и убеждениями, и что на их убеждения и интересы он смотрит как на что-то низшее» [3, с. 72]. В-третьих, оставив обучение в университете на юридическом факультете, Раскольников перестал зарабатывать уроками, влез в долги, с некоторого времени «был в раздражительном и напряженном состоянии, похожем на ипохондрию»³. Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже всякой встречи... Он был задавлен бедностью; но даже стесненное положение перестало в последнее время тяготить его. Насущными делами своими он совсем перестал и не хотел заниматься» [3, с. 27]. В-четвертых, Раскольников – явно психически нездоровый человек, впавший в уныние, и это состояние проявилось задолго до преступления (постоянная депрессия, равнодушие и неразборчивость в еде, сновидения, неотличимые от галлюцинаций, бесцельное блуждание по улицам города, приливы эмоциональной и физической активности (сентиментальная попытка «защитить» пьяную девушку и ситуационные подаяния денег незнакомым ему людям), заикливание (мономания) на изобретенной, как ему казалось, идее о позволительности убийства для всеобщего блага).

Анализ личности Раскольникова в криминалистическом контексте выявляет противоречие с характеристикой героя, данной О. В. Париловым: «Душа человека трисоставна: чувство, ум, воля. Вначале дьявол поражает сердце (чувство) Раскольникова: как и Каин, он огорчился. Родион – фигура изначально милосердная, жертвенная: рискуя жизнью, спасает детей из огня, ухаживает за смертельно больным товарищем, а после его смерти – за его престарелым отцом, но жертвы его отвергнуты. Невеста главного героя умирает, сам он в нищете, сестра готова продать себя подлецу Лужину. И вообще, мир несправедлив: негодяи благоденствуют, а добрые, милосердные страдают (на этой почве он и изобретает теорию о возможности пролить кровь хоть и бесполезной, вредной человеческой “вши” для блага людей). Огорчение сердца приводит к поражению ума – ум его озлился. Затем неизбежно поражается воля – она парализуется. Студент совершает убийство, не властвуя над собой, именно после того, как мысленно отказался от чудовищного замысла и испытал облегчение» [7, с. 31].

³В контексте статьи ипохондрия рассматривается как нарциссическое расстройство личности, обусловленное чрезмерной любовью матери, которое характеризуется убежденностью в собственной уникальности и своем превосходстве над остальными людьми.

Комплексный анализ характеристики субъекта указывает на то, что Раскольников изначально является сентиментальным эгоистом, воспитанным чрезмерно любящей матерью без отца. Он пытается за счет общественно полезных поступков заслужить высокий социальный статус, обрести наследство, облагодетельствовать еще более бедного (несчастного) человека. И когда результат его усилий не совпадает с устремлениями, наступает разочарование, возникает идея о «человеке и твари дрожащей». Сама идея не принадлежала Раскольникову, он случайно подслушал ее в диалоге студента и офицера, происшедшем в «плохоньком трактиришке». Как отмечает Ф. М. Достоевский, разговоры об убийстве и грабеже во всеобщее благо «...были самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы...» [3, с. 86].

Таким образом, с точки зрения криминалистики в размышлениях и поведении Раскольникова прослеживается внутренняя работа по формированию мотивации, оправдывающей способ достижения цели, которая обусловлена корыстным мотивом, что полностью подтверждается фразой героя, сказанной Соне Мармеладовой: «Ну... ну, вот я и решил, завладев старухинными деньгами, употребить их на мои первые годы... на обеспечение себя в университете, на первые шаги после университета, – и сделать это широко, радикально, так чтобы уж совершенно всю новую карьеру устроить и на новую, независимую дорогу стать...» [3, с. 405].

Раскольникова беспокоили закономерности раскрытия преступлений, заключающиеся не столько в материальной невозможности скрыть его, сколько в самом преступнике. В этом контексте Ф. М. Достоевский высказывает следующую идею через Раскольникова: «...сам же преступник, и почти всякий, в момент преступления подвергается какому-то упадку воли и рассудка, сменяемых, напротив того, детским феноменальным легкомыслием, и именно в этот момент, когда наиболее необходимы рассудок и осторожность. По убеждению его выходило, что затмение рассудка и упадок воли охватывают человека подобно болезни, развиваются постепенно и доходят до высшего своего момента незадолго до совершения преступления; продолжают в том же виде в самый момент преступления и еще несколько времени после него, судя по индивидууму; затем проходят, также как проходит всякая болезнь» [3, с. 90–91]. Сделав такие умозаключения Раскольников приходит к парадоксальному выводу, что в его «деле» рассудок и воля останутся при нем «...по той причине, что задуманное им – “не преступление”» [3, с. 91].

Криминалистическая характеристика подготовки, способа, орудия совершения и сокрытия преступления. Зимой 1864–1865 гг. от студента Покорева Раскольников узнал адрес Алены Ивановны

(процентщицы), у которой можно было занять деньги в долг под проценты (5–7 % в месяц) на условиях залога (заклада)⁴. За полтора месяца до совершения преступления Раскольников заложил у нее золотое кольцо [3, с. 83]. При подслушивании диалога студента и офицера Раскольников пришел в чрезвычайное волнение, так как понял, что не только его идея о преступлении, но и объект преступного посягательства – процентщица Алена Ивановна и ее материальные ресурсы – только что совпали [3, с. 86].

Подготовка к преступлению заключалась в выборе орудия. Им стал топор, который находился в хозяйской кухне. Совершить преступление Раскольников планировал вечером. Он просчитал расстояние от своего жилья до жилья процентщицы (ровно 730 шагов). Повод для визита был оговорен заранее. В начале июля 1865 г. Раскольников принес в заклад отцовские часы, договорился о новом залоге – серебряной папироснице, одновременно осмотрел помещение и проследил за поведением хозяйки, определив, что ключи она носит в правом кармане, и отметив особенность ключа, которым открывается шкатулка или укладка. Попутно Раскольников спросил о том, почему хозяйка одна и где сейчас ее сводная сестра Лизавета [3, с. 29–31].

В день совершения преступления, приблизительно в 18:00 Раскольников пришел к внутренней стороне пальто тесьму для крепления топора, собрал фальшивый заклад (деревянную дощечку с прикрепленной к ней железной полоской), который завернул в бумагу замысловатым образом, чтобы улупить минуту для отвлечения внимания процентщицы. В начале восьмого часа он вышел из своей комнаты, прошел мимо кухни, увидел там домработницу Настасью и понял, что топор не добудет. Однако он увидел топор под лавкой в темной коморке дворника, взял его и прикрепил к тесьме под пальто. Придя к месту жительства процентщицы, Раскольников осторожно прошел к ее квартире, обратив внимание на то, что только в одной из квартир дома работали красильщики (маляры).

Процесс совершения преступления можно описать следующим образом: находясь в полном сознании, Раскольников топором убил процентщицу. Обыскав ее одежду, он завладел ключами, отпер укладку и завладел хранящимися там ценностями. Далее Раскольников убил топором неожиданно пришедшую в квартиру сестру процентщицы Лизавету для сокрытия преступления. После двойного убийства он предпринял меры по сокрытию этого деяния (уклонению от уголовной ответственности): отмыл кровь с топора в ведре с водой на кухне, оттер бельем, сушившимся на веревке в кухне, топор и свои сапоги, вложил топор обратно в тесьму под пальто и по случайному стечению обстоятельств обнаруженным покинул квартиру. Придя к своему месту жительства, Раскольников аккуратно положил

⁴Далее по тексту будет употребляться слово «заклад», как в анализируемом произведении. – В. К.

топор на прежнее место, спрятал похищенное под обоями в своей комнате, затем упал на диван и впал в забытие [3, с. 88–104].

На следующее утро, 10 июля 1865 г., он по повестке направился в квартальный участок полиции для рассмотрения жалобы о неуплате за проживание в наемном помещении. В процессе разбирательства из диалогов сотрудников полиции (Никодима Фомича и Ильи Петровича) Раскольников узнал детали совершенного им преступления и впервые встретился с письмоводителем Заметовым, который любезно помог ему составить письменный отзыв на жалобу. Там же в участке Раскольников потерял сознание и впоследствии сообщил, что болеет со вчерашнего дня [3, с. 119–122].

Выйдя из помещения участка, он осознал, что может попасть под подозрение. Раскольников вспомнил, что похищенное находится в его комнате и незамедлительно принял меры по его сокрытию вне своего жилища (в глухом отгороженном месте на улице под камнем) [3, с. 124]. После совершения этих действий Раскольников пошел к Разумихину – единственному студенту-сокурснику, с которым ранее поддерживал более-менее дружеские отношения [3, с. 72]. В ходе состоявшейся встречи в каморке у Разумихина Раскольников сначала попросил о помощи в проведении уроков и сразу отказался от нее. Разумихин заметил, что Раскольников бредит или находится в состоянии белой горячки. Последний, не попрощавшись, ушел к себе в жилище, где опять в бессилии упал на диван и впал в состояние беспамятства.

Информация о начавшейся негласной проверке Раскольникова на причастность к совершению преступления в рамках расследования. Раскольников очнулся 11 июля 1865 г. в 10:00. У его постели стояли Настасья (домработница), артельщик, позже вошел Разумихин. В ходе их разговора можно установить некоторые детали. Расколькова, когда он находился в беспамятстве, уже осматривал доктор Зосимов. Артельщик принес присланные матерью Раскольникова 35 руб. Разумихин сообщил, что он уже каждый день обедает в доме, где живет Раскольников. Далее Разумихин сказал, что нашел адрес проживания Раскольникова через адресный стол в участке полиции. Там он познакомился с письмоводителем Заметовым [3, с. 132–139]. После ухода гостей из комнаты Раскольников обнаружил, что его сапоги и костюм исчезли, остались только пальто и деньги, которые он не пересчитал. После он впадает в паническое состояние, но, выпив пива, ложится на кровать и засыпает [3, с. 141].

Одевшись в купленную Разумихиным одежду и обувь, 11 июля 1865 г. Раскольников вышел из дома в 20:00 [3, с. 166]. Он заглянул в заведение «Хрустальный дворец», спросил газеты, чтобы прочесть сообщения о совершенном им преступлении и, вдруг заметил, что кто-то подсел к нему за столик. Под-

севшим был Заметов [3, с. 170]. В ходе состоявшегося диалога с ним Раскольников сделал разоблачительные заявления. В этот же вечер после встречи с Заметовым и Разумихиным Раскольников, испытывая необъяснимое желание, пришел к месту преступления, в помещение, где проживала процентщица, и начал расспрашивать ремонтирующую комнату работников о «вымытой крови», о том, будут ли красить пол. После возникновения конфликтной ситуации Раскольников ушел [3, с. 181–184]. В этот же вечер он познакомился с Соней Мармеладовой и принял решение посетить новоселье Разумихина.

12 июля 1865 г. Раскольников, находясь у себя в комнате, сообщил Разумихину о том, что уголовное дело по факту двойного убийства ведет именно Порфирий Петрович (дядя Разумихина) и Раскольникову необходимо обратиться по поводу его заклада у процентщицы. Разумихин в каком-то необыкновенном волнении крикнул: «Отнюдь не в часть и непременно к Порфирию!» [3, с. 244].

В дальнейшем криминалистическая характеристика Раскольникова и его поведения раскрывается Ф. М. Достоевским через взаимодействие с субъектами, вовлеченными в процесс раскрытия и расследования преступления.

Характеристика Разумихина (Вразумихина) как лица, вовлеченного в процесс расследования. Разумихин в романе характеризуется как «необыкновенно веселый и общительный парень, добрый до простоты», под которой таились и глубина и достоинство. Все любили его. «Был он очень не глуп, хотя и действительно иногда простоват. <...> Иногда он буйнил и слыл за силача. Однажды ночью, в компании, он одним ударом осадил одного блюстителя вершков двадцать росту. Пить он мог до бесконечности, но мог и совсем не пить; иногда проказил даже непозволительно, но мог и совсем не проказить. <...> Был он очень беден и решительно сам, один, содержал себя, добывая кой-какими работами деньги. Он знал бездну источников, где мог почерпнуть, разумеется заработком. <...> В настоящее время он тоже принужден был выйти из университета, но ненадолго, и из всех сил спешил поправить обстоятельства, чтобы можно было продолжать. Раскольников не был у него уже месяца четыре, а Разумихин и не знал даже его квартиры» [3, с. 71–73].

Как отмечалось ранее, Разумихин в разговоре 11 июля 1865 г. с Раскольниковым у него в комнате сообщил следующую информацию:

- он начал поиски места жительства Раскольникова после размолвки с ним, произошедшей 10 июля 1865 г., и разыскал только через адресный стол, где познакомился с Заметовым, с которым теперь приятельствует и видится почти ежедневно;
- он знает, что Раскольников уже четвертый день не ест и не пьет;

- теперь он каждый день обедает в доме, где живет Раскольников;
- Раскольников постоянно впадает в беспамятство и бредит;
- Заметов пожелал познакомиться с Раскольниковым;
- сам Разумихин только что переехал поближе в Раскольникову;
- он с Заметовым были в комнате Раскольникова, когда тот находился в бреду (скорее всего, вечером 10 июля 1865 г.) и бредил о каком-то носке, а Заметов по всей комнате его искал.

В дальнейшем Разумихин взял 10 руб. из тех денег, которые прислала Раскольникову мать, и отправился покупать одежду Раскольникову. Когда Разумихин ушел, Раскольников обнаружил пропажу части своей одежды. В 18:00 Разумихин принес Раскольникову картуз, штаны, жилетку, белье, и сапоги.

По приходу в комнату доктора Зосимова Разумихин сообщил о том, что пригласил его на новоселье и упомянул о присутствии на нем своего дальнего родственника Порфирия – здешнего пристава следственных дел. В дальнейшем разговоре он назвал отдельные детали убийства процентщицы, а также рассказал, что в совершении преступления подозреваются красильщики (маляры) и случайно заходившие к процентщице с целью заклада и обнаружившие впоследствии место преступления Кох и Пестряков [3, с. 148–154]. Далее Разумихин сделал вывод о том, что убил процентщицу и ее сестру именно закладчик и объяснил, что преступник – человек «неловкий, неопытный, и, наверное, это был первый шаг... <...> И ограбить-то не умел, только и сумел, что убить! Первый шаг, говорю тебе, первый шаг! потерялся! И не расчетом, а случаем вывернулся!» [3, с. 162]. Покинув комнату Раскольникова, Зосимов обратил внимание Разумихина на следующее обстоятельство: «он ко всему равнодушен, на все отмахивается, кроме одного пункта, от которого из себя выходит: это убийство...» [3, с. 165]. Разумихин поблагодарил Зосимова и сообщил ему, что будет находиться рядом в доме, где живет Раскольников, и наблюдать за ним через домработницу Настасью.

Вечером 11 июля 1865 г. Разумихин пришел в заведение «Хрустальный дом» как раз после диалога Раскольникова с Заметовым, пригласил Раскольникова на новоселье в этот же вечер, а после наедине опросил Заметова. Тогда же Раскольников пришел к Разумихину в гости, однако предшествующие события (возвращение к месту преступления [3, с. 181–184] и сцена в комнате у Мармеладовых [3, с. 184–197]) подействовали на него настолько сильно, что Раскольников сообщил о своем изнеможении и попытался уйти. Разумихин вызвался сопровождать его домой, попутно отметив, что Порфирий (его дядя),

хотел бы свести знакомство. По пути к месту жительства Раскольникова Разумихин двусмысленно сказал, что после диалога с Заметовым в заведении «Хрустальный дворец» они все поняли по поводу убийства процентщицы, но Раскольников в диалоге одержал верх [3, с. 198–201].

По-настоящему Разумихин раскрывается в разговоре с Раскольниковым, происходившем в его жилище (буквально перед началом последнего диалога с Порфирием Петровичем). Анализ текста позволяет заключить следующее:

- Разумихин подозревает Раскольникова как политического заговорщика, находящегося накануне некоего решительного шага⁵;
- Порфирий Петрович использует Разумихина «втемную» для передачи дезинформации Раскольникову (о причастности (непричастности) красильщика Николая к убийству процентщицы), а также получения информации о нем.

Примечательна линия поведения Разумихина в общении: он одновременно косвенно намекает на то, что взаимоотношения Раскольникова с Порфирием Петровичем – это какой-то «вздор и совершеннейшие пустяки». В то же время он заявляет, что Раскольников отличнейший человек [3, с. 430–433].

Характеристика Заметова как лица, вовлеченного в процесс расследования. Заметов, возможно, занимает должность письмоводителя при следственном приставе Порфирии Петровиче. 10 июля 1865 г. он обратил внимание на состояние Раскольникова в участке и в этот день познакомился с Разумихиным. Тогда же Заметов был с ним в комнате Раскольникова и «случайно» встретил главного героя в «Хрустальном дворце» 11 июля 1865 г.

Криминалистический анализ диалога Раскольникова и Заметова в этом заведении показывает следующее. Заметов косвенно поинтересовался о том, что Раскольников читает в газете. Тот сообщил, что интересуется заметками по делу об убийстве процентщицы. Заметов, отметив данный факт, увел разговор в иное русло – размышления по поводу фальшивомонетничества в Москве, одновременно спросив о том, как бы Раскольников проявил себя в этом преступлении. Раскольников, с полным пониманием психологии обмана, подробно описал схему мошенничества с фальшивыми деньгами при сдаче их в банковское учреждение. Иронично и одновременно с одобрением восприняв предложенную схему мошенничества, Заметов незаметно перевел разговор на убийство процентщицы, и Раскольников, не без удовольствия, рассказал, как бы он поступил с похищенным после совершения преступления имуществом, если бы был преступником. Именно тогда от него прозвучала информация о глухом месте, дворе, большом камне, угле возле забора

⁵Возможно, таким образом автор намекает на принадлежность Разумихина к политическому сыску. Это обстоятельство объясняет интерес Разумихина к Раскольникову.

и хранении похищенного под этим камнем, а также следующий провоцирующий вопрос: «А что, если это я старуху и Лизавету убил?» [3, с. 170–176]. Этот вопрос привел Заметова в «замешательство».

Раскольников покинул заведение и столкнулся с Разумихиным, который пригласил его на новоселье. Раскольников отказался от приглашения. Разумихин зашел в «Хрустальный дворец», чтобы «допросить поскорее Заметова» [3, с. 179].

Неожиданно в этот же день Заметов оказался в квартире Порфирия Петровича во время его первого диалога с Раскольниковым. В разговоре между хозяином квартиры, Раскольниковым и Разумихиным Заметов участия не принимал. Однако Раскольников отметил, что Заметов в квартире Порфирия Петровича как свой [3, с. 251–256].

Избранная Заметовым (или избранная для него) линия поведения – постоянное нахождение возле Раскольникова, выведение его на разговор о преступлении, демонстративная убежденность в непричастности Раскольникова к преступлению, а также прямая связь Заметова с приставом следственных дел дали свои плоды. Именно к нему впоследствии в участок приходит Раскольников для признания в совершении преступления [3, с. 501–511].

Заметов, несомненно, является положительным талантливым персонажем романа, сумевшим понять по поведению Раскольникова его причастность к совершению преступления. Он искусно действует по поручению Порфирия Петровича, наблюдает (совместно с Разумихиным) за поведением Раскольникова и оказывает дозированное психологическое воздействие на него. Заметов рефлексировал над высказываниями последнего, поддерживает в нем уверенность в непричастности к совершению преступления и одновременно делает критические замечания по поводу высказываний Раскольникова относительно преступления. Поэтому неслучайна его дальнейшая карьера, предположительно в правоохранительной сфере, прикрытая легендой о внезапном переходе (вполне возможно из письмоводителя в чин сыскной полиции, организуемой в результате реформирования) для того, чтобы держать некий экзамен [3, с. 509].

Мещанин. Безымянный персонаж романа – мещанин – появляется непосредственно после первого диалога Порфирия Петровича с Раскольниковым (12 июля 1865 г.). Подходя к месту проживания Раскольникова услышал как дворник, разговаривая с кем-то, упомянул его фамилию. Мещанин уходил по улице. Раскольников в возбужденном состоянии бросился его догонять, а догнав, спросил, в чем дело. Мещанин «поднял глаза и зловещим, мрачным взглядом посмотрел на Раскольникова». Затем он «тихим, но ясным и отчетливым голосом» назвал Раскольникова «убийцем» [3, с. 272]. Этой репликой он вверг Раскольникова в состояние бессилия и растерянности. Раскольников вернулся в свою

комнату и лег на диван, продолжив размышлять о том, что преступления раскрываются неслучайно, и он перед тем, как решиться на убийство, об этом знал [3, с. 274]. Спустя некоторое время в комнату вошел Разумихин, но Раскольников притворился спящим, и Разумихин удалился.

Второе появление мещанина описано в конце второго диалога Порфирия Петровича и Раскольникова, происходившего в служебном помещении следственного пристава. Порфирий Петрович излагает информацию, в соответствии с которой именно Раскольников является подозреваемым в совершении двойного убийства, но делает парадоксальный вывод о том, что не верит в его виновность. Затем он интересуется, не хочет ли Раскольников посмотреть на «сюрприз», который находится в соседней комнате за запертой дверью [3, с. 508–511], однако происходящие события «внезапно» прерываются появлением в кабинете красильщика Николая, который признается в убийстве процентщицы и ее сестры (совершает самооговор). Раскольников уходит из помещения пристава следственных дел, размышляя о сюрпризе, и приходит к себе в жилище. Внезапно к нему в комнату входит мещанин, извиняясь за то, что обидел Раскольникова злобными подозрениями, мыслями и обвинениями при первой встрече, и сообщает, что именно он находился за запертой дверью комнаты в помещении служебного кабинета Порфирия Петровича, а также о том, что теперь следственный пристав занялся красильщиком Николаем, который взял на себя вину в совершении преступления. В результате этого разговора Раскольников приободрился и со стыдом вспоминал свое малодушие [3, с. 350–352].

Несомненно, мещанин – это лицо, действующее по поручению следственного пристава, реализующее линию поведения тайного свидетеля преступления, а затем человека, раскаявшегося в своих подозрениях. С помощью такой тактики он вводит Раскольникова в состояние непонимания логики происходящих событий.

Характеристика Порфирия Петровича как пристава следственных дел. Д. О. Серов отмечает, что «основная часть российских следственных приставов – 75 человек (68,2 % состава) – состояла в штатах уездной полиции (т. е. в земских судах). В штатах полиции 15 губернских городов и градоначальств в 1859 г. числилось 35 следственных приставов. Более всего следственных приставов – по девять человек – работало в то время в органах полиции Санкт-Петербурга и Москвы. <...> Дольше всего следственные приставы сохранялись в штатах органов полиции Санкт-Петербурга и Москвы. В этих городах названные должностные лица просуществовали до начала 1866 г., до момента основания там реформированных окружных судов. Неслучайно Ф. М. Достоевский определил своего знаменитого Порфирия Петровича в “Преступлении и наказании” именно

следственным приставом» [9, с. 2–3]. С. А. Шейфер обрисовывает организационные проблемы расследования преступлений, которые не были раскрыты в романе. Так, возглавлявшие столичную полицию обер-полицмейстеры для производства следствий имели при себе следственных приставов и писмоводителей при них. Следственные приставы имели право на производство следствия, обысков и заключение под стражу [10, с. 43–44] наравне с частными приставами, обязанностью которых являлось полицейское дознание, включающее выезд на место происшествия, предварительный розыск, составление служебного документа о наличии или отсутствии преступления. До передачи материалов следственному приставу частный пристав должен лично изучить следующую информацию: «1) о особе, над кем учинено; 2) о действии, что учинено; 3) о способе и орудии, чем учинено; 4) о времени, когда учинено; 5) о месте, где учинено; 6) о околностях, объясняющих или обличающих, как учинено; 7) преступника, кем учинено [11, с. 208].

Порфирий Петрович, по словам Разумихина, обращенным к Раскольникову, «неуклюж немного, то есть он человек и светский... Малый умный, умный, очень даже неглупый, только какой-то склад мыслей особенный... Недоверчив, скептик, циник... надуть любит, то есть не надуть, а дурачить... Ну и материальный старый метод... А дело знает, знает... Он одно дело, прошлого года, такое об убийстве разыскал, в котором почти все следы были потеряны!» [3, с. 248].

Исследование текста романа позволяет сделать вывод о том, что после обнаружения преступления (убийства процентщицы и ее сестры 9 июля 1865 г.) в ходе осмотра места происшествия выявлены факт и время совершения преступления, все закладчики с установленными данными и временем заклада, лица, находившиеся возле места преступления (красильщики и два закладчика), которые стали первыми подозреваемыми. Однако следует отметить и недостатки дознания. Так, в результате осмотра не обнаружены орудие преступления и оставшиеся следы (белье, которым Раскольников оттирал кровь с топора, а также вода в ведре, где он отмывал топор от крови), что не позволило назначить судебную биологическую (химическую) экспертизу, которая уже проводилась в практической судебно-экспертной деятельности. В этом контексте А. А. Гусаров отмечает следующее: «Одной из первых доказательственных проб по определению наличия крови, которая с начала 1860-х гг. стала активно применяться при производстве заключений по исследованию вещественных доказательств, явилась микрохимическая реакция на кровь, основанная на получении кристаллов гемина, разработанная в 1853 г. Л. Тейхманом» [12, с. 129]. Также очевидно, что при проведении опросов жильцов дома, а также красильщиков и приходивших в период совершения пре-

ступления закладчиков информации о возможном подозреваемом получено не было.

Таким образом, в начале расследования Порфирий Петрович обладал сведениями, которые обусловили проведение комплексной тактической операции в том числе по изучению личности преступника, как ее понимал А. В. Дулов [13], в виде серии следственных, розыскных и иных действий, объединенных общим замыслом, которую координировал следователь. Проведенная с успехом тактическая операция позволила избежать последствий, связанных с инквизиционным процессом (признание в совершении преступления, а потом отказ в ходе судебного разбирательства), а также со смешением в результате судебной реформы функций расследования и защиты в лице следователя (необходимость беспристрастно собирать доказательства не только уличающие, но и оправдывающие) [14, с. 26–27].

Организационные и интеллектуальные элементы тактической операции при расследовании убийства процентщицы и ее сестры. В ходе дознания, проводимого территориальной сыскной полицией, до момента передачи материалов приставу следственных дел получены следующие сведения:

- список закладчиков, среди которых находился Раскольников, перечень переданных в заклад ценностей и срок заклада;
- перечень похищенного;
- время совершения преступления, с которым необходимо соотнести алиби подозреваемого.

Таким образом, пристав следственных дел находился в сложном положении, обусловленном информационной неопределенностью в отношении лица, совершившего преступление. В связи с этим обстоятельством тактическая операция предполагала проведение системы мероприятий, направленных на проверку и проработку информации в отношении именно Раскольникова, так как относительно него имелись основания для подозрения.

Приняв материалы к производству (возможно уже 10 июля 1865 г.), Порфирий Петрович заметил, что почти все закладчики обратились в полицию с заявлением о возвращении заложенных вещей, а Раскольников так не поступил [3, с. 254, 267].

Вечером 10 июля 1865 г. в жилище к Раскольникову, когда он находился в забытии и бреде, пришли Разумихин и Заметов (они действовали по указанию Порфирия Петровича), провели тайный обыск и изъяли одежду и обувь (оперативный осмотр с изъятием предметов) [3, с. 140, 438]. Похищенные в результате преступления ценности обнаружить не удалось, так как Раскольников днем успел их перепрятать. Этим же вечером около 18:00 Разумихин принес Раскольникову купленные на присланные матерью деньги одежду и обувь [3, с. 142–144]. Тогда же Раскольников общался с Заметовым и Разумихиным в заведении «Хрустальный дворец» и косвенно дал Заметову основания для подозрений.

Уйдя из заведения, Раскольников направился к месту преступления, позвонил именно в квартиру процентщицы, упомянул в разговоре с работником о крови, вошел в конфликт с окружающими и со скандалом ушел [3, с. 182–184].

Порфирий Петрович точно знал или должен был знать (в результате опроса), что вечером 9 июля 1865 г. Раскольников выходил из своей комнаты на улицу и был в сознании. Этой информацией располагала домработница Настасья, так как в романе об этом указано следующее: «Но каково же было его изумление, когда он вдруг увидел, что Настасья не только на этот раз дома, у себя в кухне, но еще занимается делом: вынимает из корзины белье и развешивает на веревках! Увидев его, она перестала развешивать, обернулась к нему и все время смотрела на него. Он отвел глаза и прошел, как будто ничего не замечая» [3, с. 91].

В то же время от Разумихина Порфирий Петрович узнал, что в ночь на 11 июля 1865 г. Раскольников был не в себе, бредил о каких-то колечках и цепочках. С того момента Раскольников постоянно находился под наблюдением Разумихина и Заметова. К этому процессу привлечены также Настасья и мещанин. Наблюдателями была собрана информация, косвенно свидетельствующая о причастности к преступлению, которая позволила приставу следственных дел организовать профессиональное общение с истинным подозреваемым, в том числе через лиц, действующих в интересах расследования.

Вероятно, в этот же промежуток времени Разумихин принес приставу следственных дел статью Расколькова, напечатанную ранее (два месяца назад) в газете «Периодическая речь», о разделении людей на «обыкновенных» и «необыкновенных». Необыкновенные люди имеют право разрешить своей совести переступить через препятствия, если исполнение идеи того потребует [3, с. 260]. Этот вывод может быть обоснован следующим образом. Статья была написана за полгода до преступления, и в это время Раскольников общался с Разумихиным. Последняя встреча в гостях у Разумихина состоялась около четырех месяцев назад [3, с. 73]. Следовательно, Разумихин мог знать не только содержание статьи, но и печатное издание, в которое ее передал Раскольников, так как уже с 1864 г. был организован полицейский надзор за библиотеками и читальнями⁶. Для того чтобы зашифровать источник получения информации, Порфирий Петрович в первом диалоге с Раскольниковым сообщил, что прочитал эту статью два месяца назад, а об авторе узнал «случайно, и то на днях. Через редактора; я знаком... Весьма интересовался» [3, с. 259].

Полная уверенность в причастности Расколькова к совершению преступления сформировалась у Порфирия Петровича после предоставления Заметовым информации, полученной им из диалога

с Раскольниковым в заведении «Хрустальный дворец». В этом разговоре Раскольников логично изложил последовательность действий по обращению с похищенным имуществом от имени предполагаемого преступника [3, с. 175].

В ходе тактической операции по изобличению Расколькова, а также при взаимодействии с ним Порфирий Петрович использовал следующие доводы:

- Расколькова можно охарактеризовать как сентиментального эгоиста, меланхолика, бездельника, недоучившегося студента, намеренно живущего в состоянии крайней нужды для того, чтобы проверить себя в каком-то исключительном деле;

- Раскольников является клиентом процентщицы и недавно с ней общался по поводу заклада, а по логике (версии) расследования вероятным подозреваемым мог быть закладчик;

- Раскольников не имеет алиби на время совершения преступления, более того, он находится в полном сознании перед ним и «заболевает» после того, как оно обнаружено полицией;

- мотивы совершения преступления вполне проявляются в тексте написанной Раскольниковым статьи о позволительности преступления для тех, кто способен сказать что-нибудь новое [3, с. 261];

- вызывает подозрение появление Расколькова на месте преступления после его совершения под предлогом найма квартиры;

- нездоровый интерес Расколькова к подробностям преступления при взаимодействии с Разумихиным, Заметовым, Зосимовым и мещанином может свидетельствовать о его причастности к убийству;

- фактическое признание Расколькова в совершении преступления в диалоге с Заметовым в заведении «Хрустальный дом» и его идея о месте укрывательства похищенных ценностей вызывают интерес.

В процессе известных по роману трех диалогов, проведенных Порфирием Петровичем с Раскольниковым, пристав следственных дел мастерски, не имея материальных доказательств, провел скоординированную тактическую операцию по изобличению Расколькова в совершении преступления, закончившуюся признанием им вины и выдачей похищенного имущества [3, с. 437–447]. В ходе проведения этой операции Порфирий Петрович применял психологические приемы допустимого воздействия с использованием оптимальной линии поведения [15] субъектов, вовлеченных в раскрытие и расследование преступлений, и совокупности криминалистических приемов (игры на широких обстоятельствах, вовлечения в общение (спор), получения информации о главном через беседу о второстепенном, маскировки своих целей, умения использовать неосведомленность лица, взявшего на себя вину и др. [16, с. 26–41]).

⁶Измозик В. С. Глаза и уши режима: государственный политический контроль в Советской России, 1917–1928 // Литмир : сайт. URL: <https://litmir.club/br/?b=911055&p=7> (дата обращения: 03.02.2025).

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать следующий вывод. Изучение криминалистического контекста романа Ф. М. Достоевского способствует пониманию материальной структуры конкретного преступления в рамках его подготовки, совершения и сокрытия, дает криминалистическую характеристику элементов этой структуры и психологии лица, совершившего преступление, его психических состояний в процессе преступной деятельности. Кро-

ме того, изучение рассматриваемого произведения предполагает выделение организационных и интеллектуальных элементов криминалистической тактики раскрытия и расследования преступлений, что представляет собой наглядный дидактический материал, который можно с успехом применять в процессе обучения в учреждениях высшего образования, а также при профессиональной подготовке работников правоохранительных органов.

Библиографические ссылки

1. Григорович ВЛ, Шабанов ВБ, Абдурахманов АА, Асаёнок БВ, Варавко ЮВ, Веренчиков ИР и др. *Криминалистика*. Минск: БГУ; 2023. 391 с.
2. Андреев ИС, Грамович ГИ, Порубов НИ. *Криминалистика*. Минск: Вышэйшая школа; 1997. 575 с.
3. Достоевский ФМ. *Преступление и наказание*. Минск: Мастацкая літаратура; 1986. 528 с.
4. Хлус АМ. *Криминалистическая характеристика и материальная структура преступления в частной методике расследования*. Минск: БГУ; 2019. 241 с.
5. Андреев ИС, Войцеховская СВ, Грамович ГИ, Грядовкин ВА, Дулов АВ, Михайленко ГВ и др. *Осмотр места происшествия по делам насильственной смерти*. Минск: НИИ проблем криминологии, криминалистики и судебной экспертизы; 1995. 363 с.
6. Першкина АН. «Преступление и наказание» в контексте реформ уголовного законодательства в середине 1860-х годов. Дополнение к комментарию. *Достоевский и мировая экономика. Филологический журнал*. 2022;3:159–162. DOI: 10.22455/2619-0311-2022-3-159-169.
7. Париллов ОВ. Ф. М. Достоевский: метафизический смысл «преступления» и «наказания». *Русско-византийский вестник*. 2022;3:27–35. DOI: 10.47132.2588-0276-2022-3_27.
8. Конфуций. *Афоризмы и притчи*. Москва: Эксмо; 2012. 288 с.
9. Серов ДО. От следственных приставов к судебным следователям: организация следственного аппарата России во второй половине XIX века. *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2014;9(1):114–135.
10. Шейфер СА. *Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти*. Москва: Норма: ИНФРА-М; 2013. 92 с.
11. Калашников СИ. Функции уголовно-розыскной полиции в России в дореформенный период: генезис возникновения сыскных частей. *Вестник ИрГТУ*. 2006;4:206–210.
12. Гусаров АА. Исторические аспекты развития отечественной судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения. *Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н. И. Пирогова*. 2011;3:129–131.
13. Дулов АВ. О разработке тактических операций при расследовании преступлений. В: Любавин АА, редактор. *50 лет советской прокуратуры и проблемы совершенствования предварительного следствия. Краткие тезисы докладов к научной конференции; 17–18 апреля 1972 г.; Ленинград, РСФСР*. Ленинград: Институт усовершенствования следственных работников прокуратуры и МВД; 1972. с. 23–26.
14. Даневский ВП. *Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа*. Киев: Издательство Семенко Сергея; 2003. 142 с.
15. Шабанов ВБ, Красиков ВС. Линия поведения как интеллектуальный компонент криминалистической (оперативно-розыскной) тактики. В: Рубис АС, редактор. *Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. Сборник научных трудов. Выпуск 1*. Минск: Право и экономика; 2023. с. 69–75.
16. Бахин ВП. *Тактика – профессионализм и мастерство в общении*. Киев: Издательство Семенко Сергея; 2006. 116 с.

Статья поступила в редакцию 09.06.2025.
Received by editorial board 09.06.2025.

**Виктор Сергеевич
КАМЕНКОВ**

**Viktor Sergeevich
KAMENKOV**

Доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Республики Беларусь, Председателю Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь (2001–2013 гг.), заведующему кафедрой финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности юридического факультета Белорусского государственного университета (2004–2020 гг.), директору Международного научно-образовательного центра медиации, примирения и третейских процедур, научному консультанту кафедры хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета Виктору Сергеевичу Каменкову 29 марта 2026 г. исполнилось 70 лет.

Биография Виктора Сергеевича представляет собой уникальный пример многогранной практической, научной, педагогической, образовательной, законотворческой и политической деятельности.

В. С. Каменков родился в 1959 г. в Могилёвской области. Среднюю школу он окончил с золотой медалью и в 1973 г. поступил на юридический факультет Белорусского государственного университета.

Свою профессиональную деятельность Виктор Сергеевич начал в качестве стажера в прокуратуре Октябрьского района г. Могилёва. С 1979 по 1983 г.

он работал помощником прокурора Октябрьского района г. Могилёва, заместителем прокурора Ленинского района г. Могилёва. С 1983 по 1987 г. В. С. Каменков был старшим помощником прокурора Могилёвской области, а с 1987 по 1992 г. – заместителем начальника и начальником отдела по надзору за рассмотрением гражданских дел в органах прокуратуры Республики Беларусь.

Знания, работоспособность и умение общаться с людьми способствовали быстрому продвижению Виктора Сергеевича по служебной лестнице. Кроме того, карьерному росту помогли исключительные организаторские способности, умение увлечь коллектив новыми идеями и справиться со сложными делами и начинаниями.

Значимым этапом профессиональной биографии В. С. Каменкова является работа в Высшем Хозяйственном Суде Республики Беларусь, где с 1993 г. он занимал должность заместителя председателя, а затем первого заместителя председателя. В октябре 2001 г. Виктор Сергеевич был назначен Председателем Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь. Он проработал на этой должности до июня 2013 г. В тот период в полной мере проявился

талант В. С. Каменкова как организатора и управленца. При личном участии Виктора Сергеевича был разработан и принят блок законов, необходимых для осуществления политических и экономических реформ, утверждения статуса судов и судей в новых условиях развития страны, реформирования институтов адвокатуры и нотариата. Он возглавлял редакционный совет журнала «Вестник Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь», занимался обобщением судебной практики, непосредственно участвовал в подготовке проектов постановлений Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь.

Продолжительное время (2006–2016) В. С. Каменков был председателем общественной организации «Белорусский республиканский союз юристов». Он внес значительный вклад в активизацию деятельности этой организации.

Виктор Сергеевич всегда успешно сочетал практическую и научную деятельность. В 1990 г. он успешно защитил кандидатскую диссертацию по гражданскому процессу «Участие прокурора в пересмотре судебных решений, определений и постановлений по гражданским делам, вступивших в законную силу (по материалам Белорусской ССР)», а в 2003 г. – докторскую диссертацию «Правовые гарантии защиты интересов юридических лиц и граждан в экономическом (арбитражном) производстве». Ему была присуждена ученая степень доктора юридических наук и было присвоено ученое звание профессора.

Важным периодом профессиональной деятельности Виктора Сергеевича стала работа на юридическом факультете в Белорусском государственном университете. Он стал инициатором создания в 2004 г. кафедры финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности и первым ее заведующим и возглавлял подразделение с 2004 по 2020 г. (до 2013 г. В. С. Каменков был заведующим кафедрой на общественных началах). Преподавательскую деятельность он осуществлял на высоком уровне. Лекции Виктора Сергеевича в высших учебных заведениях страны с восторгом воспринимались студентами и слушателями. Содержание лекций, богатый практический материал, моральные и человеческие качества ученого делали его занятия незабываемыми и неповторимыми.

Выступления В. С. Каменкова на мероприятиях факультета и университета всегда вызывали и вызывают большой интерес у коллег и студентов.

В составе рабочей группы юридического факультета БГУ В. С. Каменков принимал активное участие в подготовке проекта Концепции юридического образования в Республике Беларусь на период до 2025 года. Этой группе пришлось творчески поработать над сбором необходимых объективных данных, их анализом и непосредственной подготовкой текста концепции с учетом поступающих предложений.

С 2020 г. по настоящее время В. С. Каменков является научным консультантом кафедры хозяйственного права юридического факультета БГУ. В этом

статусе он активно участвует в подготовке и воспитании молодых научных кадров.

Виктор Сергеевич заложил основы научной школы хозяйственного права в БГУ. Обладая обширным опытом работы (в прокуратуре, Высшем Хозяйственном Суде Республики Беларусь), он всегда ориентировал научные исследования своих студентов и коллег на актуальные проблемы хозяйственного права и потребности правоохранительной практики.

За время руководства В. С. Каменковым кафедрой финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности ее аспирантами, докторантами и соискателями были защищены 17 докторских и кандидатских диссертаций (большая часть из которых были написаны под научным руководством самого Виктора Сергеевича). Он всегда осуществлял свои научные исследования по актуальным теоретическим и практическим проблемам хозяйственного, финансового, банковского права, гражданского и хозяйственного процесса, а также постоянно помогал коллегам, работающим в этих сферах. Под личным руководством Виктора Сергеевича защищены две докторские диссертации (Ю. П. Гаврильченко, О. Н. Здрок) и десять кандидатских диссертаций (И. А. Бельской, В. В. Жандарова, Д. Л. Корнейчука, Н. Н. Сарнавской, Т. М. Проташик, О. М. Куницкой, Д. Н. Северина, А. Ю. Корочкина, К. Д. Дроздовской, Е. П. Ярмош).

Ученики Виктора Сергеевича применяют свои знания и результаты исследований на практике: Н. Н. Сарнавская в настоящее время является заместителем Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, председателем коллегии по экономическим делам, Т. М. Проташик – судьей Конституционного Суда Республики Беларусь, Р. Р. Томкович – заместителем Председателя Правления ОАО «Белинвестбанк», А. Ю. Кадурич, Е. П. Ярмош, А. Ю. Корочкин, Д. Н. Северин – адвокатами, И. А. Бельская – медиатором. Ученики В. С. Каменкова работают в БГУ: доктор юридических наук, профессор О. Н. Здрок занимает должность директора Института повышения квалификации и переподготовки судей, работников прокуратуры и учреждений юстиции, кандидат юридических наук, доцент О. М. Куницкая – доцента кафедры хозяйственного права.

Виктор Сергеевич является признанным специалистом в области права. Он принимал участие в разработке ряда основных законодательных актов: Гражданского кодекса Республики Беларусь, Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь, Гражданско-процессуального кодекса Республики Беларусь, Концепции судебно-правовой реформы Республики Беларусь, законов о судебной системе и статусе судей, об экономической несостоятельности (банкротстве), о медиации, об арбитражных судах и других важных правовых документов национального и международного уровня. Его вклад в законодательство, которое быстро менялось в условиях формирования новых экономических отношений в государстве, несомненен.

Более 700 научных, научно-практических, учебно-методических публикаций, в том числе в зарубежных изданиях, написаны В. С. Каменковым. Он регулярно участвует в научных советах по защите диссертаций в Беларуси, России, Казахстане.

Виктор Сергеевич стал победителем престижного ежегодного конкурса на приз имени В. Д. Спасовича, проводимого Министерством юстиции Республики Беларусь (в номинации «Хозяйство и право»), лауреатом высшей юридической премии «Фемида» (в номинации «Вклад в деятельность Союза юристов»). Неоценим вклад В. С. Каменкова в развитие общественного объединения «Белорусский республиканский союз юристов»: он, среди прочего, стал инициатором проведения конкурсов научных работ среди студентов, магистрантов, аспирантов в наиболее актуальных областях правовой науки.

В настоящее время Виктор Сергеевич является председателем научно-методического совета по группе специальностей «Право» учебно-методического объединения по гуманитарному образованию Министерства образования Республики Беларусь, членом Совета юридического факультета БГУ, государственной аттестационной комиссии, ученого совета автономной некоммерческой организации научно-исследовательской и экспертной деятельности «Евразийский институт международного права», национальным корреспондентом Республики Беларусь по вопросам прецедентного права по текстам ЮНСИТРАЛ (комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли), заместителем председателя Международного союза юристов.

Весомый вклад В. С. Каменков внес в развитие спортивной деятельности в Республике Беларусь. Он работал как председатель постоянной юридической комиссии Национального олимпийского комитета Республики Беларусь, арбитр спортивного арбитража при Торгово-промышленной палате Российской Федерации, а также был членом комиссии по спортивному праву Ассоциации юристов России и Национального объединения спортивных юристов Российской Федерации.

Виктор Сергеевич активно участвует в просветительском издательском некоммерческом проекте «Наследие права», являясь одним из инициаторов его создания. Цель проекта – издание серии книг, в которых будут собраны фундаментальные работы крупнейших отечественных и зарубежных теоретиков и практиков права. Акцент в серии сделан на белорусской школе права, которая пользовалась большим авторитетом и уважением в Советском Союзе.

В. С. Каменков награжден орденом Почета, нагрудным знаком Министерства образования Республики Беларусь «Отличник образования», многочисленными грамотами и иными наградами Министерства юстиции Республики Беларусь и иных ведомств, которые являются свидетельством его неоценимого вклада в государственное строительство, законотворчество, правосудие, юридическую науку и образование.

Кирпич с именем В. С. Каменкова заложен при возведении храма Покрова Пресвятой Богородицы в г. Минске. В Минской епархии Белорусской Православной Церкви Виктор Сергеевич возглавляет православное братство в честь Святого Архистратига Михаила при Покровском приходе в г. Минске. Каждому из нас важно выбрать свой жизненный путь. Дорога, по которой идет Виктор Сергеевич, ведет к храму.

Сегодня, когда богатый научный опыт гармонично сочетается с мудростью и знанием жизни, когда сделано уже очень многое, а будущее наполнено новыми планами, мы желаем Вам, уважаемый Виктор Сергеевич, новых успехов, неиссякаемой творческой энергии, крепкого здоровья и всего самого доброго. Пусть Ваши опыт, высокий профессионализм, знание жизни и людей по-прежнему служат образованию и науке.

Уважаемый Виктор Сергеевич! От имени кафедры хозяйственного права юридического факультета БГУ, Ваших учеников и соратников поздравляем Вас с 70-летним юбилеем!

С. А. Балащенко¹, Н. Л. Бондаренко², О. М. Куницкая³

¹Сергей Александрович Балащенко – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Siarhei A. Balashenko, doctor of science (law), full professor; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: balashenko@bsu.by

²Наталья Леонидовна Бондаренко – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Natalia L. Bondarenko, doctor of science (law), full professor; head of the department of economic law, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: bondarenkonl@yahoo.com

³Ольга Михайловна Куницкая – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры хозяйственного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Olga M. Kunitskaya, PhD (law), docent; associate professor at the department of economic law, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: volhakun@mail.ru

Ильхам Мамедгасанович РАГИМОВ

Ilham Mamedgasanovich
RAHIMOV

Известному криминологу современности, иностранному члену Российской академии наук, заслуженному юристу Азербайджанской Республики, доктору юридических наук, профессору Ильхаму Мамедгасановичу Рагимову 14 января 2026 г. исполнилось 75 лет.

Более 50 лет он занимается научно-исследовательской деятельностью в сферах уголовной политики и криминологии, уголовного и уголовно-исполнительного права, проблемами ресоциализации осужденных и теологических основ уголовного права и наказания. За эти годы были изданы свыше 200 научных трудов И. М. Рагимова, из них более 20 монографий, многие из которых в корне изменили устоявшиеся в теории материального права, криминологии и уголовно-исполнительного права господствующие парадигмы, в том числе по таким ключевым вопросам преступновостиведения, как преступность и ее причины, преступление и наказание.

Ретроспективный анализ научного творчества Ильхама Мамедгасановича показывает, что в Азербайджане за историю становления и эволюции правовых наук в сфере противодействия преступности не было такого ученого, как И. М. Рагимов. Его труды внесли весомый вклад в развитие правовой мысли в сфере отечественного преступновостиведения, формирование азербайджанской школы уголовного права и криминологии, оптимизацию национального законодательства в сфере противодействия преступности, подготовку национальных научных кадров.

Уникальность научных произведений Ильхама Мамедгасановича характеризуется несколькими критериями (подлинной научной новизной и чрезвычайной актуальностью), при этом в его трудах поражают глобальность поставленных проблем и их мыслепорождающий характер. Это утверждение в полной мере распространяется и на монографии профессора, изданные в различные периоды его научного творчества, начиная с 1980-х гг. В частности, за это время увидели свет такие фундаментальные труды И. М. Рагимова, как «Теоретические и практические проблемы исправительно-трудового воздействия» (Баку, 1981), «Теория судебного прогнозирования» (Баку, 1987), «Философия наказания и проблема его назначения» (Баку, 1998), «Преступность и наказание» (Москва, 2012), «Философия преступления и наказания» (Санкт-Петербург, 2013), «О нравственности наказания» (Санкт-Петербург, 2016), «Бессмертная смертная казнь» (Санкт-Петербург, 2017), «Религия и наказание» (Санкт-Петербург, 2020), «Преступление и наказание в мировых религиях» (Санкт-Петербург, 2023), «Оправдание наказания» (Санкт-Петербург, 2024), «Учение о наказании» (Москва, 2025) и другие работы, написанные в соавторстве с учеными постсоветского пространства. Знакомство с вышеперечисленными произведениями показывает, что в центре научного творчества Ильхама Мамедгасановича в основном находятся философские и социально-правовые проблемы уголовной политики и уголовного права, генезис преступности

и ее причин, этиология преступления и онтология наказания, а также религиозные воззрения на преступление и наказание с позиций иудаизма, христианства, ислама, буддизма, конфуцианства.

Другая отличительная черта научных трудов И. М. Рагимова состоит в том, что они написаны не только сквозь призму истории и философии уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права. Автор затрагивает в них и широкий пласт биологических и социологических, психологических и генетических аспектов преступности, что весьма важно для дальнейшего развития теоретических основ противодействия ей.

Несмотря на то, что в каждом из вышеперечисленных трудов ученый исследует отдельные срезы проблем преступности, преступления и наказания, они являются композиционно неразделимыми и характеризуются внутренним единством. В связи с этим обстоятельством в совокупности данные произведения создают экспоненциальный эффект, в силу чего порой по прочтении второй монографии осознаешь масштабность и глубину идей, выдвинутых автором в первой, по прочтении четвертой – нарастающую фундаментальность положений, отраженных в третьей.

Складывается впечатление, что еще до создания этих книг Ильхам Мамедгасанович на когнитивном уровне сформировал для себя универсальную матрицу для них (в рассматриваемом случае преступность – преступление – наказание – ресоциализация осужденных), что позволило ему в процессе работы обеспечить, с одной стороны, органическую целостность и логическую последовательность предметов исследования, а с другой – взаимосогласованность и взаимодействие структурных элементов этих трудов с единым авторским замыслом.

Еще одно несомненное достоинство опубликованных исследований профессора Рагимова заключается в том, что все они отличаются богатой эмпирической, библиографической и фактологической базой исследования. В частности, в них представлены труды философов и теологов, правоведов и социологов, психологов и генетиков, взгляды которых по обсуждаемым вопросам достаточно корректно, а главное ясно, изложены в контексте авторского видения проблем преступления и наказания. Кроме того, данные труды насыщены историко-правовой информацией, позволяющей читателю не только приобщаться к знаниям, дошедшим до нас из глубины веков, но и во многом обогатить его познания об основных вехах развития уголовно-правовой мысли о преступлении и наказании. В исследованиях И. М. Рагимова критически осмыслены многие существующие подходы к генезису преступления, эволюции преступного поведения и онтологии наказания, проблемам ресоциализации осужденных и оптимизации уголовного наказания, назначаемого виновным приговорами судов, а также подвергну-

ты всестороннему анализу концептуальные проблемы современной уголовной политики и уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права.

В свете сказанного не удивительно, что труды Ильхама Мамедгасановича широко востребованы научным сообществом как на его родине и постсоветском пространстве, так и далеко за их пределами. Многие его монографии переизданы в Англии, Болгарии, Германии, Израиле, Иране, Италии, Казахстане, Китае, Кыргызстане, Турции и других странах.

В познавательном плане научные произведения профессора Рагимова интересны содержащейся в них обширной информацией религиозного характера. Исследователь демонстрирует в данных трудах аналитический склад ума и энциклопедические знания не только философских, социологических, правовых и иных проблем преступления и наказания, но и базовых положений существующих священных писаний, а также содержащихся в них правовых воззрений на преступление и наказание, равно как и обширную осведомленность о фундаментальных работах известных богословов и ведущих библеистов, корановедов и исламских теологов по тем или иным сложным религиозно-правовым дилеммам, цитаты из которых гармонично вплетены в текст его монографий.

Системность, масштабность и всесторонний подход к исследованию той или иной темы дали И. М. Рагимову возможность, с одной стороны, актуализировать разработанные ранее вопросы преступления и наказания в философии и социологии, теории уголовного права и криминологии, а с другой – выявить комплекс новых проблем и предложить новаторский подход к их решению, нивелирующий многие утвердившиеся в теории уголовного права и криминологии парадигмы (причины преступности, многоуровневые стадии становления преступления, истоки наказания и т. д.).

В частности, читатель при знакомстве с этими крайне интересными произведениями заметит, что с каждой последующей монографией мысли автора о генезисе преступности, этиологии преступления и аксиологии уголовного наказания приобретают более глубокий философский оттенок и более выраженную социологическую направленность, обогащаются нестандартными гипотезами, а также сопровождаются постепенным переосмыслением некоторых устоявшихся в теории уголовного права и криминологии аксиом, дополняются интересными сведениями и историческими фактами, привнесенными из памятников правовой культуры древности.

Рассматривая те или иные правовые, философские, теологические, генетические или исторические аспекты преступности и ее причин, а также преступления и наказания, И. М. Рагимов демонстрирует блестящее знание философских проблем права и фундаментальных положений таких памятников

правовой культуры древности, как Законы Хаммурапи, Кодекс Ур-Намму, Законы Ману. Многие их правовые воззрения на преступление и наказание органично встроены в ткань произведений Ильхама Мамедгасановича и сопровождаются безупречными авторскими комментариями, изложенными в лучших традициях азербайджанской и русской словесности.

Благодаря такому интегративному подходу профессору Рагимову удалось в своих трудах представить читателям крайне интересные суждения о фундаментальных проблемах преступности, отличающиеся широким спектром нестандартных воззрений на генезис преступления и этиологию наказания с позиций философии и социологии уголовного права, мировых религий и накопленного опыта в сфере противодействия преступности на различных этапах исторического развития общества. В них Ильхам Мамедгасанович заложил и основы многих чрезвычайно интересных гипотез о генезисе преступности и ее причин, онтологии наказания и его аксиологической сущности¹, теологических истоках преступления и наказания, которые по мере изложения авторской позиции развиваются и пересекаются, образуя в итоге в совокупности интеллектуальный симбиоз теологических и светских воззрений на философские и сугубо правовые проблемы преступности, преступления и наказания. Часть из этих воззрений благодаря своей самобытности расходятся с устоявшимися в теории уголовного права и криминологии догмами об этих социально-правовых явлениях в силу их отрицания или некоторых собственных прибавлений к ним, ретранслированных И. М. Рагимовым из личных мировоззренческих ценностей и проповедуемых им духовно-нравственных императивов, а также из аксиологических скрепов естественного и позитивного права.

Еще одна характерная особенность трудов Ильхама Мамедгасановича состоит в том, что, знакомясь с его оригинальными воззрениями на преступность и ее причины, преступление и наказание, читатель невольно погружается в состояние философской рефлексии, которое уводит его в необъятные просторы генезиса преступности и онтологии наказания, что не только открывает перед ним широкие просторы преступности, в том числе теологические, но и подсознательно мотивирует на углубленные размышления о данных извечных социально-правовых явлениях.

Представляется, что многие из этих крайне интересных мыслей И. М. Рагимова, высказанных им в фундаментальных трудах, являются продуктом его «чистого разума». Так, углубленный анализ отдельных философских рассуждений и самобытных правовых идей профессора Рагимова говорит о том, что они являются не только результатом его чувственных впечатлений или следствием накопленного профессионального и жизненного опыта. Сформулировать подобные мысли возможно лишь на уровне умопостижения, т. е. на рациональной ступени мышления, которая, будучи гармонично вплетена в бесконечное пространство Вселенной и неудержимый поток времени, с одной стороны, раскрепощает представления ученого, а с другой – вынуждает его на время отойти от традиционных методов исследования и заглянуть за горизонты данностей, имеющих в системе научных знаний.

Такой оригинальный когнитивный метод исследования позволил И. М. Рагимову в его произведениях проникнуть в глубинные пласты проблем преступности и ее причин, генезиса преступления и этиологии наказания² в контексте религиозных воззрений и философских категорий³. Все эти методологические инструменты, которые Ильхам Мамедгасанович применяет в своих исследованиях, делают их уникальными. Опубликованные книги И. М. Рагимова побуждают читателя глубже вникнуть в философские, духовно-нравственные и сугубо правовые рассуждения Ильхама Мамедгасановича по тем или иным ключевым аспектам преступности.

Говоря о самобытности научного творчества профессора Рагимова, нельзя обойти вниманием еще два знаковых момента. Первый из них связан с библиографией. Во-первых, при написании монографий Ильхам Мамедгасанович использует огромное количество литературных источников древности и современности (об этом свидетельствуют многочисленные подстрочные сноски в них). Во-вторых, тематика предметного поля его исследований является многовекторной (философия и теология, социология и психология, история и девиантология, уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право и теория прогнозирования и т. д.). В-третьих, необходимо отметить географическое разнообразие (профессор ссылается на труды, изданные не только на постсоветском пространстве, но и в странах Европы и Северной Америки, Азии и Ближнего Востока).

¹Здесь в качестве примера можно сослаться на разработанную И. М. Рагимовым матрицу целей применения наказания, в которой обоснована идея о том, что наказание само по себе не может преследовать какие-либо цели, так как всякая цель является субъективной, определяется человеком, выражается в законодательстве и реализуется субъектом правоприменения. См.: Рагимов И. М. Учение о наказании. М.: Наука, 2025. 589 с.

²Например, в монографии И. М. Рагимова «Оправдание наказания» обоснована идея о том, что наказание само по себе не может устранить ни делинквентные наклонности человека, ни его криминальное мировоззрение, ни его низменные инстинкты. Соответственно, ошибочно ждать от самого факта применения наказания нравственного исправления осужденного.

³Названные особенности характерны для монографий «Философия преступления и наказания» (Санкт-Петербург, 2013), «Религия и наказание» (Санкт-Петербург, 2020), «Преступление и наказание в мировых религиях» (Санкт-Петербург, 2023).

Данный методологический компонент исследования свидетельствует о масштабах предварительной работы над каждой из опубликованных монографий, поскольку этот огромный массив литературных источников необходимо предварительно прочесть, осмыслить суть произведений, сделать необходимые выписки, а также творчески использовать их в рукописи, гармонично вплетая в структуру текста исследования и не нарушая внутреннюю логику авторского замысла.

Значимость рассматриваемого момента исследования видится и в том, что И. М. Рагимов не только получает новые знания о преступлении и наказании, реципированные из различных источников научной мысли, но и делится ими с читателем. Таким образом, анализируемые работы способствуют просвещению молодого поколения юристов по вопросам соотношения философии и социологии, религии и права, в том числе о роли священных писаний и памятников правовой культуры древности в становлении учения о преступности и ее причинах, преступлении и наказании.

Вторым знаковым моментом трудов И. М. Рагимова является тональность заочного общения с авторами, к трудам которых он обращается в своих исследованиях. В частности, профессор достаточно корректно относится к мнению своих оппонентов, апеллируя к ним при рассмотрении тех или иных сложных теологических или светских вопросов преступления и наказания. В то же время он достаточно толерантен даже в тех случаях, когда его воззрения принципиально расходятся с позицией цитируемых ученых.

Анализируя особенности научного творчества профессора Рагимова, необходимо подчеркнуть и его неоценимый вклад в подготовку в Азербайджане национальных научных кадров в области теории уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права. Благодаря научно-методической и организационно-консультативной помощи Ильхама Мамедгасановича десятки аспирантов и докторантов написали и успешно защитили диссертации.

Неоценим вклад И. М. Рагимова в формирование государственной стратегии противодействия преступности в Азербайджане. Он является автором первой концепции реформирования судебной системы страны (1993), государственной программы по борьбе с преступностью (1994), аналитических записок по совершенствованию национального законодательства в сфере противодействия преступности, либерализации уголовного законодательства, предупреждению рецидива преступлений, гуманизации наказания и т. д.

Говоря о вкладе профессора Рагимова в развитие современного преступноведения в Азербайджане и за его пределами, нельзя не упомянуть его международную деятельность на посту президента Ассо-

циации юристов Черноморско-Каспийского региона. Ильхам Мамедгасанович организует ежегодные международные научные конференции, которые проходят не только в Баку, но и в других странах Черноморско-Каспийского региона. Ценность таких авторитетных научных форумов состоит не только в том, что в их работе принимают активное участие ведущие ученые как из стран постсоветского пространства, так и многих государств Восточной и Западной Европы.

Такие межкультурные конференции ученых-правоведов, представляющих различные кластеры мировой правовой культуры, позволяют участникам этих симпозиумов не только непосредственно общаться между собой, но и обмениваться мнениями по тем или иным фундаментальным проблемам права, углублять кросскультурное взаимодействие с зарубежными коллегами, знакомиться с их правовыми традициями и достижениями в сфере противодействия преступности, непосредственно участвовать в дискуссиях вокруг доклада того или иного участника.

В рамках одной небольшой публикации невозможно даже тезисно рассказать о многогранной личности этого всемирно известного ученого и его креативном научном творчестве, поэтому, завершая наше небольшое эссе о юбиларе, скажем лишь одно: «С Юбилеем, Ильхам Мамедгасанович!»

Научное сообщество в лице академика Российской академии наук, заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Т. Я. Хабриевой, академика Российской академии наук, заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. Н. Савенкова, члена-корреспондента Российской академии наук, доктора юридических наук, профессора В. Н. Кропачева, члена-корреспондента Российской академии наук, доктора философских наук, профессора Ж. Т. Тощенко, Председателя Народного Собрания Республики Дагестан З. А. Аскендерова, профессора, председателя фонда «Славяне» Захари Захариева, председателя греческого Союза прогрессивных адвокатов З. Й. Рахиятиса, президента Ассоциации евразийских инициатив и сотрудничества Тогрул Вели, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Р. А. Курбанова, заслуженного деятеля науки Республики Казахстан, доктора юридических наук, профессора Е. О. Алауханова, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. И. Чучаева, заслуженного учителя Азербайджанской Республики, доктора юридических наук, профессора И. О. Кулиева, заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. И. Бастрькина, заслуженного юриста Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора В. М. Хомича,

заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. Н. Плигина, почетного профессора Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, доктора юридических наук, профессора Х. Д. Аликперова, доктора юридических наук, профессора Аббас Малек, доктора юридических наук, профессора Н. Г. Алиева, доктора юридических наук, профессора А. А. Аря-

мова, доктора юридических наук, профессора Р. Р. Рахмаджонзода, доктора юридических наук, профессора Д. И. Сулейманова, доктора юридических наук, профессора Александра Чирича поздравляет Ильхама Мамедгасановича с юбилеем и желает крепкого здоровья, долголетия, новых творческих успехов и достижений.

В. М. Хомич⁴

⁴Владимир Михайлович Хомич – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры государственно-правовых дисциплин факультета права Белорусского государственного экономического университета.

Vladimir M. Khomich, doctor of science (law), full professor; professor at the department of state and legal disciplines, faculty of law, Belarus State Economic University.

E-mail: khomich.ul@gmail.com

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 346.546(075.8)

Бондаренко Н. Л. Антимонопольное право : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 6-05-0424-01 «Правоведение», 6-05-0421-03 «Экономическое право» / Н. Л. Бондаренко, А. В. Гавриленко, Ю. Г. Конаневич ; БГУ. Минск, 2025. 68 с. Библиогр.: с. 63–68. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/340143>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 20.01.2026, № 000720012026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Антимонопольное право» предназначен для студентов специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 6-05-0424-01 «Правоведение», 6-05-0421-03 «Экономическое право». Издание предполагает получение студентами базовых знаний в области антимонопольного регулирования. ЭУМК отражает содержание учебной программы по дисциплине «Антимонопольное право».

УДК 341:339.5(075.8)

Country marketing : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0421-01 «Юриспруденция» / Н. Л. Бондаренко, А. В. Гавриленко, Ю. Г. Конаневич [и др.] ; БГУ. Минск, 2025. 56 с. Библиогр.: с. 52–56. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/340144>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 20.01.2026, № 000820012026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Country marketing» предназначен для студентов, получающих углубленное высшее образование по специальности 7-06-0421-01 «Юриспруденция». Содержание ЭУМК предполагает формирование у учащихся представления о механизме и методологии защиты национальных интересов, их правовой основе, а также о правовом регулировании и правовом положении странового бренда. ЭУМК отражает содержание учебной программы по дисциплине «Country marketing».

УДК 342.9(1-87)(075.8)

Административное право зарубежных стран : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 01 02 «Правоведение» / БГУ ; сост. А. В. Карамышев. Минск, 2025. 75 с. Библиогр.: с. 73–75. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/340210>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 20.01.2026, № 001220012026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Административное право» предназначен для студентов специальности 1-24 01 02 «Правоведение». ЭУМК состоит из пояснительной записки и четырех разделов.

УДК 346(075.8)

Public and private sector entrepreneurship : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0421-01 «Юриспруденция» / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич, Н. В. Пантелеева, А. В. Гавриленко ; БГУ. Минск, 2026. 172 с. Библиогр.: с. 166–169. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/340795>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 27.01.2026, № 002127012026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Public and private sector entrepreneurship» предназначен для студентов, получающих углубленное высшее образования по специальности 7-06-0421-01 «Юриспруденция». Издание предполагает получение студентами базовых знаний в области правового регулирования закономерностей и принципов индивидуального и государственного предпринимательства. ЭУМК отражает содержание учебной программы по дисциплине «Public and private sector entrepreneurship».

УДК 343.98(075.8)

Криминалистика : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 6-05-0421-01 «Правоведение», 1-24 01 02 «Правоведение» / В. Б. Шабанов, В. Л. Григорович, И. А. Лапина, Е. П. Орехова ; БГУ. Минск, 2026. 79 с. Библиогр.: с. 74–79. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/341497>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 11.02.2026, № 002611022026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Криминалистика» предназначен для студентов специальностей 6-05-0421-01 «Правоведение», 1-24 01 02 «Правоведение» профилизиаций «Судебно-прокурорско-следственная деятельность», «Хозяйственное право», «Организация и деятельность государственных органов», «Налоговое и банковское право», «Адвокатура и нотариат». ЭУМК включает теоретический раздел, примерные планы практических занятий, примерный перечень заданий для управляемой самостоятельной работы студентов, а также список основной и дополнительной литературы, список электронных ресурсов.

УДК 340.63(075.8) + 159.9:343.1(075.8)

Шабанов В. Б. Кроссворды и ребусы по судебно-следственной психологии и судебной психиатрии / В. Б. Шабанов, Ю. В. Кухарьков, Е. П. Орехова ; БГУ. Минск, 2026. 39 с. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/341501>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 11.02.2026, № 002711022026. Текст : электронный.

В пособии содержатся кроссворды, ребусы, ключи и пояснения по основным терминам судебно-следственной (юридической) психологии и судебной психиатрии. Может использоваться при проведении практических занятий по учебным дисциплинам «Судебно-следственная психология» и «Судебная медицина и психиатрия».

Предназначено для студентов, преподавателей юридических специальностей, всех, кто интересуется проблематикой судебно-следственной (юридической) психологии и судебной психиатрии.

УДК 343.14(075.8)

Орловская Л. Г. Доказательства и доказывание в уголовном процессе : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 7-06-0421-01 «Юриспруденция» / Л. Г. Орловская ; БГУ. Минск, 2026. 111 с. Библиогр.: с. 104–111. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/342269>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 23.02.2026, № 004320022026. Текст : электронный.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Доказательства и доказывание в уголовном процессе» предназначен для магистрантов специальности 7-06-0421-01 «Юриспруденция».

ЭУМК включает четыре раздела, в которых содержатся необходимые материалы для освоения магистрантами учебной дисциплины «Доказательства и доказывание в уголовном процессе», относимая к модулю «Актуальные вопросы уголовного процесса».

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Суша В. А., Гавриш А. Н., Кондратенко Р. М.</i> Правовые механизмы и эволюция перечней критических и сквозных технологий в России в контексте технологического суверенитета современного государства.....	4
--	---

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Абламейко М. С., Сухопаров В. П.</i> Подходы к правовому регулированию дипфейков в контексте минимизации рисков и угроз информационной безопасности общества и государства.....	14
<i>Карамышев А. В.</i> Процессуальное обеспечение права на участие в административном производстве.....	22
<i>Малютин Н. С.</i> Межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество в социогуманитарной сфере со странами евразийского пространства.....	30
<i>Шаро О. У.</i> Конституционная культура в белорусском обществе.....	39

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И НАЛОГОВОЕ ПРАВО

<i>Денисевич А. В.</i> Применение пруденциального подхода в парадигме национальной экономической безопасности.....	45
<i>Хашковский Н. В.</i> Правовые проблемы определения трансфертной цены на цифровые активы в Республике Беларусь.....	53

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

<i>Каменков В. С., Куницкая О. М.</i> Перспективы формирования инвестиционно-правового режима цифровых объектов в законодательстве стран ЕАЭС.....	62
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Бибило В. Н.</i> Непосредственность исследования доказательств в системе общих условий судебного разбирательства уголовных дел.....	75
<i>Красиков В. С.</i> Криминалистическая тактическая операция в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».....	84

ЮБИЛЕИ

Виктор Сергеевич Каменков.....	94
Ильхам Мамедгасанович Рагимов.....	97
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	102

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

<i>Susha V. A., Gavrish A. N., Kondratenko R. M.</i> Legal mechanisms and the evolution of lists of critical and cross-cutting technologies in Russia within the context of the modern state's technological sovereignty.....	4
---	---

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

<i>Ablameyko M. S., Sukhparau V. P.</i> Approaches to legal regulation on deepfakes in the context of minimising risks and threats to information security of the society and state.....	14
<i>Karamyshev A. V.</i> Procedural support of the right to participate in administrative proceedings.....	22
<i>Malyutin N. S.</i> Interregional and intermunicipal cooperation in the socio-humanitarian sphere with the countries of the Eurasian space.....	30
<i>Sharo O. U.</i> Constitutional culture in the Belarusian society.....	39

FINANCE LAW AND TAX LAW

<i>Denisevich A. V.</i> Applying a prudential approach in the paradigm of national economic security.....	45
<i>Khashkovsky N. V.</i> Legal problems of transfer pricing determination for digital assets in the Republic of Belarus.....	53

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

<i>Kamenkov V. S., Kunitskaya O. M.</i> Prospects for the formation of an investment and legal regime of digital objects in the legislation of the EAEU countries.....	62
--	----

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

<i>Bibilo V. N.</i> Immediacy of evidence examination in the system of general conditions of criminal trials.....	75
<i>Krasikau U. S.</i> A forensic tactical operation in F. M. Dostoevskii's novel «Crime and punishment».....	84

JUBILEES

Viktor Sergeevich Kamenkov.....	94
Ilham Mamedgasanovich Rahimov.....	97
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	102

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам. Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Право.
№ 1. 2026**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.
E-mail: jlaw@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Право» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редактор А. С. Люкевич
Технические редакторы М. А. Панкратова, А. Р. Голик
Корректоры А. С. Люкевич, В. И. Авчинникова

Подписано в печать 30.04.2026.
Тираж 25 экз. Заказ 0000.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2026

**Journal
of the Belarusian State University. Law.
No. 1. 2026**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-72-34, (017) 259-72-38.
E-mail: jlaw@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Journal of the Belarusian State University. Law»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editor A. S. Lyukevich
Technical editors M. A. Pankratova, A. R. Golik
Proofreaders A. S. Lyukevich, V. I. Avchinnikova

Signed print 30.04.2026.
Edition 25 copies. Order number 0000.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2026